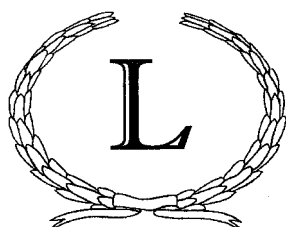

МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ

имени проф. Б. А. Ларина

УДК 81'373; 81'374
ББК 81.2-3
М43

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского государственного университета

Рецензент:
д-р филол. наук проф. В. И. Трубинский (С.-Петерб. гос. ун-т)

М43 **Межкафедральный** словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина. Л / отв.
ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ,
2010. — 156 с.

ISBN 978-5-8465-1080-7

Сборник научных статей содержит материалы юбилейной конференции 2010 г.
«Ларинские идеи и современная лексикография», посвященной 50-летию Межкафедрального словарного кабинета имени проф. Б. А. Ларина.

Для филологов-лексикографов, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

ББК 81.2-3

Издание осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
грант «Всероссийская научная конференция
„Ларинские идеи и современная лексикография“», № 10-04-14035г

ISBN 978-5-8465-1080-7

© Коллектив авторов, 2010
© Филологический факультет СПбГУ, 2010
© С. В. Лебединский, оформление, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. С. Лутовинова.</i> К 50-летию Межкафедрального словарного кабинета имени проф. Б. А. Ларина	4
<i>А. С. Герд.</i> Межкафедральный словарный кабинет Ленинградского университета и кафедра русского языка (1961–1973).....	10
<i>Л. Я. Костючук.</i> Актуальность традиций ларинской школы в современной и учебной деятельности (Борис Александрович Ларин в судьбе псковского вуза).....	24
<i>В. М. Мокиенко.</i> Ларинские идеи в современной фразеологии и фразеографии	31
<i>Е. В. Генералова.</i> Проблема лексикографической интерпретации семантического своеобразия языковых единиц (на материале «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»).....	44
<i>О. В. Васильева.</i> Стилистическая дифференциация языковых единиц в Словаре обиходного русского языка Московской Руси.....	59
<i>Е. В. Сенько.</i> Смена парадигм ценностей российского общества.....	69
<i>И. С. Лутовинова.</i> Размышления о типе «Псковского областного словаря с историческими данными»	74
<i>И. С. Кукушкина, Е. А. Петрова, М. А. Тарасова.</i> Новые горизонты в работе над «Псковским областным словарем»	80
<i>Е. А. Нефедова.</i> Общерусское слово в диалектном словаре	91
<i>Т. Г. Никитина.</i> Народная примета в лексикографическом отображении ...	102
<i>Л. Л. Шестакова.</i> К истории становления научного направления: писательская лексикография	109
<i>М. Б. Борисова, Д. М. Поценья.</i> Словарь М. Горького и современная писательская лексикография	126
<i>Ю. С. Язикова.</i> Концепт «красота» в художественном мире М. Горького	146
<i>Н. С. Уткина.</i> Словари современных английских писателей через призму времени	149
<i>А. С. Герд.</i> Существует ли общая теория лексикографии как предмет языкознания?	151
Надгробие Б. А. Ларина на Большеохтинском кладбище	155

И. С. Лутвинова

К 50-ЛЕТИЮ МЕЖКАФЕДРАЛЬНОГО СЛОВАРНОГО КАБИНЕТА ИМЕНИ ПРОФ. Б. А. ЛАРИНА

Уже полвека существует Словарный кабинет (МСК) на филологическом факультете Санкт-Петербургского (а ранее Ленинградского) государственного университета. Всякий юбилей (а 50 лет — это значительная дата) требует оценки творческого пути, подведения итогов, представления достижений и, конечно, возвращения к истокам, началу.

Осенью 1960 года при поддержке ректора Университета, талантливом геометра А. Д. Александрова, который поверил в идеи не менее талантливого лингвиста, филолога Б. А. Ларина, кабинет был открыт. Он стал называться *Межкафедральным*, т. к. объединял сотрудников нескольких кафедр (тогда это были преподаватели кафедр русского языка, славянской филологии, общего языкознания, немецкой филологии; позже присоединились преподаватели кафедр русского языка как иностранного и математической лингвистики); *словарным*, т. к. основная цель создания такого кабинета — объединить словарников для выполнения научных тем по составлению словарей.

Идеи Б. А. Ларина были новаторскими: он предлагал серию экспериментальных словарей по различным направлениям научно-исследовательской лексикографической деятельности. К тому же с самого начала создания МСК Б. А. Ларин предполагал сотрудничество со Словарным сектором Академии наук и с другими вузами страны.

В настоящее время Словарный кабинет — это уникальное подразделение факультета. Уникальность его не только в темах, но и в большом творческом коллективе единомышленников, влюбленных в словарное дело. Каждый из членов коллектива работает по одной, а иногда и по двум научным темам Кабинета.

Первоначально (в 1960 году) штат МСК составляли лекционные ассистенты — должность, созданная приказом ректора, лаборант и преподаватели кафедр, в соответствии с приказом ректора имевшие снижение педагогической нагрузки за участие в составлении словарей¹.

В настоящее время в МСК работают научные сотрудники, старшие научные сотрудники, программисты, лаборанты, преподаватели кафедр, словарники Института лингвистических исследований АН РФ. Некоторые добровольно (иногда имеют денежное вознаграждение из научных грантов) принимают участие в

работе Кабинета. Научный руководитель Кабинета — доктор филологических наук профессор *А. С. Герд*, заведующая Кабинетом — *Е. А. Петрова*.

Гранты и Программы — это конкурсная материальная поддержка тем Кабинета, осуществляемая научными фондами Российской Федерации и Министерством образования.

Научная работа МСК продолжается в рамках тех направлений, которые были определены *Б. А. Лариным* в 60-х годах XX столетия.

Эти направления уже неоднократно описывались, в частности в статье, посвященной 30-летию Кабинета².

В настоящей статье предполагается корректировка сведений о лицах, участвующих в работе Кабинета, и о том *новом*, что появилось в деятельности МСК за прошедшие 20 лет.

1. Региональная лексикология и лексикография

По-прежнему успешно работает коллектив, включая коллег из Псковского государственного педагогического института (теперь университета), над темой «Псковский областной словарь с историческими данными» (руководит темой кандидат филологических наук доцент *И. С. Лутвинова*)³. Проводятся еженедельные семинары (30 в год, число участников — 15 и более человек), на которых обсуждаются словарные статьи, решаются не только практические сложные вопросы, но подчас на семинарах рождаются решения некоторых теоретических проблем, что приводит к корректировке уже новой, переработанной инструкции (опубликована в 15 вып. Словаря). Продолжаются ежегодные студенческие экспедиции в Псковскую область (руков. *О. В. Васильева*), расписывание новых источников для Словаря, в основном силами студентов-практикантов (руков. *Е. В. Генералова*); непрерывно копируются материалы картотеки Псковского государственного университета (исп. *В. В. Вересиянова*). За счет этой деятельности ежегодно пополняется картотека (отв. *К. А. Гаврилова*), идет непрерывная работа по поддержанию картотеки, ее совершенствованию; участие в этой работе принимают все авторы Словаря псковских говоров. Ввод материалов в компьютер в основном осуществляют *К. А. Гаврилова* и *И. С. Кукушкина*.

Создается электронная «Автоматизированная база данных псковских говоров как инструмент изучения диалектной синонимии». Участвуют в этой новой для МСК работе *О. В. Васильева*, *В. В. Вересиянова*, *Я. Ю. Коваленко*, *Е. Б. Кузьмина*, *И. С. Кукушкина*, *Е. А. Петрова*, *Е. А. Сабанцева*. Руководит темой *М. А. Тарасова*.

Коллектив авторов ПОС закончил составлять словарные статьи на букву «Н», к завершению идет работа по составлению словарных статей на букву «О». Вышел 21-й выпуск Словаря (издательство работает над 22-ым выпуском, в настоящий момент коллективом авторов составляется 23-й), описано около 60 тысяч слов. В течение нескольких лет тема «Псковский областной словарь с историческими данными» имеет поддержку Российского государственного научного фонда и Министерства образования.

Продолжает выходить в Пскове сборник научных трудов «Псковские говоры» (последний — в 2007 г.), в котором принимают участие и ученые МСК им. проф. *Б. А. Ларина*.

Вторая тема этого направления — «Словарь русских говоров по среднему течению реки Печоры» — благополучно завершена изданием «Словаря русских говоров Низовой Печоры» в 2-х томах (отв. ред. — доктор филологических наук профессор *Л. А. Ивашко*) в 2005 году. Коллектив МСК выполнял эту работу совместно с коллективом авторов — преподавателями кафедры русского языка Коми пединститута в Сыктывкаре.

В последние годы (начало XXI в.) это направление пополнилось еще одной темой — словарем «Селигер». Идея *Б. А. Ларина* о коллективных работах осуществляется и здесь, т. к. она выполняется совместно с Тверским государственным университетом (руков. — доктор филологических наук профессор *А. С. Герд*)⁴. Проводятся ежегодные экспедиции в различные районы бассейна озера Селигер. Бессменным руководителем этих экспедиций вместе с *А. С. Гердом* является *З. А. Петрова*. Экспедиции проводятся в рамках диалектологической практики студентов.

Территория озера Селигер очень давно привлекает внимание ученых, в том числе и лингвистов.

В июле 1936 и 1938 годов в экспедиции на Селигер принимал участие (руководил группой) *Б. А. Ларин*. Целью этих экспедиций был сбор материалов для «Лингвистического атласа района озера Селигер».

Группа *Б. А. Ларина* обследовала 74 населенных пункта в Демянском, Пенском, Лиховичском, Осташковском районах.

А. С. Герд считает, что лексикографически эта территория (районы оз. Селигер) еще не изучена, поэтому «Словарь “Селигер” — это последнее связующее звено в цепи русских региональных словарей от Баренцева моря до Смоленска и Москвы»⁵.

По своему типу — это будет «дифференциальный словарь относительно полного типа. Учет каждого производного слова, каждого потенциального фразеологизма, широкий показ лексической и синтаксической сочетаемости слова, приведение почти всех имеющихся иллюстративных примеров народной речи»⁶. Словарь составляется, вышло 3 выпуска, идет работа над 4-м выпуском (буквы «Н–Па»).

2. Историческая лексикология и лексикография

В марте 1961 г., выступая перед коллективом МСК, *Б. А. Ларин* провозгласил замыслы «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», подчеркивая, что «нет более увлекательной задачи, чем создание такого богатого источника для множества исследований и размышлений...⁷; под обиходным языком Московской Руси мы понимаем несколько обобщенный, именно общий разговорный язык»⁸. Лексику русского живого языка средних веков не отражают сколько-нибудь удовлетворительно никакие источники, ни один из существующих словарей. А в ней, в хорошей документации, в широкой иллюстрации обычного разговорного обихода русских народных масс ощущается острая нужда. Это наиболее вопиющая лакуна русской лексикографии и самое зыбкое место, трясина, в которой гибнет всякая попытка построения русской исторической лексикологии»⁹.

Столь пространное цитирование Б. А. Ларина неизбежно, т. к. его заветы надо помнить, тем более что он верил в возможность осуществления этой идеи коллективом МСК, говоря: «Мы созданы для этого, мы способны это сделать, едва ли кто другой сделал бы, сделает это лучше нас! Следовательно, мы должны это сделать — во что бы то ни стало! И все сопутствующие малые работы МСК (Борис Александрович имел в виду Псковский областной словарь и Печорский словарь) будут работать в нашу пользу»¹⁰.

В настоящее время создан коллектив Словаря: *С. Н. Варина, О. В. Васильева, С. Св. Волков, Е. В. Генералова, Е. И. Зиновьева, Л. М. Карамышева, А. Ю. Коваленко, Я. Ю. Коваленко, Е. В. Колосько, А. В. Конева, Ю. А. Кузнецов, М. Н. Приемышева, Е. А. Сабанцева, Г. Ю. Смирнова, Р. Х. Тугушева, А. С. Щёкин*. Возглавляет коллектив Словаря и является его главным редактором кандидат филологических наук доцент *О. С. Мжельская*. Ввод материала в компьютер осуществляет *С. А. Туманова*. Большую помощь на начальном этапе работы над Словарем оказала *В. П. Фелицына*. Работа над Словарем осуществляется совместно с Институтом лингвистических исследований РАН.

Словарь имел поддержку Российского научного гуманитарного фонда.

В 2010 году вышел из печати 3-й выпуск, это уже конец буквы «В».

В 4-ом выпуске предполагается новая инструкция по составлению «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», подводящая итог теоретическим вопросам составления Словаря и практическим положениям повседневной лексикографической работы. Продолжается работа над 5-м выпуском (ДА–ДНО).

Проводится еженедельный лексикографический семинар в МСК (руков. — доктор филологических наук профессор *Е. И. Зиновьева*).

Пополнение картотеки Словаря осуществляется авторами по мере проведения составительской работы, а также студентами во время лексикографической практики (вместо диалектологической) под руководством *Е. В. Генераловой*. Ответственной за картотеку является *О. В. Васильева*.

Под руководством *Е. В. Генераловой* идет работа по составлению Сводного электронного конкорданса источников «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (цифровой ресурс). Конкордансы к отдельным памятникам предоставлялись доктором филологических наук профессором *К. Р. Галиуллиным* и его учениками (Казанский государственный университет).

Периодически продолжает выходить сборник статей «Русское слово в историческом развитии» (XIV–XIX века) по материалам ежегодной Международной филологической конференции (секция «Историческая лексикология и лексикография»).

3. Словарь писателя и художественная речь (в издании 1993 г. — только Словарь писателя)

В развитии идеи Б. А. Ларина о писательском словаре как научном разыскании по вопросам художественной речи в МСК продолжается работа над текстом романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Работает научный семинар (40 заседаний в год) «М. Горький и стилистика художественной речи» (руков. — док-

тор филологических наук профессор *Д. М. Поцення*). В рамках этого семинара обсуждаются научные проблемы писательской лексикографии, словарные статьи «Словаря драматургии М. Горького». Этот словарь — тоже реализация ларинской идеи, выполняется в Саратовском государственном университете.

Очень большим достижением этой творческой группы (кандидат филологических наук *А. Д. Еськова*, аспирантка *М. М. Скоморох*, магистрантка *А. А. Бичевая*) является сданный в издательство СПбГУ «Частотный словарь имен собственных в романе М. Горького “Жизнь Климса Самгина”». Продолжается подобная работа по составлению частотного словаря нарицательных имен в романе. Эти словари ставят перед коллективом и его руководителем (*Д. М. Поценёй*) вопрос о разработке идеологического словаря художественного произведения.

Продолжает выходить сборник «Словоупотребление и стиль писателя», в 2010 г. вышел 4-й выпуск.

4. Двуязычная лексикология и лексикография

Это направление научно-лексикографического эксперимента *Б. А. Ларина* в настоящее время представлено только болгарско-русским словарем к поэтическим произведениям *Никола Вапцарова* — «Словарь поэзии *Никола Вапцарова*». Руководитель темы и главный редактор Словаря — кандидат филологических наук доцент *Г. В. Крылова*. Словарным семинаром (30 заседаний в год) руководит кандидат филологических наук доцент *З. К. Шанова*. В коллектив авторов влились также *Ольга Вадимовна Васильева* (заведующая Библиотекой филологического факультета) и *Н. В. Сивенкова* (преподаватель кафедры славянской филологии).

В настоящее время находится в издательском производстве 3-й выпуск Словаря (магичен — пламък). Группа продолжает работу над завершающими выпусками Словаря.

5. Фразеография и проблемы фразеологии

В 2004 г. при переиздании статьи 1993 г. это направление, возникшее уже позже, было обозначено как «Изучение и лексикографическое описание русской фразеологии».

При Межкафедральном словарном кабинете работает Фразеологический семинар (14 заседаний в год). Руководитель — доктор филологических наук профессор *В. М. Мокиенко*. В семинаре принимают участие до 20 и более человек.

Об этом направлении и об идеях *Б. А. Ларина*, связанных с проблемами фразеологии, написано в статье *В. М. Мокиенко* в настоящем сборнике (с. 31).

Основная направленность работы этой группы — научное развитие фразеологических идей создания электронных тезаурусов «Пословицы русского языка» и «Большой объяснительный словарь пословиц». Ведущие исполнители темы, *Е. И. Зыкова* и *Н. А. Кузьмина*, вводят в компьютерную базу новые материалы русских пословиц и поговорок.

Проф. *В. М. Мокиенко* в своей деятельности и в деятельности семинара в рамках Словарного кабинета определяет еще одно направление: *словари социальных диалектов и жаргонология*.

В. М. Мокиенко и Е. И. Зыковой создан электронный тезаурус (цифровой ресурс) «Русские социолекты в учебном процессе».

* * *

С 2009 г. сотрудники МСК принимают участие в Международном российско-тайваньском проекте (руков. — доктор филологических наук профессор *Г. А. Лилич*) по составлению двуязычного толкового словаря современной лексики.

Сотрудники МСК (ст. лаборант *К. А. Гаврилова* и ст. лаборант *И. С. Кукушкина*) принимают активное участие в теме кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (руков. — доктор филологических наук профессор *О. А. Черепанова* и доктор филологических наук профессор *Т. С. Садова*), готовят группу студентов к выезду на полевую практику, проводят эту практику, проверяют материалы и систематизируют их. И это все на *добровольных* началах, т. е. принцип научной увлеченности, присущий *Б. А. Ларину* и его ученикам, переданся и младшему поколению сотрудников кабинета — ученикам его учеников.

Следует напомнить, что и сборники научных трудов «Севернорусские говоры» (Вып. 10. 2009 г.) и «Русская историческая лексикология и лексикография» (Вып. 7. 2008 г.) по-прежнему выходят под грифом МСК. Сотрудники Кабинета принимают участие в ежегодной Международной филологической конференции, а также выступают с докладами не только в вузах страны, но и за рубежом.

Сотрудниками Кабинета и под грифом МСК подготовлены переиздания (*А. С. Гердом* и *С. Св. Волковыл*) Словаря «Моления Даниила Заточника» (старое название — «Лексика и фразеология “Моления Даниила Заточника”»), «Словаря церковнославянского и русского языка 1847 г.» (принимали участие в подготовке *А. С. Герд*, *И. С. Лутовинова* и *А. С. Щёкин*); сборники трудов учеников *Б. А. Ларина*: *Б. Л. Богородского* «Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка» (готовила к изданию *И. С. Лутовинова*) и книга *С. С. Волкова* «Стилевые средства деловой письменности XVII в.». В 2010 г. в Издательство филологического факультета сданы «Лекции по русской диалектологии» *А. А. Шахматова*, подготовленные *Б. А. Лариным* в 1940 г. (окончательную рукопись готовила *И. С. Лутовинова*).

Деятельность Межкафедрального словарного кабинета им. проф. *Б. А. Ларина* не исчерпывается исключительно научной и учебной деятельностью.

Кабинет имеет библиотеку более 6000 единиц хранения (ответственный за библиотеку кандидат филологических наук *А. С. Щёкин*), в основу которой положена мемориальная библиотека *Б. А. Ларина*. Продолжается пополнение библиотеки. Кроме научной литературы в библиотеке есть и учебная, и методическая литература, что позволяет обеспечивать студентов необходимой литературой. МСК, особенно в дни сессии, превращается в читальный зал.

Лексикографами — членами различных словарных групп Кабинета — написан учебник «Лексикография русского языка» (отв. ред. *Д. М. Поценья*), получивший положительную оценку преподавателей различных вузов Российской Федерации.

Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина достойно встретил свой юбилей и продолжает жить, выполняя заветы своего Учителя, развивая и совершенствуя его замыслы.

Примечания

¹ См. об этом: *Ларин Б. А.* О работе над новыми словарями // Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 649–655.

² *Лебедева А. И., Лутовинова И. С., Поцення Д. М.* К 30-летию Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина // Вопросы теории и истории языка: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина. СПб., 1993. С. 61–72. В 2004 г. (к 280-летию Университета) статья была переиздана с некоторыми коррективами.

³ В коллективе авторов произошли некоторые изменения: ушли из жизни *Н. Г. Арзуманова, Ю. И. Борковский, Л. В. Капорулина, А. И. Корнев, Б. А. Ларин, А. И. Лебедева, Р. Х. Тугушева*; в коллективе Псков. педаг. ун-та: *С. М. Глушкина, И. Т. Гомонов, З. В. Жуковская, Т. А. Пецкая*.

В группу авторов влились в Санкт-Петербурге: *А. П. Башмакова, В. В. Версиянова, Е. В. Колосько, Е. Б. Кузьмина, И. С. Кукушкина, К. Н. Лоскутова, Е. А. Петрова, А. И. Рыко, А. С. Щёкин (Е. В. Пурицкая и А. С. Щёкин вошли в редакционную коллегию Словаря)*; в Пскове: *А. Е. Александрова, Л. Б. Воробьёва, Ю. Н. Грицкевич, С. В. Дмитриева, Е. В. Ковалых, Т. Н. Коверина, С. В. Лукьянова, Е. Г. Мельникова, З. В. Побидько, Л. М. Попкова*.

⁴ Коллектив петербургских авторов Словаря: *Н. В. Богданова, С. Н. Варина, З. А. Петрова*. Компьютерный набор выполняется ст. лаборантом МСК *М. А. Мельниковой*.

⁵ *Герд А. С.* Предисловие // Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь. Изд-во СПбГУ, 2003. С. 5.

⁶ Там же.

⁷ *Ларин Б. А.* Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 657.

⁸ Там же. С. 656.

⁹ Там же. С. 658.

¹⁰ Там же. С. 657.

А. С. Герд

МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА (1961–1973)

О том, каковы, на мой взгляд, должны быть воспоминания о людях науки, искусства, я уже писал¹. Однако поскольку тиражи всех книг малы и для того, чтобы был правильно понят характер предлагаемых очерков, остановлюсь на этом еще раз.

Воспоминания — это отнюдь не обязательно официальная биография и история служебной карьеры с перечнем трудов. За приглаженными и дифирамбическими воспоминаниями об ученых, артистах, художниках часто не видно живого человека. Да, мы узнаем, что он еще мальчиком в 6–7 лет сочинял симфонии, в 10–11 выступал с концертами, в 20 гремела его мировая слава и т. д., но чем жил этот мальчик, какие переживания терзали его как юношу, каковы были его поступки — из таких «деловых» воспоминаний мы никогда не узнаем.

Предлагаемый очерк — не строго академическая история и не биография. Это воспоминания, в центре которых личность как отражение своего времени, событий, обстоятельств и ситуаций, в которых она оказалась. Главное здесь не этапы служебной карьеры, не научные труды, а отдельные картины, сюжеты, ситуации, встречи, разговоры, реплики. Именно поэтому нет ниже никаких сносок и ссылок на литературу, и в центре внимания не официальная история кафедры русского языка или Межкафедрального словарного кабинета С.-Петербургского (Ленинградского) университета. Она, эта история, в протоколах, обсуждениях, статьях. Все это можно при желании найти, прочитать и критически проанализировать.

Мемуары не обязательно должны быть строго объективны, логичны, точны и последовательны. Напротив, они вполне могут иметь отступления, включать размышления автора, высвечивающие основное их содержание более ярко и с какой-то иной стороны. Подобные мемуары также повод для ассоциаций и параллелей с современностью. Автор таких воспоминаний имеет право что-то забыть, спутать какие-то детали, ему важно воссоздать и передать дух и ощущение времени и показать, как это время и события преломились в личности тех, о ком он пишет, через тех, кого он знал, помнит и видит сегодня как живых. При этом, если автор этих воспоминаний сам был участником всех этих событий и ситуаций, то вполне естественно, что он также выступает как индивид, через которого теперь уже вновь, спустя много лет как бы еще раз проходят эти картины былого.

В 1960–1962 гг. большую популярность получила идея Н. С. Хрущева об организации в вузах проблемных лабораторий, которые должны были активизировать научную жизнь в вузе.

В 1960 г. по замыслу Б. А. Ларина и был организован Межкафедральный словарный кабинет (МСК), именно как кабинет межкафедральный. Б. А. Ларин заведовал тогда параллельно кафедрой славянской филологии, где у него было еще сразу две правые руки — П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов, а сам он все свои силы — и как декан и как филолог — отдал МСК. Конечно, внутренне для Ларина МСК — это была попытка возродить и реставрировать трагически разрушенный в 1950 г. в Академии наук Древнерусский словарь (ДРС) и многие другие так и не реализованные идеи.

Некоторая почва для возникновения МСК была и на самом факультете: тема «Словарь трилогии Горького», которую сам Б. А. Ларин вел при кафедре общего языкознания, и тема «Псковский словарь» на кафедре русского языка.

Как декан Б. А. Ларин выработал для МСК в полном согласии с ректором А. Д. Александровым следующую структуру: в МСК идут свои темы, вокруг

которых объединяются преподаватели разных кафедр, плюс в самом МСК — несколько постоянных ставок научных сотрудников и аспирантов.

С кафедрой общего языкознания все было очень гладко. Ю. С. Маслов, который тогда уже начал заведовать, думаю, не без внутреннего облегчения отдал тему «Словарь трилогии М. Горького» в МСК, тут же выделив О. И. Фоянковой (Рак) полставки для работы в МСК. Поскольку МСК не мог иметь своей аспирантуры, тогда же на кафедре общего языкознания и пришли первые аспиранты — будущие сотрудники МСК. Это были М. А. Момина, С. В. Трифонова-Бекова, Ю. Ф. Денисенко.

Кафедра славянской филологии всегда являла собой симбиоз языковедов и литературоведов. Став заведующим кафедрой, Б. А. Ларин стремился придать кафедре определенное проблемное единство. Таким объединяющим началом и для лингвистов и для литературоведов, по его мысли, и должны были стать двуязычные словари языка писателей зарубежных славянских стран. Так возникли словари М. Пуймановой, И. Н. Любиши, Н. Вапцарова, позднее на немецком материале под руководством А. В. Фёдорова — словарь А. Зегерс (тема кафедры немецкой филологии). Обо всех этих глубоко оригинальных начинаниях существует немало публикаций. На кафедре славянской филологии Б. А. Ларин и как декан и как заведующий, естественно, сам распоряжался и ставками и снижением педагогической нагрузки для тех, кто работал в словарях; словари были одновременно темой и кафедры и МСК.

Но вот когда Б. А. Ларин решил перевести тему «Псковский областной словарь» (далее ПОС) с кафедры русского языка в МСК, Э. И. Коротяева как заведующая кафедрой категорически воспротивилась переводу этой темы в МСК и снижению нагрузок для тех преподавателей, которые в ней участвуют.

Внешне доводы ее были просты и логичны: на кафедре есть две диалектологические темы — «говор Пинежья» (рук. — Г. Я. Сими́на (Гордей)) и Псковские говоры, которую вела А. И. Лебедева; никто им не мешает, пусть работают и изучают свои диалекты.

Однако в том виде, как эти темы существовали на кафедре, — это были обычные полусеминарские занятия. Б. А. Ларин, стремясь придать псковской теме масштабность и организационную четкость, перевел тему ПОС в МСК и объединил вокруг нее своих учеников-диалектологов.

Кардинальный поворот с переходом тем в МСК заключался в том, что это был переход к крупным фундаментальным коллективным темам. Тут же как декан он ввел обязательную полевую практику для студентов-русистов, которая и сыграла впоследствии едва ли не основную роль в создании в Петербургском университете уникальных картотек по лексике русских северо-западных диалектов. Практика студентов впервые была прочно поставлена на службу крупным научным начинаниям. Этот опыт был перенят впоследствии всеми вузами России (б. СССР).

Как декан Б. А. Ларин для тех, кто участвовал в темах МСК, ввел сниженные педагогические нагрузки.

Если сам перевод тем и по кафедре русского языка затрагивал далеко не всех, то снижение нагрузки даже на 200 часов, а нагрузки тогда были у доцентов не меньше 760–800 часов, а у ассистентов — 840–860 и более, вызвало на кафедре русского языка настоящую бурю. Кафедра на долгие годы вплоть до начала 90-х гг. XX в. раскололась на сторонников и противников МСК.

И здесь внешне основной довод противников МСК был логичен: «а почему те, кто сотрудничает в МСК, не могут вести эту работу на общих основаниях как свою обычную научную работу по плану, по которому в те годы доцент должен был написать за год одну научную или методическую статью».

К этому времени к 1962 г. МСК получил две ставки младших научных сотрудников: одну из них с мая 1962 г. занял я, а другую с сентября 1962 г. — О. И. Трофимкина с темой кандидатской диссертации по Словарю сербского писателя Любиши, несколько месяцев спустя в МСК пришел А. И. Корнев. Именно с этого времени, с 1962 г., история МСК, кафедры русского языка и моя собственная на долгие годы впредь сплелись вместе.

Но что касается меня, то в 1962 г. все решилось неожиданно и быстро. В 1961 г. я учился в заочной аспирантуре в Институте имени Герцена у Н. П. Гринковой и, кончая после ее смерти у К. А. Тимофеева, работал параллельно у милейшего Н. А. Рыкова секретарем в Педагогическом сообществе РСФСР, вел вместе с В. Н. Сергеевым выборки в Институте языкознания у А. М. Бабкина и А. В. Семерикова (все вместе это давало 120–130 рублей) и по традиции связей с университетом ходил на заседания Псковского словаря.

Помню, как однажды после одного из семинаров Б. А. Ларин, как всегда на бегу, в узком коридоре по дороге от МСК спросил меня: «Как Ваши дела?» Я коротко перечислил ему, где и что делаю.

— А как диссертация? — спросил он.

— Кончил, — ответил я.

— Принесите ее мне.

В следующий раз я принес ему рукопись действительно законченной диссертации. И далее, как рассказывал сам Б. А. Ларин: «Я пришел к С. И. Катькало (проректор ЛГУ по кадрам) и положил ему на стол Вашу диссертацию и сказал ему, сколько Вам лет (а было мне 26 лет), и все, и он тут же со словами “кандидат наук все должен знать и уметь” отдал приказ о Вашем зачислении».

Чудесно было лето 1962 г. Я сидел один в просторном, залитом солнцем МСК, слева в углу, там, где сейчас стоит стол Б. А. Ларина (В. Н. Елина как лаборант почти не бывала), и писал карточки для Псковского словаря. И права была Г. Н. Акимова, которая как-то на набережной тогда сказала: «Ну и хорошо, Саша, что Вам есть у кого продолжать учиться».

Псковский словарь (ПОС) уже в те 1960–1980-е гг. был, конечно, концептуальным ядром МСК. В 1961 г., когда начались регулярные заседания Словаря, Б. А. Ларин приходил из деканата, садился сбоку от стола, слушал наши определения, вдумчиво молчал, делал неторопливые поправки, выслушивал схему статьи вновь. После семинара сразу убегал в деканат; первым заместителем декана был тогда Н. И. Тотубалин.

После смерти Б. А. Ларина Словарь повела А. И. Лебедева. Может быть, самой яркой фигурой в Словаре был А. И. Корнев. Он как-то по-особому любил ПОС, Псковщину, был неравнодушен к каждому слову, к каждой цитате. Он постоянно со всеми спорил, доказывал свое понимание и толкование цитаты и, надо сказать — глубоко и верно. Он прекрасно чувствовал диалект и нередко тоньше других понимал смысл цитат.

Никогда не забуду спор А. И. Корнева с А. И. Лебедевой по поводу словосочетания «белохрётая корова». В картотеке ПОС оказалось такое слово «белохрёб-

тый» с одной цитатой. А. И. Корнев говорил: вполне возможно, что есть и такое слово, и была такая корова. «— Ну, Саша, — спорила А. И. Лебедева, — какая там белохрёбтая корова!» В общем, слово все-таки попало в ПОС с одной цитатой. Но самое потрясающее — оказалось, что много позже в экспедициях в Приладожье и в Карелии мы не раз зафиксировали эту «белохрёбтую корову»! Увы, А. И. Корневу не суждено уже было увидеть торжество своих предложений и плоды своей прозорливости.

В первые годы в ПОС нас было еще немного: А. И. Лебедева, Л. А. Ивашко, О. С. Мжельская, А. И. Корнев, В. И. Трубинский, Л. Дмитриева-Локаева, М. А. Тарасова, часто приезжала из Пскова С. М. Глускина, необыкновенно образованный, замечательный диалектолог и удивительной души человек. Заседания ПОС шли весело, со многими шутками по поводу цитат, в которых нередко упоминались мы, собиратели; безобидно искрилась остроумиями Л. А. Ивашко — чаще всего в адрес А. И. Лебедевой и В. И. Трубинского.

Неожиданные объективные осложнения для меня начались с зимы 1962–1963 гг., и связаны они оказались со статусом МСК как проблемной лаборатории в вузе. Так, когда я получил диплом кандидата наук, оказалось, что в МСК научные сотрудники не имеют права на денежную надбавку за степень. Б. А. Ларин был весьма озадачен и все еще стремился что-то сделать, позднее выяснилось, что и отдел кадров зачислил меня, как и других, на кафедру общего языкознания. Узнав о моем положении в течение 1962–1963 учебного года, и Б. Л. Богородский, и В. И. Чагишева искренне звали меня назад в Институт им. Герцена (ныне РГПУ), С. М. Глускина — в Псков, сразу на ставку доцента. Но я и тогда считал, что счастье не только в деньгах и что Университет превыше, и остался на своих 80-ти рублях в МСК.

В это время на горизонте и появилась фигура Н. А. Мещерского. Как сейчас помню, как на очередном чаепитии после ПОС Б. А. Ларин говорил: «Ну, ничего, вот Никита приедет на кафедру русского языка на заведование — и все встанет на свое место».

Да, начиная с 1963 г. Н. А. Мещерский (далее — Н. А.) в течение 15 лет играл особую роль на филологическом факультете. Н. А., надолго оторванного от Ленинграда, в силу несчастных обстоятельств его судьбы, и работавшего то в Оренбурге, то в Петрозаводске, мало знали на филологическом факультете ЛГУ. Как рассказывал Б. А. Ларин, на Ученом совете при избрании Н. А. на заведование кафедрой русского языка встал П. Н. Берков и сказал, что хорошо знает Н. А. Мещерского как литературоведа, но не знает его как лингвиста, и тогда зачитали список трудов Н. А. по языкознанию. В 1963 г. Н. А. прошел на заведование и сразу же позвал меня на кафедру русского языка секретарем, где я сменил строгого и педантичного В. Г. Ветвицкого.

Вот тут-то на меня и обрушилась вся лавина противоречий, накопившихся между кафедрой русского языка и МСК. Надо сказать, что и среди крупных филологов многие осторожно относились к МСК. Больше всех МСК поддерживали Г. В. Степанов, А. А. Касаткин, О. К. Васильева-Шведе, Б. Г. Реизов, В. Е. Балахонов, Н. Н. Амосова, всегда близкий к новаторству Л. Р. Зиндер. В самых разных отношениях к МСК был очень близок А. В. Фёдоров.

Сейчас, спустя почти 50 лет, я вижу, что противоречия эти, хотя они непосредственно касались живых людей, отражали скорее как раз многие фундаментальные антиномии развития университетской науки в целом.

По-разному отнеслись к противостоянию кафедры и МСК и сами преподаватели кафедры. Некоторые открыто выступали против всего, что предпринималось в МСК по линии русского языкознания. Другие разумно и справедливо старались держаться в стороне от всяких противоречий между кафедрой и МСК (Л. Н. Шердакова, В. Г. Ветвицкий, В. А. Приходько).

Значительная часть сотрудников интересовалась тем, что делается в МСК. И. С. Хаустова (Воронова), Л. В. Капорулина, А. И. Моисеев, С. И. Груздева, А. П. Аверьянова, М. И. Привалова, В. В. Колесов ходили на доклады Б. А. Ларина, на отдельные заседания. Лишь изредка уже в 1964–1965 гг. заходил на кафедру один из прямых учеников А. А. Шахматова — диалектолог Г. Ф. Нефёдов, седой бородатый В. А. Трофимов и милейший В. А. Фесенко, преподаватель украинского языка и альпинист в прошлом, что и было любимой темой его разговоров со мной.

Разное по-разному объединяло меня и с кафедрой, и с МСК: и интерес к диалектологии, который был тогда основным, и экспедиции, и друзья по возрасту, и те, кто был лишь несколько старше (Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина, Г. Н. Акимова).

Да, я был слугой двух господ — кафедры и МСК. Вел занятия по кафедре, был секретарем и рядом работал в ПОС, позднее в Словаре «Моления Даниила Заточника», ездил в экспедиции в Псковскую область с Л. А. Ивашко, О. С. Мжельской, А. И. Корневым, участвовал во всех конференциях в Пскове.

Одним из первых встречных порогов на пути заведования кафедрой русского языка для Н. А. оказался, в частности, сборник (вернее, сборники) диалектологов кафедры. В свое время в 1962 г. по инициативе Б. А. Ларина и под его редакцией был опубликован сборник «Слово в народных говорах Русского Севера».

Где-то к 1965 г. на кафедре были подготовлены два сборника по диалектологии: один по пинежским говорам — Г. Я. Симиной, а другой — по печорским — Л. А. Ивашко. Н. А. сначала отдал предпочтение печорскому сборнику. Как-то, когда Н. А. сидел за столом, сидевшая слева от него Э. И. Кортаева, как всегда, размеренно и четко спросила: «Н. А., ну а почему же не пинежский сборник — ведь это старая тема кафедры?» Н. А. решил проявить свою волю и, прихлопнув рукой по столу, сказал: «Я так считаю!» Э. И. ничего не ответила. Однако впоследствии нашлось более мудрое решение — оба сборника были объединены в один. Так и родился сборник «Севернорусские говоры», о котором я не раз писал уже в 11 его выпусках.

Г. Я. Симиная в конце концов также осталась довольна. В те годы она не раз ездила на Пинегу, в ее экспедициях участвовали В. И. Трубинский, В. В. Колесов, В. Н. Елина. Впоследствии она работала в Калининграде в университете, продолжала публиковать работы по говорам Пинежья. Позднее почти совсем ослепла. Раза два во время ее приездов в Ленинград я переводил ее, почти слепую, через набережную к остановке. Умерла она в Сибири, куда уехала к дальним родственникам.

Неожиданно уже в начале XXI в. пинежские материалы Г. Я. Симиной оказались весьма востребованными. Пинежье было избрано московскими геогра-

фами как полигон историко-культурного моделирования культурного ландшафта. Они приезжали в МСК, где и по сей день бережно хранится весь пинежский архив.

Но шло время, и месяц за месяцем, год за годом сопротивление самому существованию МСК ослабело. Как-то постепенно ввиду огромного общего объема педагогической работы по кафедре сами эти пресловутые снижения, бывшие с самого начала основным яблоком раздора, превратились в фикцию, т. к. нагрузки, увы, в те годы были у всех очень большие (у доцентов до 800 и более часов). Постепенно все это увидели, а также и то, сколь справедлив и миролюбив был Н. А.

Я старался верой и правдой служить Н. А. Он, как правило, все обсуждал и делился со мной всеми сомнениями по множеству текущих дел. Начиная с 1967 г. я нередко замещал его на организационных заседаниях Ученого совета факультета, по текущим делам ходил к декану Б. Г. Реизову, а чаще на заседания к его заместителю Г. И. Сафронову, на Ученые советы.

Б. Г. Реизов был членом-корреспондентом, крупным специалистом по зарубежной литературе, но почти все деканские текущие дела за него вел вечно неутомимый в своей энергии Г. И. Сафронов. Один раз в неделю Б. Г. Реизов имел приемные часы — с 9 утра. Естественно, никто к нему не приходил, а я же, пользуясь этими двумя часами приема, уладил немало кафедральных дел. Беседа с Б. Г. заканчивалась обычно тем, что он рассказывал мне армянские анекдоты и шутки. У Б. Г. Реизова были весьма своеобразные, хотя, может быть, и не бесспорные, но, как я убедился с годами, во многом верные организационные принципы. Так, он считал, что, чем меньше и реже заведующие и тем более отдельные преподаватели ходят к нему, тем лучше идут дела на этой кафедре. Особенно его, как и Н. А., возмущали индивидуальные посещения декана по кафедральным делам за спиной заведующего. Он не раз говорил, что главное дело профессора — писать монографии, а если книга хорошая, то она всегда будет напечатана, не глядя на все препятствия.

В повседневной жизни на факультете Н. А. чем-то напоминал Кутузова в «Войне и мире», по возможности он старался не вмешиваться в ход дел, не ускорять их и как бы не влиять на них, лишь мудро и тактично направляя их в нужном направлении. Отношение Н. А. ко многим суетным сиюминутным делам нередко выражалось в столь любимых им изречениях «яйца выеденного не стоит», «суета сует» и в характерно отмахивающем жесте рукой. В конечном счете Н. А. руководствовался главным принципом каждого мудрого заведующего кафедрой, лабораторией — «не мешать», не мешать никому строго выполнять свои обязанности, заниматься своими исследованиями. Увы, опыт многих руководителей кафедр показывает, что принципу этому они следуют далеко не всегда.

Отметим в качестве примеров лишь некоторые такие случаи, где, с одной стороны, проявилась неторопливая мудрость, терпимость, а с другой — принципиальность и настойчивость Н. А.

Не могу в связи с этим не вспомнить и защиту своей докторской диссертации. Постепенно под руководством Н. А. и со стабилизацией моего положения на кафедре страсти вокруг МСК улеглись. Я не брал себе снижений по нагрузке. На

кафедре моей плановой темой был Словарь говоров Карелии, а сам я занялся научной терминологией. И вот, когда я где-то в 1966 г. заговорил о возможности издать книгу по проблемам терминологии, Н. А. сразу сказал: «Это сложно, давайте защищать рукопись как диссертацию». Монография тогда была не обязательна. Напечатать монографию в те годы было невероятно трудно. На заседаниях РИСО, где я присутствовал обычно вместе с Н. А., листы, выделяемые кафедрам, высчитывались до знаков. На кафедре я все же всегда был и оставался человеком МСК, хотя вместе с Н. А. старался решать все вопросы объективно, и поскольку я уже давно был и тут, и там, я решил показать свою диссертацию и Э. И. Коротаяевой как опытному филологу.

Н. А. сразу же, не страшась ни правых, ни левых, назначил мое обсуждение на кафедре. Э. И. Коротаяева сказала мне только: «Хорошо, привозите». Я приехал к ней домой на Петроградскую, где она жила на Кировском проспекте в большом сером доме сталинских времен, там, где теперь памятник Низами. Она приняла от меня диссертацию как должное. На кафедре я, конечно, опасался, но все прошло очень хорошо. Среди других и Э. И. Коротаяева, как всегда лаконично и кратко, сказала несколько весьма одобрительных слов. Через месяц я уже детально обсудил свою работу в МСК, выслушал замечания С. С. Волкова, О. С. Мжельской, Л. А. Ивашко, А. И. Лебедевой и др. Н. А. стал готовить мою защиту на Совете. Надо сказать, что незадолго до моей защиты прошли две докторских защиты таких опытных и знающих филологов, как А. И. Моисеев и В. Е. Балахонов, и обе прошли едва-едва, одним голосом. После этих защит все намекали, что уж мне-то надеяться не на что, но Н. А. все время говорил мне: «Не обращайтесь внимания, все эти разговоры выеденного яйца не стоят».

Далее поначалу все шло спокойно. Были назначены совсем чужие оппоненты, доктор-математик, филолог-финноугровед А. И. Попов, биолог З. В. Коровина из Зоологического института АН и филолог К. А. Тимофеев (Новосибирск). Советы по защитах тогда были едиными и не разбитыми на множество специальностей, так что в один Совет входили декан Б. Г. Реизов, Ю. С. Маслов, П. А. Дмитриев, Г. В. Степанов и О. К. Васильева-Шведе, и А. И. Доватур, и А. А. Касаткин, и Т. В. Строева, Л. Р. Зиндер и М. И. Стеблин-Каменский, и А. В. Фёдоров, и Г. П. Макогоненко, и З. М. Дубровина и другие.

И вот уже в день защиты — часа за два, т. е. около часу или двух, звонит Б. Г. Реизов, официально как декан, из дома на факультет Н. А. Мещерскому и говорит: «Н. А., отмените защиту Герда, готовится полный провал». Н. А. тут же сказал это мне, добавив: «Нельзя обращать внимание на каждый звонок», махнул, как всегда, рукой и ничего не отменил, тем более было уже почти три часа. Совет начался в 16 часов. Была полная 12 (25) аудитория, в конце под портретом Ленина у стены даже стояли. Несколько каверзных вопросов задали Г. А. Качевская и еще кто-то, но Т. В. Строева встала и сказала: давайте лучше обсуждать диссертацию по существу. Зачитали отзыв К. А. Тимофеева, он тогда уже работал в Новосибирске и не приехал; содержательно и образно выступил бородатый А. И. Попов, тепло — В. М. Коровина. И вдруг под конец выступил профессор биофака Г. А. Новиков, который ярко, живо и просто говорил о науке, о связи наук, и я прошел минус один голос. После защиты Э. И. Коротаяева подошла ко мне и сказала: «Такую защиту, как Ваша, один голос только украшает».

Было мне 32 года, и был я ассистентом. В том же учебном году сразу за мной блестяще защитились Л. В. Бондарко и В. В. Колесов.

Но были на кафедре и случаи драматические. На кафедре работал весьма способный и перспективный ученик Э. И. Коротаевой, мой ровесник Ю. В. Люкшин. В 1969–1970 гг. он весело ездил со мной в экспедиции на Оять и однажды привез мне куртку, забытую мной в деревне. Позднее Ю. В. Люкшин после ряда поездок в Польшу преподавателем русского языка женился в Варшаве и решил уехать в Польшу. Началась некрасивая и затяжная история, столь типичная для тех лет, его таскали по партгруппам, партбюро (он был партийный), склоняли где только могли за то, что он решил уехать в Польшу. В конце концов он выстоял и уехал. К чести кафедры русского языка надо сказать, что Н. А. и Э. И. Коротаева занимали позицию скорее сочувствующую, и лишь Н. П. Люлька как партторг подходила к Н. А. и делилась результатами обсуждений.

Вновь я увиделся с Ю. В. Люкшиным уже только в 2000 г., когда он стал заведовать отделением прикладной лингвистики в Варшавском университете, а я приезжал в Варшаву на открытие отделения и выступал с лекциями.

Не раз в 1965–1970 гг. возникали на кафедре русского языка сложные научно-этические проблемы. Еще где-то в 1960-е гг., как известно, в стране были брошены два основных лозунга: «Перегоним США по производству мяса, молока» и второй «...по числу университетов и профессоров». И если перегнать по числу университетов можно было чисто канцелярским путем, то с производством новых докторов было сложнее даже, чем с производством мяса и молока. Тогда на кафедре русского языка почти всем опытным доцентам было предложено обозначить свои темы докторских диссертаций. Так появились темы у В. Ф. Ивановой, Т. А. Ивановой, М. И. Приваловой; С. И. Груздева была уже тяжело больна. Я помню, как А. И. Лебедева смущенно говорила в МСК: «Вот Н. А. и мне предлагает писать докторскую диссертацию». Среди других была заявлена и тема В. Ф. Ивановой по синтаксису причастий. Темы эти утверждались в партбюро, в деканате, ректорате, снять их было нелегко. И вот В. Ф. Иванова решила заменить тему на другую — «Принципы русской орфографии», которой она давно и плодотворно занималась и теоретически и практически в Комиссии по орфографии в Москве. Но сколько часов она потратила на разговоры со мной, сколько изящных монологов я выслушал с просьбой ко мне и через меня к Н. А. — сменить тему. В конце концов все кончилось неплохо и В. Ф. Иванова потом защитила докторскую диссертацию «Принципы русской орфографии». Ко мне она относилась очень хорошо, и думаю, что она вполне искренне не раз звонила мне домой в 1973 г. и уговаривала от себя и от других ради будущего не переходить на кафедру математической лингвистики.

Гораздо более драматически закончилось обсуждение монографии М. И. Приваловой, которое протекало невероятно бурно, противоречиво, и Н. А. вынужден был поставить вопрос о допуске ее книги к печати на голосование, во время которого В. Г. Ветвицкий дипломатично вышел. В итоге книга М. И. Приваловой не прошла, и хотя она потом каждый день ходила и повторяла и Н. А., и Б. Г. Реизову, что дома у нее лежит готовая диссертация, таковой никто никогда не увидел.

Никогда не мог понять также, почему такой талантливый, знающий специалист-древник, как Т. А. Иванова, ученица В. В. Виноградова и А. М. Селищева,

не закончила свою диссертацию «Лексика Синайского патерика». Н. А. относилась к Т. А. Ивановой очень тепло и благожелательно. Конечно, их связывала и общая проблематика. Т. А. часто беседовала с Н. А. на темы древнеславянской письменности. По своим знаниям, по эрудиции она, как и О. С. Мжельская, уже тогда была бесспорный и полный доктор наук. В те годы с Т. А. меня связывали искренние чувства ученика и учителя. Я сдавал ей экзамен по старославянскому языку. Позднее с ее благословения объявил свой первый спецкурс «Происхождение славянских языков», и я счастлив, что в 1990-е гг. я содействовал тому, что к 80-летию Т. А. Ивановой вышел в свет сводный том ее трудов разных лет. И в те 1960–1980-е гг. Т. А. Иванова всегда с большой любовью относилась к А. И. Корневу, к А. Л. Мирецкому, к О. А. Черепановой, ко мне, позднее к С. А. Авериной.

В исследовательском плане некоторых из нас на кафедре на довольно долгий период объединила тема «Именное склонение в славянских языках». Не скрою, где-то в 1963 г. мне удалось зажать В. В. Колесова, всегда склонного к новому, Л. В. Капорулину, О. А. Черепанову и М. П. Рускову попробовать применить новые статистические методы к описанию истории именного склонения. Подтолкнул меня к этому Н. И. Толстой, который нередко в те годы бывал у нас дома и не раз говорил, что славистике не хватает строгих синхронических описаний морфологии по отдельным синхронным срезам. Я тогда более других уже занимался лингвостатистикой, с 1963 г. читал спецкурс на кафедре математической лингвистики. Вот эти идеи системности, строгости, статистики и были положены в основу работы нашего микроколлектива. Работа в конце концов растянулась на ряд лет. Скорее интересно то, как мы работали: источники были разделены, каждый обрабатывал свои. Я ездил в Москву к Н. И. Толстому и брал из его уникальной библиотеки редкие сербские и хорватские издания и обрабатывал их в Ленинграде. Л. В. Капорулина и О. А. Черепанова работали строго, методично. Л. В. Капорулина тогда только что вышла замуж за умного и доброго В. О. Андрющенко, который, будучи математиком, вскоре влился в наш коллектив. Я ездил к ним, они жили тогда в комнате в доме с большим окном, на углу у Поцелуева моста.

В. В. Колесов то не писал, не писал, то бросался писать и писал глубоко, ярко, интересно, в свете системных изменений в языке. Славянский исторический материал он чувствовал, конечно, замечательно и видел далеко в глубь истории. Из него, наверное, вышел бы хороший археолог.

Несмотря на все трудности в Редакционном совете тех лет, резкие ограничения по кафедрам, — Н. А. удалось провести нашу первую книгу по XI–XIV вв., и она была издана в 1974 г.

Аппетит приходит с едой (и после еды), и по совету Н. И. Толстого мы принялись за источники XV–XVI вв. Материал здесь оказался более разнообразным и интересным, но и более трудным для обработки. В эту книгу большой вклад внес уже В. О. Андрющенко.

Кто-то в 1972 г. не сдал в издательство в срок свою книгу, и я сразу предложил готовую — нашу. Так появилась в 1977 г. и вторая книга: «Именное склонение в славянских языках XV–XVI веков (лингвостатистический анализ)». Работа эта сблизила нас всех еще больше.

К книгам этим надо относиться как к словарям — огромный материал для выводов, для новых исследований. В последующие годы В. В. Колесов мне не раз жаловался, что книгу нашу мало используют. Да, но где они, эти полки, ряды историков-грамматистов по памятникам письменности? Сегодня это единицы, рассеянные по России.

По окончании этого цикла Л. В. Капорулина и В. В. Колесов написали еще одну или две статьи на статистической основе, и получилось впоследствии так, что я один, сначала постоянно побуждаемый Н. И. Толстым, перешел к интерпретации этих данных, а потом расширял их на новых материалах, да и по сей день продолжаю эти работы уже в новых направлениях. Именно под влиянием именного склонения возник позднее новый большой цикл коллективных работ по языку русской агиографии и моя книга с Вильямом Федером, который как-то удивительно прозорливо увидел и оригинальность нашего подхода, и новизну подачи уже известных ранее данных.

Как-то в 1970-е гг. Т. А. Иванова сказала мне об этих книгах: «Все это очень интересно, но как этому верить — нет никаких примеров?» Это было, конечно, верно. И впоследствии я написал не одну свою работу, где приводил уже десятки конкретных примеров из славянских текстов XV–XVI вв.

После завершения двух коллективных книг «Именное склонение в славянских языках» я обсуждал с Н. А. проспект учебника «Сравнительная грамматика славянских языков», куда по типу книги А. М. Селищева «Славянское языкознание» были бы включены краткие сведения о крупнейших древнеславянских авторах и образцы текстов. Н. А. с большим интересом отнесся к этой идее и обещал писать о текстах, авторах, но осуществить ее по разным причинам не удалось.

В каком-то совсем другом направлении пошло на кафедре все то, что было связано с новой темой кафедры — «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей».

Обо всем этом рассказано в 1-м и 6-м томах Словаря. Замечу только, что Н. А. просто поставил на кафедре тему, которую ему, кстати, никак не удавалось организовать ранее в Институте языка, литературы и истории РАН в Петрозаводске. В первую экспедицию в Заонежье, куда поехали Н. А., В. В. Колесов, я не ездил. В. В. Колесов одно время развивал, как он мне говорил, идею небольшого стройного системного словаря Заонежья. Но, придя в Словарь, я понял, что главное — это русский язык Карелии и Беломорья в сравнительном плане как продолжение идей Псковского словаря. Дух странствий, освоение неизведанных северных лингвистических территорий позвали меня на долгие годы в летние и зимние экспедиции и на Мурман, в Каргополь, на Белое озеро и Ильмень и плюс два-три раза в год — на семинары: от Сыктывкара до Петрозаводска, Вологды, Череповца, Вятки (Кирова). Сама идея Словаря, экспедиции, их дух и атмосфера, в которых участвовали все, кто хотел: В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Н. Г. Арзуманова, И. С. Лутовинова, Д. М. Поцепня, Л. Н. Алекина, Л. Л. Буланин, Л. В. Зубова, Е. А. Морозова, Л. В. Капорулина, О. А. Черепанова, Л. Н. Шердакова, В. И. Трубинский, Е. А. Белосова, С. Н. Варина и многие другие — как-то по-своему живо и весело объединяли всех вместе, снимая старые внутренние барьеры.

Сейчас, спустя 40 с лишним лет с начала работ над этим Словарем и по его окончании, я думаю и вижу, что, может быть, Н. А. был прав, когда, даже уже

будучи с 1965 г. заведующим МСК, оставил тему «Словарь русских говоров Карелии» при кафедре. До некоторой степени именно в те годы (1964–1976) она и по типу, и в лице всех ее участников служила неким духовно примиряющим и объединяющим звеном между МСК и кафедрой.

Важной вехой в истории и Университета, и филологического факультета было создание факультета журналистики. Долгое время филологи и журналисты учились вместе, рядом. И кстати, все мои истинные университетские друзья-сокурсники были из «журналистов»: А. Самойлов, А. Шарымов, Б. Грищенко, Б. Моисеев, Э. Шевелев, С. Кулле. Учились рядом, в соседних аудиториях, вместе ходили в секцию «Лыжи-гребля».

Организаторами нового факультета стали А. Ф. Бережной и П. Я. Хавин. Была образована новая кафедра русского языка, основным источником кадров для нее, естественно, стал филфак. А. Ф. Бережной вызывал к себе в деканат «журналистов» (там, где теперь отдел кадров) и уговаривал перспективами роста карьеры. Беседовал он и с И. С. Хаустовой (Вороновой), с Л. Н. Шердаковой, и со мной, и с другими. Однако в конце концов к журналистам с кафедры русского языка перешла только весьма престарелая уже в те годы В. А. Приходько. В последующие годы на этой кафедре работали многие филологи — наши друзья, товарищи, ученики: К. А. Рогова, И. П. Лысакова, В. С. Терехова, В. И. Коньков, А. Д. Кривоносов и др. Несмотря на мой отказ перейти к журналистам, с А. Ф. Бережным мы не раз потом обсуждали все их первые учебные планы.

Постепенно к концу 1970-х гг. Н. А. создал на кафедре спокойную и благожелательную деловую атмосферу на русском отделении.

Было на кафедре русского языка и много светлого, радостного. Это повседневные занятия со студентами, первые шаги в собственных спецкурсах, статьи, сборники, атмосфера полевых экспедиций, друзья по кафедре — Л. Л. Буланин, В. В. Колесов, А. Л. Мирецкий, Л. В. Капорулина, А. И. Корнев, В. И. Трубинский, О. А. Черепанова, Л. А. Ивашко. Рядом росли вчерашние студенты, коллеги, почти сверстники — сестры М. В. и Т. В. Рождественские, А. А. Алексеев, Н. Н. Казанский, И. Я. Лапидус, Л. В. Зубова, Е. А. Морозова, Н. Г. Арзуманова, С. А. Аврина.

В 1963–1973 гг. на кафедре было опубликовано немало серьезных трудов (список их опубликован в книге, вышедшей в 2005 г.: «Мысли о русском языке: прошлое, настоящее, будущее»), читались интересные и содержательные спецкурсы.

За годы пребывания Н. А. в роли заведующего кафедрой был защищен ряд докторских диссертаций (А. И. Моисеев, В. Ф. Иванова, В. В. Колесов, Л. С. Ковтун, К. В. Горшкова и другие), вышел ряд сборников, учебники и книги самого Н. А.; коллективный учебник «Русская диалектология». Во всех этих работах Н. А. принимал непосредственное участие.

Уже начиная с 1968 г. в стране во всем ощущалось приближение 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. В Москве в АН под руководством П. Н. Денисова всю обсуждали принципы Словаря языка Ленина. В ЛГУ на всех уровнях начались заседания, какие кафедры как встретят юбилей. На моих глазах в 1969 г. перекрашивали все фасады домов на Невском проспекте. Н. А. затеял на кафедре сборник, получился он, по-моему, искусственный, не очень удачный. Сам Н. А. регулярно читал лекции и печатал статьи о языке Ленина.

Но великое и смешное всегда рядом. Часть кафедральной молодежи (я, Мирецкий, Буланин) предложила В. Г. Ветвицкому как профоргу организовать в 1970 г. экскурсию «По ленинским местам Европы». Различного рода поездки по европейским странам, и то преимущественно по странам народной демократии, еще только входили в новую советскую жизнь. Экскурсия же по ленинским местам, как всем понятно, сулила Лондон, Париж, Цюрих, Женеву, Тампере, Стокгольм и т. д. Педантичный В. Г. отнесся к этой идее весьма серьезно, ходил, что-то выяснял, уточнял. Конечно, в те годы из этого ничего выйти не могло, и я потом долгие годы вспоминал этот случай.

Среди других на кафедре русского языка уже тогда в 1960–1970-е гг. выделялся А. И. Моисеев.

А. И. Моисеев (в 1954–1955 гг. он ходил еще в шинели) всегда отличался принципиальностью и объективностью. В 1960-е гг. он, не теряя хороших деловых отношений с Э. И. Кортаевой и другими учеными кафедры, часто ходил на доклады Ларина, и он был первым, кого Ларин назвал мне в качестве оппонента на защиту в 1962 г. Он был педантичен, строг, но всегда объективен и доброжелателен, отличался строгой логикой мышления, построения фраз, незаурядностью мнений, широким собственно лингвистическим кругозором. Любил отмечать всякие несоответствия в рубриках таблиц, страниц, параграфов, что, в свою очередь, всегда очень веселило Л. Л. Буланина. Долгие годы нас связывали дружеские и профессиональные отношения по терминологии, морфемике, словообразованию и продвижению его трудов в печать. Был он нижегородец и очень уважал Б. Н. Головина, к которому я часто ездил в 1970-е гг. Где-то у него хранилась уникальная рукопись по истории русских лингвистических терминов. Она была очень большой, рыхлой. Не знаю, какова ее судьба, хотя я всегда, даже когда ему было 80 лет, подталкивал его к ее завершению и передаче мне к изданию.

Что касается Н. А., то отличительной чертой его была безотказность: скольким людям писал он отзывы, рецензии на книги, статьи, оппонировал. Через Ученый совет, возглавляемый Н. А., за разные годы прошли десятки диссертаций наших коллег. У Н. А. были самые теплые отношения с Б. Л. Богородским, Е. М. Иссерлин, Д. С. Лихачёвым, О. В. Твороговым, А. М. Бабкиным, Н. Н. Розовым.

В МСК правой рукой Н. А. был С. С. Волков. Конечно, сам по себе относительно небольшой, дружный, крепко спаянный ларинскими идеями МСК как неотъемлемая часть факультета в те годы не ощущал всех тех научно-организационных проблем, которые тяжелой лавиной обрушились и давят на него с начала XXI в.

Начиная с 1963–1964 учебного года под руководством Е. М. Иссерлин в МСК уже активно шел Словарь «Моления Даниила Заточника» (МДЗ).

Именно на Словаре МДЗ я и хочу остановиться в заключение. Первые заседания Словаря проходили под руководством Б. А. Ларина. Он, как всегда увлеченно и страстно, рассказывал о перспективах Словаря, о плане работы, вдумчиво и неторопливо вел обсуждение первых словарных статей. Б. А. Ларин сразу сумел сплотить вокруг Словаря всех своих учеников: Е. М. Иссерлин, И. Н. Шмельёву, Г. Н. Качевскую, В. П. Фелицыну, И. Л. Городецкую, С. С. Волкова, О. С. Мжельскую, И. С. Воронову, Л. А. Ивашко, А. И. Лебедеву, М. А. Момину, О. И. Фоякову. В Словаре стали принимать регулярное участие А. И. Корнев, Ю. Ф. Денисенко, Л. В. Капорулина, Г. А. Лилич и я.

Я специально перечислил почти всех авторов, чтобы показать, что этот Словарь объединил в МСК как часть сотрудников Словарного отдела Института языкознания АН, так и значительную часть кафедры русского языка.

После смерти Б. А. Ларина Словарь повела Е. М. Иссерлин, которая совершенно самоотверженно отдавала Словарю все свои силы. Несмотря на некоторую внешнюю резковатость ее характера, работать с ней было легко, интересно, все предлагали то, что хотели и думали по той или иной цитате. Для всех нас Словарь оказался прекрасной школой. На заседания почти регулярно приходил Б. Л. Богородский, который сидел сбоку, у окна, и подавал реплики по поводу обсуждаемых слов. Все чаще на Словарь стал заходить и Н. А. В трудных случаях Е. М. громко спрашивала: «Н. А.! А что Вы думаете по поводу этой цитаты?» Впоследствии Н. А. и Д. С. Лихачёв выступили рецензентами этого Словаря. Большую роль в качестве помощника Е. М. Иссерлин сыграла Н. Г. Арзуманова. Е. М. Иссерлин дружила с С. М. Глускиной и ездила каждое лето к ней в Псков. Когда-то она училась в одной школе с Т. В. Строевой, знала и помнила ряд тех, кто учился в Петрограде у В. Ал. Герда; она первая спросила меня о гимназиях Герда. Е. М. Иссерлин связывали со мной и воспоминания о ее путешествиях на Кавказ, в Грузию, Армению, мои рассказы о посещении гор Кабардино-Балкарии, Сванетии, Армении. Уже в годы Словаря МДЗ она совершила большую поездку на пароходе на Камчатку, Курилы, и все убеждала меня, что ехать туда нужно осенью, когда устанавливается хорошая погода на Тихом океане. После 1950 г., когда был зверски разрушен Древнерусский словарь (ДРС), «по пятому пункту» она не могла работать в Университете; работала в Полиграфическом институте, где и подготовила докторскую диссертацию. Ей суждено было пережить радость опубликования Словаря МДЗ и его премирование. Е. М. Иссерлин отличали гордый, независимый характер и чувство высокого собственного достоинства. Она была в очень теплых отношениях с Н. А., но никогда ни у него, ни у меня не попросила ни одного часа занятий по кафедре.

И все же и сегодня, в начале XXI в., Словарь МДЗ являет нам уникальный пример коллективного произведения, созданного на основе интереса, бескорыстного служения науке и энтузиазма.

Словарь МДЗ еще более приблизил Н. А. к МСК. Н. А. не раз писал о Б. А. Ларине. На протяжении всех лет в любых ситуациях он всегда и везде (Ученый совет, РИСО, деканат) последовательно отстаивал статус и интересы МСК.

С 1973 г. я начал заведовать кафедрой математической лингвистики. В 1978 г. Н. А. скончался и кафедру возглавил В. В. Колесов. Началась новая эра в истории кафедры русского языка.

Хорошо помню похороны Н. А. Небольшой траурный зал Ожогового центра в Купчино. Был холодный сырой день. Пришло всего человек 10–15: А. А. Алексеев, сестры Рождественские, Т. В. Ткачёва и кто-то еще.

Эти очерки и этюды я начал писать в 80-е гг. XX в., в одной стране (СССР), а кончаю их сегодня, в начале XXI в. в другой стране (России). Далеко позади остались «Hard times» процессов и дискуссий 20–50-х гг. XX в. о космополитизме, формализме, дарвинизме и марризме. Эти очерки я кончаю в 2010 г., погруженный в Интернет, в мир карманных компьютеров, мобильных телефонов, в атмосфере жесткой конъюнктуры и коммерсализации в сфере науки и образования, в обста-

новке забвения многих высоких идеалов демократической интеллигенции, академической науки и российского просвещения XIX — начала XX в.

Примечания

¹ Герд А. С. Жизнь, сгоревшая рядом // Живое слово и жизнь. Памяти Виктора Яковлевича Дерягина. Архангельск, 2002. С. 14–21. Герд А. С. Навстречу ветру // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 16–22. Герд А. С. Лев Рафаилович Зиндер и кафедра математической лингвистики Петербургского университета // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера. СПб., 2004. С. 15–19. Герд А. С. Лев Львович Буланин: каким я его знал и помню // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 8. СПб., 2008.

Л. Я. Костючук

АКТУАЛЬНОСТЬ ТРАДИЦИЙ ЛАРИНСКОЙ ШКОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ И УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛАРИН В СУДЬБЕ ПСКОВСКОГО ВУЗА)

Все, кто писал или говорил о Борисе Александровиче Ларине¹, делали это с неизменным удивлением перед разносторонностью интересов и глубиной достижений в каждом из направлений, на которое вступал истинный Ученый: историк языка (это прежде всего называет Б. Л. Богородский)²; «крупный специалист в области сравнительно-исторического и общего языкознания, славянских и балтийских языков, санскрита, а также эстетики слова и языка писателя», — пишут Г. А. Лилич, И. С. Лутовинова, Д. М. Поцепня³. Б. Л. Богородский подчеркивал: «Считая, что лексика является одним из самых важных источников изучения истории языка и истории народа, Б. А. Ларин впервые в русской науке начал разработку истории слов»⁴. Заметим: связь истории языка и истории народа — это ведь то, что впоследствии составило основу и этнолингвистики, и так называемой языковой картины мира в пределах когнитивистики, хотя на это очень давно обратил внимание Б. А. Ларин. Не случайно мировая лингвистика считает проблему исторической лексикологии актуальной и до сих пор⁵, учитывая диахронный аспект, так как изучать то, что касается народа только в современном состоянии языка, — это ограниченный подход, мешающий пониманию истинной глубины и своеобразия народного духа и традиций народа (вспомним обоснование Б. А. Лариным своего взгляда, например, на фразеологию). Во вступительных лекциях 1962 г. к студенческому спецсеминару «Историческая лексикология» Б. А. Ларин высказал важные мысли, которые, как и сведения в лекциях по истории русского лите-

ратурного языка X — середины XVIII в.⁶, помогают в определении корпуса и первоочередных проблем не созданной, к сожалению, и по сию пору фундаментальной исторической лексикологии русского языка в нашей отечественной лингвистике. А ведь несколько десятилетий назад, в последней трети XX в., историки русского языка многих вузов страны под руководством специалистов Института русского языка Академии наук в рамках комиссии по исторической лексикологии разрабатывали проект будущей коллективной монографии. А затем руководство ведущего академического учреждения, с установкой только на современное стремление изучать язык преимущественно точными методами, буквально ликвидировало направление исторической лексикологии в Институте русского языка. Но ученые прежде всего С.-Петербургского университета, где безусловно живы идеи Ларинской школы и где наиболее активно работают в области исторической лексикологии и лексикографии, привлекают заинтересованных ученых из разных вузов страны к обсуждению актуальных проблем науки и возрождают «запрещенную комиссию» (вспомним исторические секции Международной филологической конференции в марте каждого года; коллективную работу над исторической частью Псковского областного словаря; над Словарем обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв.; диссертации по исторической лексикологии...).

Занятия историей слов неизбежно привели Б. А. Ларина к открытию того нового поворота в лингвистической науке, которое можно смело назвать исторической фразеологией — со строгим соблюдением принципов выявления и классификации типов фразеологических единиц⁷. Это успешно реализуется и в Псковском областном словаре с историческими данными (и в исторической, и в современной частях), и в исследовательских трудах тех, кто занимается указанными проблемами. Следует понимать и помнить, что теоретические положения Б. А. Ларина в области исторической фразеологии — это не просто обращение к историческому материалу, а сама научная методика вычленения уникальных единиц из лексико-фразеологической системы каждого языка на любом временном срезе. Актуальность такого направления бесспорна и в настоящий момент, когда требуется соблюдать научный подход к материалу и проявлять знание достижений отечественной науки; помнить каждому исследователю о том, что сделано было до тебя.

От внимания Б. А. Ларина к слову в его прошлом и настоящем естественным оказался путь образованнейшего ученого к диалектологии как исторической дисциплине с представлением слова с его богатой лексико-семантической системой в словаре. Причем разный языковой материал позволил одному человеку задумать, обосновать проекты многих новых типов словарей и сплотить для их осуществления необыкновенные по преданности делу коллективы. Конечно, таким человеком мог явиться только Б. А. Ларин с его поразительной проницательностью и вниманием к слову — своеобразному центру системы языка как средства общения. Это исторические словари: Словарь древнерусского языка⁸ с блестящим проектом и началом создания словарных статей в духе ларинских идей; Словарь обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв.⁹; словарь одного памятника — «Моления» Даниила Заточника¹⁰; уникальный областной словарь полного типа с историческими данными (Псковский областной словарь)¹¹; в то же время дифференциальный областной словарь печорских говоров¹²; авторские

писательские словари на материале горьковских произведений¹³ и в то же время словари на материале произведений других славянских писателей¹⁴...

Есть общее в таком разбросе планов и трудов: каждый проект освещен талантом ларинской мысли, индивидуален и неповторим, с требованием доходить до сути явления, всесторонне обрабатывать каждый факт, не скрывая неудобные случаи. О таком подходе к работе необходимо помнить всем, кто считает себя представителем Ларинской школы и руководит уже новыми, молодыми исследователями. Очень точно написал Д. С. Лихачёв: «Широту своих знаний Б. А. Ларин использовал как для решения очень общих проблем, так и для исследования отдельных явлений, в частности для выяснения истории отдельных слов, а также в своей обширной лексикографической работе, особенно им любимой. И всюду сказывался его великолепный темперамент исследователя в сочетании со строгой сдержанностью отточенного научного метода».¹⁵

Поиски материала, который был бы достойным для изучения намеченных проблем, приводил Ученого и к нахождению аналогичных материалов, и к обнаружению совсем новых, необычных. Исследованные Б. А. Лариным и введенные им в научный обиход, начиная с довоенного времени, иностранные источники разговорного русского языка прошлых веков (записи разговорной русской речи иностранцами) положили начало научного изучения русского языка в записях иностранцев, что позволяло находить фиксацию удивительных языковых черт, услышанных и зафиксированных носителями другого языка¹⁶. Пророческими оказались слова Б. А. Ларина о том, что Псковская земля удивительно богата памятниками письменности¹⁷: уже после Бориса Александровича ряд памятников вошел в копилку источников русской разговорной речи прошлого, в частности и русско-немецкие разговорники XVII, XVI вв., связанные своим возникновением с Псковской землей¹⁸.

Как созвучны и нашему времени, например, слова Б. Л. Богородского в 1977 г. о статье Б. А. Ларина 1961 г., посвященной разговорному языку Московской Руси: статья приобретает еще большую значимость, чем ранее: без нее «нельзя, в сущности, заниматься разработкой одного из центральных вопросов истории русского языка»¹⁹. И без преувеличения (!) так можно сказать о любой работе Б. А. Ларина, к которой обращается исследователь и в начале XXI в., когда хочет коснуться того или иного вопроса: всегда находишь у Бориса Александровича яркие, убедительные слова поддержки, помогающие другому утвердиться в избранном решении или проверить истинность своих шагов.

Благодаря энтузиазму Б. А. Ларина, его замечательной ученице Софье Менделевне Глускиной в Псковском пединституте с 1950-х гг. сложилось такое положение научных дел, которое было официально признано на федеральном уровне основным научным направлением («Псковская народная речь в прошлом и настоящем. Ее место в общей системе русского языка»). Ядром интересов, объединяющим большую часть кафедры, является Псковский областной словарь²⁰ и все, что связано с псковскими народными говорами (например, Лексический атлас русских народных говоров²¹ с 1989 г.; в свое время Диалектологический атлас русского языка, Общеславянский лингвистический атлас и прочие цели сбора материала), а также исследования языка в синхронии и диахронии, прежде всего с ориентацией на местные особенности в прошлом и настоящем.

Каждый участник коллективной работы, естественно, имел и имеет и индивидуальные темы, проблемы в диахронном и синхронном аспектах: диалектная фонетика (С. М. Глушкина, З. В. Жуковская); устойчивые сочетания слов, включая и фразеологизированные, прежде всего на широком славянском и неславянском фоне (Л. Я. Костючук, Л. Б. Воробьева); вариантность некоторых лексикофонетических явлений в народной речи (Н. В. Большакова, З. В. Побидько); морфолого-синтаксические особенности в связи с разными частями речи и синтаксическими конструкциями (С. М. Глушкина, Н. Д. Сидоренская, Т. А. Пецкая, Т. Н. Коверина); лексикологические исследования лексико-тематических групп в разных аспектах (В. П. Кондратьева, В. П. Храмцова, В. К. Андреев, С. В. Дмитриева-Лукиянова, Е. Г. Мельникова, Л. А. Лекарева, Ю. Н. Грицкевич, Л. М. Попова, аспиранты); словообразование (А. Е. Александрова, Ю. Н. Грицкевич, аспиранты); историческая лексикология (Л. Я. Костючук, З. В. Жуковская, Т. А. Пецкая, Н. Д. Сидоренская, аспиранты); источниковедение (Н. Д. Сидоренская, Л. Я. Костючук, Е. В. Ковалых, аспиранты)... Всеобъемлюще сближающим является лексикографическая работа над Псковским областным словарем с историческими данными, которая позволяет обращаться ко всем уровням языка в связи со словом, устойчивыми сочетаниями слов и делать по-настоящему значимые научные открытия (вспомним уникальное обнаружение С. М. Глушкиной отсутствия второй палатализации в псковских говорах, что только потом, через много лет, подтвердил и А. А. Зализняк, назвавший обнаруженный Софьей Менделевной факт «эффектом Глушкиной»: недаром в Хрестоматию по истории русского языка петербургские коллеги поместили и статью С. М. Глушкиной на указанную тему).

Полевой сбор диалектного материала для ПОС начался с 1957 г.: выезды со студентами в деревни, обработка диалектных материалов, создание Картотеки ПОС, создание словарных статей... Были и есть сборы материалов и с другими целями: и для ОЛА, для топонимической картотеки, а с 1989 г. — для ЛАРНГ (причем со специальной работой по картографированию материалов по Программе ЛАРНГ).

Картотека ПОС с архивом записей для ПОС и для ЛАРНГ — непреходящая ценность. Она составляет единое целое вместе с Картотекой ПОС, хранящейся в МСК.

В 1996 г. нами был издан специальный справочный том как приложение к Кадастру «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области», в котором З. В. Жуковская, Л. Я. Костючук, Т. А. Пецкая на основании Картотеки ПОС, архивов ПОС в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б. А. Ларина (С.-Петербургский университет) и в Псковском пединституте на кафедре русского языка, а также на базе опубликованных выпусков ПОС представили с учетом уровней диалектного языка описание говоров по каждому из 24 районов Псковской области, распределенных по семи историко-культурным зонам²².

Справочный же том содержит сведения об изученности псковской народной речи за 50 лет (1945–1995 гг., с учетом сбора сведений и для ДАРЯ сразу в послевоенные годы). Указываются обследованные деревни, отмечена их принадлежность к соответствующим сельсоветам и районам (за прошедшие десятилетия неоднократно менялись границы административных районов); цели обследо-

ния (для какого словаря или атласа, а также для других целей); имена информантов (с рядом сведений о каждом), собирателей, проверяющих. И самое главное — шифр сообщает место хранения архивных материалов (в МСК при СПбГУ или в Пскове) с указанием на номер тетради и на страницы записей. Так сохраняется память о тех, кто создал ценнейшие научные архивы записей псковской народной речи²³.

Систематическая работа над диалектным словом в лексикографическом аспекте вместе с коллегами-словарниками из МСК имени проф. Б. А. Ларина приводит к созданию словарных статей для выпусков ПОС. Известно, что уникальным Псковским областным словарем интересуются не только лингвисты, но и историки, археологи, литературоведы, писатели и поэты как в нашей стране, так и за рубежом.

Знакомство со спецификой работы над ПОС, с материалами Картотеки ПОС помогало приезжавшим на псковскую кафедру русского языка для стажировки — молодым диалектологам (Украина, Литва, Эстония, Татария, Казахстан, Молдавия, Белоруссия) и славистам из-за рубежа (Германия, Польша, Нидерланды, Англия, Скандинавия, США, Швейцария) — выбрать темы для своих исследований и затем создать магистерские, кандидатские (докторские) сочинения. Так, англичанка-магистрант Джулия Слейтер только у нас узнала о труде Б. А. Ларина, посвященном Словарю-Дневнику Р. Джемса; нидерландец-аспирант собирал материал в д. Островцы Гдовского района и описал систему говора этого места; американец-стажер, заинтересовавшись нашей Картотекой и работой над Словарем, отыскал у себя на родине староверов — выходцев из псковских мест, исследовал их язык, а затем через много лет (лет через десять) приехал в Россию (в СПбГУ и в Псков) сопоставить интересующие его материалы с данными наших общих Картотеки и опубликованных выпусков Словаря.

Знаменательной для судьбы псковского вуза оказалась инициатива Б. А. Ларина, поддержанная кафедрой русского языка ПГПИ во главе с заведующим И. Т. Гомоновым и его заместителем С. М. Глускиной, а также ректором И. В. Ковалевым, провести в 1961 г. первую Псковскую научную конференцию, посвященную уникальным псковским говорам, и опубликовать сборник «Псковские говоры. I» (1962 г.)²⁴. Так Псков заявил о том, какое научное направление он развивает. Заинтересованная научная общественность стала ожидать новых и новых «псковских конференций» и сборников «Псковские говоры». Дальновидно Б. А. Ларин как редактор первого сборника рекомендовал поставить в названии сборника цифру «I». Римских цифр было три, а потом министерство запретило намеки на периодичность научных конференций и сборников в провинциальных учебных заведениях. Но псковичи-псковитяне до недавнего времени сохраняли в названиях конференций и сборников слова «Псковские говоры», а далее подзаголовком следовало указание на преимущественный аспект обсуждаемых вопросов. Теперь же проявляется тенденция к «глобализации» и «всеядности» обсуждаемых проблем, поэтому «псковские говоры» скрываются в названиях секции типа «Разговорная речь», «Народная речь». Но заинтересованные наши единомышленники знают традиции псковских конференций и интересуются ими.

Сборники «Псковские говоры» всегда пользовались и пользуются уважением и доверием научного мира. Недаром в Хрестоматию научных текстов по русской

диалектологии И. С. Лутовинова и О. В. Васильева сочли необходимым включить ряд статей именно из наших сборников «Псковские говоры».

Подчеркиваю, что интересная научная жизнь в псковском вузе сложилась прежде всего благодаря энергии и неутомимости Б. А. Ларина и его ученицы С. М. Глускиной. Борис Александрович являл собою образец внимания и доверия к тем, кто входил в коллектив словарников: приглашал преподавателей-псковитян вместе со студентами на словарные семинары в ЛГУ, которыми руководил сам. Это была неоценимая помощь и школа практической лексикографии на базе четкого следования теории и инструкции. И мое пребывание в Пскове с 1962 г. после герценовской аспирантуры под руководством Н. П. Гринковой и К. А. Тимофеева было согрето дружбой с С. М. Глускиной (дружбой, возникшей «с первого взгляда») и интересными научными встречами с Б. А. Лариным в Ленинграде.

Неожиданная кончина Б. А. Ларина в 1964 г., но благодарная память о наставнике положили с 1965 г. начало прочной традиции в жизни студенческого научного лингвистического кружка (которым с 1962 г. привелось мне руководить): особое заседание в марте «Памяти Бориса Александровича Ларина», когда приезжают из МСК ученики Б. А. Ларина (потом и ученики учеников) с воспоминаниями об Учителе, Ученом, Человеке, чтобы псковитяне (особенно молодые — студенты, аспиранты) знали, каким был этот человек в большой науке и в судьбе объективно небольшого псковского вуза. Для молодых исследователей и для их руководителей это заседание заставляет подвести научные итоги за определенный период своей деятельности и обосновать значимость опоры на идеи Ларинской школы.

Можно продолжать осмысление важных и серьезных, добрых и значимых дел МСК и МСК-овцев в жизни самого коллектива, а также и в научной жизни тех, кто был и остается связанным с деятельностью и идеями Бориса Александровича Ларина в течение так быстро прошедших 50 лет... Важно, что не иссякают идеи, питающие деятельность исследователей, поскольку необходимо завершать начатое, сохранять наследие Б. А. Ларина и его учеников, читать и перечитывать те труды Б. А. Ларина, которые стали и становятся доступными благодаря усилиям преданных учеников и сподвижников Б. А. Ларина.

В начале второй половины прошлого века Д. С. Лихачёв назвал Б. А. Ларина самым образованным лингвистом XX в.²⁵ Образованный и многосторонний человек, Д. С. Лихачёв дал высокую оценку творческой, научной, педагогической сторон личности Бориса Александровича, умевшего талантливо «обращаться от классических тем филологии к заботам сегодняшнего дня науки, к темам новым, связанным с современной ему действительностью»²⁶.

Будучи всегда очевидно актуальными в XX в., идеи Ларинской школы актуальны и в веке XXI: они привлекают молодых и зрелых исследователей. Псковскому же вузу они подарили счастливую судьбу — научную и учебную: осуществление и развитие научных и учебных планов при реализации научных, учебных программ, совершенствование структурных подразделений. Задолго до утверждения статуса лаборатории на базе богатств кафедральных диалектных и исторических картотек и архивов Министерская комиссия при очередной аттестационной проверке Псковского вуза признала фактически лабораторией деятельность кафедры русского языка. Присоединение фольклорного богатства с

кафедры литературы усилило региональную базу нового структурного отделения на факультете.

Во многом проявляется значимость сотрудничества с дорогим нам Межкафедральным словарным кабинетом и с МСК-овцами из С.-Петербургского университета. Вечно молодому МСК (вместе с замечательными сотрудниками, которым ты доверяешь и с которыми за 50 лет съел не один пуд соли) в полустолетний юбилей псковитяне желают *STO LAT* (не менее!) славы, радости от продуктивно и честного труда, дружбы и памяти о тех, кто был и всегда есть с вами.

Примечания

¹ *Богородский Б. Л.* Предисловие // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. М., 1977. С. 3–4; *Лилич Г. А., Лутовинова И. С., Поцепня Д. М.* Предисловие // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб., 2003. С. 3–4; *Лихачёв Д. С.* О Борисе Александровиче Ларине // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. М., 1977. С. 5–10; см. список воспоминаний о Б. А. Ларине: *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. М., 1977. С. 222–223.

² *Богородский Б. Л.* Указ. раб. С. 3.

³ *Лилич Г. А., Лутовинова И. С., Поцепня Д. М.* Указ. раб. С. 3.

⁴ *Богородский Б. Л.* Указ. раб. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII века). М., 1975; 2-е изд. СПб., 2005.

⁷ *Ларин Б. А.* О методах изучения фразеологических сочетаний // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб., 2003. С. 26–27; *Он же.* Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. М., 1977. С. 125–149; *он же.* О народной фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. М., 1977. С. 149–162.

⁸ *Ларин Б. А.* Проект Древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). Л., 1936.

⁹ *Ларин Б. А.* Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб., 2003. С. 656–659; *он же.* Разговорный язык Московской Руси // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. М., 1977. С. 163–175.

¹⁰ [Редколлегия]. Введение // Словарь «Моления» Даниила Заточника / Репринтное изд-е. СПб., 2007. С. 3–11; *Герд А. С.* Послесловие // Словарь «Моления» Даниила Заточника / Репринтное изд-е. СПб., 2007. С. 233–234.

¹¹ *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961; *он же.* Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 252–271.

¹² Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.

¹³ *Ларин Б. А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962. С. 3–11; см. также в кн.: *Ларин Б. А.* Филологическое наследие: Сб. статей. СПб., 2003. С. 675–682.

¹⁴ Ларин Б. А. О работе над новыми словарями // Вестник ЛГУ, 1960, № 20. С. 151–156.

¹⁵ Лихачёв Д. С. Указ. раб. С. 6. См. также: Ларин Б. А. О филологии будущего // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб., 2003. С. 706–716.

¹⁶ Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.

¹⁷ Ларин Б. А. [Вступление] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 3.

¹⁸ T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970; «Einn Russisch Buch» T. Schrouego. XVI w. Cz. II. Kraków, 1997.

¹⁹ Богородский Б. Л. Указ. раб. С. 4.

²⁰ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–20. Л.; СПб., 1967–2008, издание продолжается.

²¹ Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. СПб., 2004.

²² [Жуковская З. В., Костючук Л. Я., Пецакая Т. А.]. Говоры // Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области». Псков, 1997. С. 179–180; 274–278; 340–341; 453–454; 512; 586; 673.

²³ Псковские говоры и их носители (сведения об изученности псковской народной речи с 1945 г.). Псков, 1996.

²⁴ Псковские говоры. I. Псков, 1962.

²⁵ Лихачёв Д. С. Указ. раб. С. 5.

²⁶ Там же.

В. М. Мокиенко

ЛАРИНСКИЕ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ¹

Полувековой юбилей Межкафедрального словарного кабинета — это не только заветная возможность встречи со многими друзьями и коллегами-ларинцами. И не только вполне оправданный повод предаться воспоминаниям. Наш Юбилей — это и наш коллективный отчет перед Борисом Александровичем Лариным, подведение итогов нашего пути по его стопам в течение последнего пятидесятилетия.

Трудно поверить, но, как говорится, — факт налицо: мы — уже ровесники нашего Учителя, а немало из нас даже старше его по возрасту. Но это возрастное равенство нисколько не уменьшило нашего ученического пиетета к Борису Александровичу. Наоборот, чем старше мы становимся, тем более проникновенно углубляемся в его идеи и с еще бóльшим пониманием постигаем те грани его научного творчества, на которые в молодости по разным причинам не обратили должного внимания.

¹ Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

Каждое новое прочтение трудов Б. А. Ларина полезно уже потому, что с отступом времени позволяет соизмерить его идеи с достижениями современной лингвистики и еще раз убедиться в провидческой силе его идей. Ларинские идеи для многих современных лингвистов давно имеют магнетическую силу: раз вкусив от этого древа, всю жизнь возвращаешься к нему в поисках все более глубокого познания. Всю свою филологическую жизнь мы, ларинцы, читаем и перечитываем Б. А. Ларина, на каждом этапе чтения находя в тех же текстах и новые идеи, и ответы на старые неразрешенные вопросы. Я, например, готовя месяц назад доклад «Борис Александрович Ларин и славянская филология» к нашей славистической конференции — «Дмитриевским чтениям», по-новому осмыслил значимость ларинского славистического наследия для таких областей современной славистики, как лексикология, лексикография, диалектология, история языка и этимология.

В филологической науке, как и в любой созидательной сфере человеческой деятельности, «большое видится на расстоянии». Конечно, и при жизни Б. А. Ларина многие его идеи доказали свою продуктивность и вовлекли в их осуществление немало последователей. Но чем дальше уходит время, тем более весомым, значительным и идееносным становится научное наследие Бориса Александровича. Главное же — наконец полностью реализованы или близки к полной реализации многие его проекты, которые полвека назад некоторым скептикам от официальной и официозной филологии казались несбыточными. Таковы, например, ларинские идеи комплексного описания языка писателей, создания диалектных словарей полного типа, выявления и лексикографического анализа обиходной речи Московской Руси XVI–XVII вв., широкоохватного исследования разговорной речи города (особенно аргю и жаргона), выявления семантических доминант Слова в диахронической ретроспективе, разработки лингвистических принципов исторической фразеологии и др. Тем самым не только подведены основные итоги решения задач современной филологии, сформулированных полларински, но и заложена основа осуществления некоторых планов на ее далекое будущее¹. Программа нашей конференции во многом и коллективный отчет о воплощении ларинских проектов, и обсуждение наших текущих дел, и рассмотрение будущих планов. И все это — наша попытка ответить на вопросы, поставленные Б. А. Лариным полвека назад.

Д. С. Лихачёв в очерке о Б. А. Ларине писал, что диалектичность ученого и готовность отказаться от любых окончательных ответов были причиной того, что «он не создал развитой системы своих взглядов, но дал нечто гораздо более важное для развития науки: он дал направление изучению языка. Система редко переживает своего создателя, направление же позволяет творчески развивать мысли учителя. Первая завершает какую-то работу, проделанную учителем, второе же открывает путь для самостоятельных исследований его учеников»².

По этому пути мы, ларинцы, и следуем.

Пытаясь очертить хотя бы в общих чертах многогранное идейное наследие нашего Учителя³, мы постоянно стремимся найти генеральную линию научного направления, заданного нам, тот семантический множитель, который позволяет объединить хотя бы основные доминанты его научного творчества. Одним из таких множителей, как хорошо известно, была семантика, интерес к которой

пронизывает все теоретические концепции Б. А. Ларина и все его практические деяния. «Семантика — вот та область, которая дает возможность достичь предельной точности». Этот ларинский афоризм, оброненный на одном из семинаров в 1950-е гг.⁴, обосновывался им в течение всей жизни. В то время, когда в науке о языке все настойчивее и одностороннее звучал тезис об «арбитrarности знака» (Ф. де Соссюр), о том, что язык — лишь форма, а не субстанция (Л. Блумфилд), когда формальный подход к языку многими провозглашался как единственно научный, Б. А. Ларин не уставал повторять свое основное кредо о решающей роли семантики в развитии и функционировании языковой системы. Это кредо аргументируется этюдами по истории слова, где самые прихотливые семантические различия выстраиваются в строго закономерную иерархию или соединяются в несоединимые противоположности. Оно объясняет и многие лексикографические принципы Б. А. Ларина, до сих пор кажущиеся словарникам максималистскими. Оно стало и стимулом изучения Б. А. Лариним живой разговорной речи его времени и разговорного языка Древней Руси.

Широта интересов и научный максимализм Б. А. Ларина во многом вызваны именно напряженным вниманием к семантике, стремлением восстановить все — даже самые дробные — звенья единой семантической цепи, связующей форму самых разных языковых объектов. Лишь при успешной реконструкции такого рода семантика может стать — и становится в трудах Б. А. Ларина — инструментом достижения «предельной точности исследования».

У Б. А. Ларина в высшей мере было развито чувство нового. Именно поэтому он, естественно, не мог пройти мимо отрасли языкознания, родившейся и бурно разрастающейся буквально у него на глазах, — фразеологии. Двумя своими классическими работами («Очерки по фразеологии» и «О народной фразеологии»⁵) он надолго определил два основных направления анализа фразеологических единиц (ФЕ): сравнительно-историческое и сопоставительно-диалектологическое. Симптоматично, что вторая его работа построена исключительно на материале украинского языка, что стимулировало внедрение последнего в исследовательский инструментарий многих фразеологов-русистов, которых интересует историко-этимологическая проекция ФЕ, — особенно учеников Б. А. Ларина или учеников их учеников (Л. А. Ивашко, Л. Я. Костючук, Т. Г. Никитиной, И. А. Подюкова и др.).

Ларинские «Очерки по фразеологии» обратили внимание лингвистов на аспект исследования, не затронутый в известной статье В. В. Виноградова «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины»⁶. Б. А. Ларин сформулировал здесь принципы сравнительно-исторического исследования ФЕ и их систематизации, дал образцы конкретного анализа устойчивых оборотов и описал методы исследования фразеологических материалов. Классификация ФЕ на основе их исторического становления, перекликаясь в какой-то мере с классификацией В. В. Виноградова, является, в сущности, «этапированием» процессов фразеологизации, имеющим характер общей закономерности. Первый разряд — это переменные словосочетания; второй — метафорические и третий — идиомы⁷. Конкретные примеры, рассмотренные Б. А. Лариним, показывают, что именно в таком направлении, как правило, «кристаллизуется идиоматика языка»⁸.

Б. А. Ларин определяет и условия, которыми определяется «закономерность развития фразеологических стереотипов из переменных („свободных“) словосочетаний»⁹:

- 1) утрата реалии;
- 2) семантическое обогащение;
- 3) утрата подробностей, «окорачивание» исходного речения;
- 4) нарушение первичной грамматической структуры и даже изменение грамматической формы речения.

Следуя выявленным Б. А. Лариным закономерностям, наш Фразеологический семинар при МСК СПбГУ уже более 40 лет занимается историко-этимологическим анализом славянской фразеологии, особенно русской. Работа эта начиналась с детального сбора и описания библиографии по расшифровке внутренней формы фразеологизмов. Такие библиографические указатели теперь уже созданы по русскому¹⁰, украинскому¹¹, чешскому¹², болгарскому¹³ и хорватскому¹⁴ языкам. Работа над этими указателями инициировалась Фразеологической комиссией при Международном комитете славистов. Все они сделаны по одному принципу: описываемый оборот расположен по стержневому слову ФЕ, точная библиография об истории каждого оборота дана в хронологическом порядке и т. д.

Следующим этапом стало создание историко-этимологических словарей славянской фразеологии. Разумеется, этому предшествовало глубокое изучение теоретического и практического опыта исследования фразеологии как у нас в стране, так и за рубежом. В ларинском ключе велись подобные исследования Н. И. Толстым, Л. И. Ивашко, И. Я. Лепешевым, Р. Эккертом, В. Айсманом, Л. И. Степановой, А. К. Бирихом, И. А. Подюковым, Х. Вальтером и многими другими последователями диахронического направления во фразеологии. Сорок лет назад была сформулирована и методика структурно-семантического моделирования, которая, как кажется, обеспечивает объективную историко-этимологическую расшифровку многих ФЕ. Именно на этой основе был создан наш «Историко-этимологический словарь русской фразеологии», который с 1998 г. выдержал уже 5 изданий.

Ларинский подход к фразеологическому материалу в этом словаре — методологическая доминанта. Мы использовали любую возможность, чтобы не только последовательно проводить общую методику анализа, предложенную Б. А. Лариным, во всем корпусе словаря, но и стремились довести до завершения все конкретные этимологические интерпретации, лапидарно предложенные им.

Приведу лишь один пример.

В своих «Очерках по фразеологии» Б. А. Ларин формулирует историю фразеологизма *трусу праздновать* лишь одним предложением: «Раньше, ещё в XVII и XIX вв., говорили: „Трусу праздновать“, т. е. ‘справлять праздник (святому) Трусу’ (иронически), а теперь: „Труса праздновать“»¹⁵.

Этой лапидарной характеристикой Б. А. Ларин убедительно перечеркнул бытовавшую с начала XIX в. народно-этимологическую попытку связать оборот *праздновать трусу* с историческим фактом — победой войск Минина и Пожарского над польским полковником Струсем (Струсом) в 1612 г.¹⁶ Между прочим, эту версию некритично воспроизводили и воспроизводят популяризаторы русской фразеологии и после опубликования работы Б. А. Ларина¹⁷.

Опровергает ларинская интерпретация и осторожную гипотезу казанской исследовательницы Кондратьевой¹⁸, предположившей, что *трус* в обороте — подвергшееся фонетическим изменениям слово *турус* «идолище, болван, которому справляют праздник».

Верный ученик Б. А. Ларина Н. А. Мещерский предложил любопытную корректировку ларинской гипотезы. Он считал, что этот фразеологизм много старше, начала XVII в. и что его непосредственным источником является переводная церковнославянская письменность, а именно месяцесловная «память [великому] трусу», где слово *трус* употребляется в своем древнейшем значении «землетрясение». Появление в русском языке омонимичного ему слова *трус* «трусливый человек» (XVIII в.) привело к ироническому переосмыслению выражения *трусу праздновать*, которое, возможно, впервые и было использовано в речи церковников или семинаристов¹⁹.

Действительно, оборот представляет собой старую народную шутку и буквально значит: «отмечать праздник святого Труса». Святого по имени *Трус* в русской церкви никогда не было, и, естественно, не было и дня, т. е. праздника, такого святого. *Праздновать день Труса* первоначально и значит ‘*трусить*’. Теперь такая интерпретация признается большинством историков русской фразеологии²⁰, демонстрируя, как это часто бывает, убедительность этимологической логики Б. А. Ларина.

Одним из любимых жанров ларинского научного творчества, во многом унаследованным и многими его учениками, является жанр очерков об истории отдельных слов и выражений. Правда, эпитет «отдельный» здесь не совсем уместен, ибо никакое отдельное слово не исследовалось Б. А. Лариным отдельно: к его анализу всегда привлекалась такая масса языковых и экстралингвистических фактов, что история слова перерастала в историко-лексикологическую повесть или этимологический роман — например, о синкретизме физических ощущений и духовных переживаний (*стыд — студ — срам*) или единстве семантических противоположностей «верх : низ» (у географических терминов *яр — юр, буй*). В таких случаях лингвистическая эрудиция Б. А. Ларина снова приводила его к одному из основных принципов научного анализа — к принципу полноты²¹. И здесь за полнотой прорывается система семантических и формально-языковых связей, в пересечении которых и открывается истинный прототип слова или выражения.

Семантические закономерности исторической эволюции слова при этом становятся и главным искомым очеркового анализа, и вместе с тем «подсказкой» его исконной внутренней формы. Диалектный материал (как и живая речь вообще) для процедуры такого семантического поиска не оценим. «Важно изучать семантику диалектов, смысловой строй их, — подчеркивает Б. А. Ларин в одной из своих работ по стилистике, — надо воспроизводить ее разными средствами, со всей четкостью и языковым тактом»²². «Наиболее эффективными языковыми средствами при создании образа» в таких случаях оказываются «семантические идиомы языка»²³.

Изучение идиоматики в ее ретроспективе, как показывает опыт ее сводного историко-этимологического описания²⁴, подтверждает эффективность детализированного семантического ее анализа с «поверкой» на синтаксическую форму.

Именно комбинация семантики и формы ФЕ во всех вариантных модификациях последней на широком славянском диалектном пространстве позволяет объективно реконструировать ее структурно-семантическую модель²⁵ и тем самым — исходный образ.

Концентрируя свое внимание на семантике, Б. А. Ларин уже в одной из первых своих работ характеризовал ее роль в лингвистическом исследовании как «спектральный анализ белого луча, обнаруживающего такие элементы в его составе, о которых иначе нельзя было бы и подозревать»²⁶. Такой спектр объединяет как смысловые вариации литературного текста, обеспечивая глубинное понимание мысли автора, так и смысловые нити Слова, уходящие в его первоначальное образное ядро. Реконструкция такого ядра и есть главная цель историко-этимологического анализа лексики и фразеологии.

Практически все примеры, рассмотренные Б. А. Лариным в его «Очерках», имеют столь же убедительную силу. Некоторые из его расшифровок, естественно, дополняются новыми фактами, обрастают конкретными языковыми и культурологическими деталями, подтверждая безошибочность лингвистической интуиции нашего Учителя. Таковы, например, выражения *хлопот полон рот*²⁷, *што с гуся вода*²⁸, *как пить дать*²⁹ и др. В наших исследованиях мы стремимся как можно полнее представить новые и новые аргументы в пользу ларинских интерпретаций. А если находим факты, несколько не укладывающиеся в них, то не боимся внести в эти интерпретации свежие коррективы.

Вот один из таких примеров.

Б. А. Ларин³⁰ пишет: «Говорят: “Голод не тётка” — и мало понятно, как это сложилось; почему не “Голод не родной отец”, например? Старая полная форма поговорки вполне объясняет это: “Голод не тиотка, пирожка не подсунет”³¹». Логика пословицы как будто предельно ясна: действительно, тетка (кума, теща) в трудных случаях поможет, сытно и вкусно накормит, а голод может лишь толкнуть на многие нежелательные поступки. Вот почему ларинское объяснение было поддержано многими русистами³².

Нужно признать, однако, что данные славянского фольклора не совсем согласуются со столь прямолинейной трактовкой. Собственно, даже параллель из немецкого, приведенная М. И. Михельсоном³³, — *Hunger ist Unger* (букв. «голод — венгр»), говорит о том, что первая часть пословицы о голоде может столь же активно варьироваться, сколь и вторая. Значит, перед нами — достаточно универсальная паремнологическая модель с весьма мобильным компонентным составом, не допускающим ее возведения к единственному конкретному источнику.

Такое предположение подтверждается многочисленными вариантами пословицы о голоде, отраженными в нашем «Большом словаре русских пословиц»³⁴:

Голод не свой брат; Голод не свой брат, а нужда не тётка; Голод не свой брат: научит калачи есть; Голод не свой брат: уму-разуму научит; Голод не сосед: от него не уйдёшь; Голод не тётка; Голод не тётка, а брюхо не лукошко; Голод не тётка, а нужда не лебёдка; Голод не тётка, душа не сосед; Голод не тётка, душа не соседка; Голод не тётка — за ворота не выкинешь; Голод не тётка — заставит заговорить; Голод не тётка — заставит работать; Голод не тётка: калачика не подложит; Голод не тётка, мороз — не свой брат; Голод не тётка — не терпит; Голод не тётка (не тёща, не кума): пирога не подсунет; Голод

не тётка: пирогами не кормит; Голод не тётка: пирожка не подсунет; Голод не тётка, совесть не сосед; Голод не тёща: блинов не напечёт; Голод не угар: от него не переможешься; Нужда лиха, да и голод не тётка, а голодный и архиерей украдёт; Нужда лиха, и голод — не тётка, а голодный и архиерей украдёт; Голодный не свой брат, а нужда не тётка.

Активную вариантность демонстрирует и украинский материал, где наряду со старой пословицей *Голод — не тітка, пиріжка не дасть* находим и другие вариации на данную тему: *Голод — не тітка, а лютої мачухи лютіший*; *Голод — не тітка, найми — не свій брат*; *Голод — не тітка, душа — не сосід*; *Голод — не батько і не мати*; *Голод — не брат*; *Голод не свій брат*; *Голод не знає ні свата, ні брата* и т. п.³⁵. Не меньше таких вариаций и в белорусском языке: *Голад не цётка*; *Голад не цётка, піражка не падасць*; *Голад не цётка, з'есць, што папала*; *Голад не цётка, паглядзяць ды з'ядзяць*; *Голад не дзядзіна, з'ясі і крадзена*; *Голад не свой брат*³⁶. Ср. пол. *Głód nie ciotka, Głód nie swój brat*³⁷ и другие репрезентации этой паремиологической модели — напр., укр. *Журба не матінка*³⁸ или рус. (олон.) *Обычай не клетка: не переставишь*³⁹.

Структурно-семантическая модель, по которой образована пословица о голоде, в восточнославянских языках чрезвычайно активна. Ср., напр., русские пословицы с разным содержанием, отраженные в разных диалектных источниках и описанные в «Большом словаре русских пословиц»⁴⁰:

Мне гусь не брат, свинья не сестра, утка не тётка, а мне мила своя — пёстра перепёлочка; *Мне гусь не брат, свинья не сестра, утка не тётка, а мне своя — пёстра перепёлочка*; *Конь [хоть и] горбат, да кобыле не брат (не кобыле брат)*; *Курица не тётка, свинья — не сестра*; *Медведь корове не брат*; *Свинья мне не брат, а пять рублёв не деньги*; *Бес и рогат и хвостат, а корове не брат*; *Боярин и в рубище [нам] не брат*; *Богатый бедному не брат*; *Займует, так сватушка-сват, а занял, так и чёрт не брат*; *Просит — сватушка-сват, а взял — и чёрт ему не брат*; *Русский солдат — прирождённый хват, ему сам чёрт не брат*; *Сапог лаптю не дружка*; *Сапог лаптю не ровня*; *Сапог лаптю не товарищ*; *Сапог лаптю не чета*; *Высохло море, да луже не брат*; *Высохло море, да не луже брат* и т. п.

Пословицы такого типа в восточнославянских языках, как видим, весьма многочисленны и разнообразны. И они при этом — лишь часть фразеологии и паремиологии с отрицательной частицей *не*, исследованных на материале литературного русского языка⁴¹.

Можно поэтому предположить, что более развернутый вариант пословицы — типа *Голод не тётка, пирожка не подсунет* был образован (как и другие) из «ядерных» вариантов типа *Голод не тётка, Голод не свой брат, Голод не кума, Голод не сосед, Голод не тёща*, а не наоборот⁴². Исходным было отрицательное сравнение голода с человеком, а конкретизацией становились различные свойства этого человека либо действия, им совершаемые, — в том числе и угощение теткой племянника пирожком либо тещей зятя — блинами.

Хотя, как видим, массивный материал восточнославянских языков и диалектов позволяет несколько скорректировать интерпретацию Б. А. Ларина, семантический ее смысл, раскрытый в его «Очерках», остается неизменным. Спасти от голода в патриархальной общине могли прежде всего ближайшие

родственники, — мать, тетка, кума, теща, родной брат. Не случайно поэтому в ареальном и частотном «рейтинге» вариантов преобладает именно тот, где добрая тетушка (реже — кума или теща) угощает голодного родственника пирожками или калачами:

*Голод не тётка (не тёща, не кума): пирога не подсунет*⁴³; *Голод не тётка: пирогами не кормит*⁴⁴; *Голод не тётка: пирожка не подсунет*⁴⁵; *Голод не тётка: калачика не подложит*⁴⁶; *Голод не тёща: блинов не напечёт*⁴⁷; укр. *Голод — не тітка, пиріжка не дасть*; бел. *Голад не цётка, піражка не падасць*.

Актуальным и отнюдь не риторическим остается в наши дни и вопрос, заданный по поводу русской пословицы *Голод не тётка* Б. А. Лариным. В самом деле, в максимально полном ряду ее русских вариантов отца, спасающего своих детей от голода (* *Голод не родной отец*), так и не обнаружилось. Правда, «отеческий» вариант зафиксирован-таки — но лишь в украинском фольклоре: *Голод — не батько і не мати*⁴⁸, причем лишь в сборнике пословиц, изданном в 1946 г. в Канаде, с назидательным толкованием: «С голодом нужно бороться, поскольку он не пожалеет так, как отец»⁴⁹. Эта одиночная и весьма поздняя фиксация, как кажется, не только не опровергает, но и подтверждает семантическую интуицию Б. А. Ларина. Ведь в восточнославянской патриархальной общине голодный ребенок мог ожидать угощения либо от женщин-родственниц, либо — от родного брата, но отнюдь не от сурового «хозяина» — собственного отца. Вот почему отец в качестве такого благодетеля появляется в старинной украинской пословице лишь в речи украинских эмигрантов в послевоенной Канаде, где патриархальные ее реминисценции значительно поблекли.

Рассмотрением конкретного примера, избранным более полувека назад Б. А. Лариным для иллюстрации развития структуры и семантики фразеологизмов, я попытался показать немеркнущую актуальность разработанного им диахронического подхода к языковым фактам. В монографиях и словарях, которые мы, ларинцы, за 50 лет написали и выпустили в свет, таких примеров немало. Мне приятно сегодня отметить, что в известном «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В. Н. Телия⁵⁰ этимологии фразеологизмов, разработанные в нашем «Историко-этимологическом словаре русской фразеологии», поставлены на центральное место когнитивных словарных статей, причем снабжены точными отсылками на наш словарь. Это, как мне кажется, и есть признание ларинского подхода к фразеологическому материалу.

Вы уже видели, что при интерпретациях пословицы *Голод не тётка* основная аргументация в пользу ее эволюции в сторону эксплицирования, а не имплицирования черпалась мною из нашего «Большого словаря русских пословиц», насчитывающего 75 тысяч единиц с точной паспортизацией времени и места их фиксации. В совокупности с «Большим словарём русских народных сравнений»⁵¹ и «Большим словарём русских поговорок»⁵² мы создали паремиологический (resp. фразеологический) фонд, составляющий в целом 155 тысяч русских пословиц и поговорок. Этот многолетний труд нашего фразеологического семинара — также воплощение одной из продуктивных лексикографических и фразеологических идей Б. А. Ларина. Принцип полноты, которым пронизаны все лексикографические проекты Б. А. Ларина⁵³, в нашей паремиологической три-

логии осуществлен с предельным максимализмом. Во многом этот принцип был положен и в нашем с Т. Г. Никитиной «Словаре псковских пословиц и поговорок»⁵⁴, в котором мы попытались показать всю паремиологическую и фразеологическую систему псковских говоров в ее целостности, не дожидаясь выхода последнего тома замечательного ларинского ПОСа.

Импульс к изучению диалектной фразеологии, разумеется, исходит от Б. А. Ларина. Его вторая статья — «О народной фразеологии»⁵⁵ — это текст доклада на X Республиканском совещании по диалектологии, прочитанного 12 мая 1959 года в институте языкознания им. А. А. Потемнина в Киеве. Идеи этого доклада вдохновили многих фразеологов-ларинцев, в том числе известных фразеологов Л. Я. Костючук, Л. А. Ивашко, Т. Г. Никитину и других. Лишь в нашем фразеологическом семинаре на тему народной, разговорной и диалектной фразеологии русского и других славянских языков было написано не менее 30 диссертаций, а И. А. Подюков, Л. Е. Кругликова, Т. Г. Никитина, Е. И. Селиверстова на этом материале строили свои докторские диссертации. И здесь — как всегда в ларинских темах — лингвистическая теория во многом опиралась на лексикографическую практику. Б. А. Ларин, критически оценивая подачу фразеологии в областных словарях того времени, подчеркивал, что «каждое слово в областном словаре только тогда будет правильно разработано, если будут собраны и систематизированы по возможности все употребительные сочетания заглавного слова»⁵⁶. Именно к этому мы и стремились, составляя свою паремиологическую трилогию. Ее материал помогает не только точно идентифицировать тот или иной диалектный фразеологизм во времени и пространстве, но и нащупать структурно-семантическую модель, по которой образован фразеологический диалектизм.

Так, в «Очерках о фразеологии» Б. А. Ларин приводит архангельскую идиому *рот полоскать*, записанную в начале XVII в. Ричардом Джемсом с комментарием: «так говорят в чистый понедельник [т. е. в первый понедельник после великого поста], когда хотят выпить 3–4 чарки вина, чтобы опохмелиться»⁵⁷. В разных регионах России записаны, а нами помещены в сводный словарь поговорок обороты, образованные по той же модели: *прополоснуть (промочить) горло* ‘выпить немного спиртного’⁵⁸; *полоскать желудок* ‘пить воду, чай и т. п.’⁵⁹; перм. *полоскать зубы* ‘пить спиртное’, ‘опохмеляться, снимать похмельный синдром спиртным’⁶⁰; прост. *пополоскать зубки* ‘выпить немного спиртного’⁶¹; пск. *помазать язык* ‘немного выпить спиртного’⁶²; волг. *помочить (промочить) в роте* ‘выпить вина’⁶³; прост. *промочить глотку* ‘выпить немного спиртного’⁶⁴; жарг. *промочить трубы* ‘опохмелиться’⁶⁵.

Такого рода ареальные и структурно-семантические проекции можно в нашей базе данных найти для почти всех фразеологизмов, на которые обратил внимание Б. А. Ларин: *хлопот полон рот*, *грех знает*, *статошное дело* и др.⁶⁶

Ограниченный объем статьи не позволяет мне остановиться на других аспектах исследования фразеологии, перспективы которых наметил Б. А. Ларин. Ведь даже вскользь брошенные им замечания или характеристики для нас стали стимулом изысканий и лексикографических мук. Так, фразеологизмы и крылатые выражения писателей типа *рыцарь печального образа*, *цветы красноречия*, *потёмкинские деревни* в их трансформированном виде (*рыцари безнаказанной оплеухи* или *пустоцветы красноречия*) Б. А. Ларин назвал «идиомами в заро-

дыше»⁶⁷. И мы, с его легкой руки, обратив на них особое внимание, составили несколько словарей, где такого рода трансформации всесторонне описываются и снабжаются контекстами из литературы, публицистики и Интернета: «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка»⁶⁸; «Фразеологизмы в русской речи»⁶⁹; «Антипословицы русского народа»⁷⁰ и др. Все наши словари хранятся в МСК, и я рад, что сегодня, в этот юбилейный день, могу подарить родному кабинету очередной словарь из этой серии — «Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Опыт школьного фразеологического словаря»⁷¹.

Наша работа продолжается, и все здесь сидящие, как и многие наши ларинцы во многих центрах лексикологии, фразеологии и лексикографии, немало сделали для осуществления ларинских идей за минувшие полвека. Некоторые из этих идей, которые мы унаследовали от своего Учителя, в новейшее время лишь получили новое терминологическое обозначение. Так, модные термины *концепт* и *когнитология*, вокруг определения которых ведутся глубокомысленные и нередко схоластические споры, обозначают древнюю как мир связь языка и культуры. И для фразеологии ее четко и вместе с тем поэтично охарактеризовал уже Б. А. Ларин: «...Фразеологизмы в собственном (строгом) смысле термина всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают, как свет утра отражается в капле росы»⁷². В этой поларински яркой формулировке заключена вся премудрость современного когнитивизма. И если бы наши когнитивисты почаще перечитывали труды нашего Учителя, их стиль приобрел бы и подлинную ясность, и истинную научность.

Свой доклад в Киеве, сделанный за год до основания нашего Словарного кабинета, Б. А. Ларин предварил украинской шуточной прибауткой: «Як би у мене було пшоно та сіль, то я б зварив кашу, — та жаль, що немає сала!»

Да, действительно, в то время отсутствовало большинство ингредиентов для заваривания теоретической и практической каши в сфере столь новой тогда лингвистической дисциплины, как Фразеология. Но 50 лет, прошедшие со дня основания нашего МСК им. проф. Б. А. Ларина, не были растрчены впустую. Мы не только за это время стали сверстниками Бориса Александровича, но и накопили огромные словарные запасы. Теперь же у нас для фразеологического блюда есть все: и пшено, и соль, и даже сало. Но самое главное — есть замечательный рецепт, как изготовить из всего того, что мы за 50 лет накопили, самую вкусную и питательную фразеологическую кашу. Этот рецепт мы получили от нашего Шеф-повара — Бориса Александровича Ларина. И мы уже готовы накормить фразеологической кашей, сваренной по ларинскому рецепту, всех, кто изголодался по яркому русскому слову. Особенно тех, кому не подсунула пока еще фразеологического пирожка какая-либо фразеологическая тетка, кума или теща.

Примечания

¹ Мокиенко В. М. Л. В. Щерба, Б. А. Ларин и филология будущего // *Slavica Tartuensia*. I. Tartu, 1985. С. 88–100.

² Лихачёв Д. С. О Борисе Александровиче Ларине // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 9.

³ Профессор Борис Александрович Ларин: Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию (К 95-летию со дня рождения) / Сост.: А. М. Бушуй, Т. А. Бушуй, А. И. Корнев, И. С. Лутовинова. Отв. ред.: А. М. Бушуй, В. М. Мокиенко. Самарканд, 1987.

⁴ Ср.: *Откупщиков Ю. В.* О семантическом аспекте этимологического исследования // Вопросы теории и истории языка, сборник статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Л., 1969. С. 202; *Откупщиков Ю. В.* Очерки по этимологии. СПб., 2001. С. 47.

⁵ *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 125–148; *Ларин Б. А.* О народной фразеологии // Там же. С. 149–162.

⁶ *Виноградов В. В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. 1819–1944. Секция филол. наук. Л., 1946. С. 45–69.

⁷ *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 147–148.

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Там же. С. 144–145.

¹⁰ *Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л.* История и этимология русских фразеологизмов (Библиографический указатель 1825–1994). Hsgeb. von Alexander Bierich. (= Specimina Philologiae Slavicae. Supplementband 36). München Verlag Otto Sagner, 1994; *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. проф. В. М. Мокиенко. СПб., 1998; *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. 2-е изд., испр. / Под ред. проф. В. М. Мокиенко. СПб., 2001; *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005; *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2007.

¹¹ *Гвченко.* Історія та етимологія української фразеології: Бібліографічний покажчик (1864–1998). Харків, 1998.

¹² *Stěpanova Ludmila.* Historie a etymologie českých rčení. Praha: Karolinum nakladatelství Univerzity Karlovy, 1998.

¹³ *Lichtenberg Julia.* Die bulgarischen Phraseologismen. Auswahlbibliographie mit einem Index zur Geschichte und Etymologie. (= Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Hsg. von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 8). Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2001.

¹⁴ *Fink Arsovski Željka, Kovačević Barbara, Hrnjak Anita.* Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim rđovima. Zagreb: Knjigra, 2010.

¹⁵ *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 145.

¹⁶ *Снегирев И. М.* Русские в своих пословицах. Книжка 3. М., 1832. С. 81; Книжка 4. М., 1834. С. 135; *Максимов С. В.* Крылатые слова. СПб., 1891. 2-е изд. М., 1955. С. 372.

¹⁷ *Руднев А. Г.* Проблема фразеологии. Л., 1960. С. 34; *Уразов И.* Почему мы так говорим. Сер. 2. М., 1962. С. 61; *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Современные крылатые слова и выражения. М., 2000. С. 463.

¹⁸ *Кондратьева Т. Н.* Метаморфозы собственного имени: опыт словаря / Т. Н. Кондратьева; науч. ред. А. Т. Липатов. Казань, 1983. С. 98.

¹⁹ *Мещерский Н. А.* О происхождении фразеологизма «труса праздновать» // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977. С. 76–79.

²⁰ *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 700–701.

²¹ *Мокиенко В. М.* Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология // Славянская филология. Вып. VIII. СПб., 1999. С. 56–70.

²² *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. Л., 1974. С. 260.

²³ Там же. С. 233.

²⁴ *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. проф. В. М. Мокиенко. СПб., 1998; *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2007.

²⁵ *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1980; 2-е изд. М., 1989.

²⁶ *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. Л., 1974. С. 88.

²⁷ *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 145.

²⁸ Там же. С. 142.

²⁹ Там же. С. 148.

³⁰ Там же. С. 142.

³¹ *Симони П.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. СПб., 1899. С. 91.

³² *Федоров А. И.* Лекции по русской фразеологии, прочитанные студентам НГУ. Новосибирск, 1964. С. 13; *Фелицына В. П.* Голод не тётка // Русская речь, 1970. № 4. С. 122–124; *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1980. 2-е изд. М., 1989. С. 92.; *Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987; Школьный словарь живых русских пословиц / Сост.: Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко. Гл. ред. В. М. Мокиенко, ред.: Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. СПб., 2002. С. 57.

³³ *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1902–1903. Переизд. 1994. Предисловие и комментарии В. М. Мокиенко. М., 1994. Т. 1–2. Т. 2.

³⁴ *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2010.

³⁵ Прислів'я та приказки. Упорядник М. М. Пазяк. Київ. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с. Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с. Т. 3. Взаємини між людьми. 1991.

³⁶ Прыказкі і прымаўкі у дзвюх кнігах. Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, уступны артыкул і каментарыі М. Я. Грынבלата. Т. 1–560 с.; т. 2–616 с. Мінск, 1976.

³⁷ Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red.. akad. Ju. Krzyżanowskiego. Т. 1–4. Warszawa, 1969–1978.

³⁸ Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О. В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. СПб., 1864.; 3-е изд. Київ, 1993. 45, № 2259.

³⁹ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII–XX веков / Издание подготовили М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961.

⁴⁰ *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. М., 2010.

⁴¹ Тулина Т. А. Образование и структурно-семантические свойства фразеосхем русского языка // Проблемы образования фразеологических единиц. Тула, 1976. С. 149–161.

⁴² Мокиенко В. М. Субстандартная фразеология русского языка и некоторые проблемы ее лингвистического изучения // La revue russe. Paris. N 7, 1994. С. 53–75; Школьный словарь живых русских пословиц / Сост.: Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнуддинов, Т. В. Кормилицына, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко. Гл. ред. В. М. Мокиенко, редакторы: Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. СПб., 2002. с. 69; Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 152.

⁴³ Даль В. И. Т. 1, 369.

⁴⁴ Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961. С. 136.

⁴⁵ Симоны П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симоны. СПб., 1899. С. 91; Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966. С. 104–105; Аникин В. П. (ред. и сост.). Русские пословицы и поговорки. М., 1988. С. 65.

⁴⁶ Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М.: изд-во АН СССР, 1961. С. 136; Танчук В. Сборник пословиц русского языка. Нью-Йорк, 1986. С. 42.

⁴⁷ Спиринов А. С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Р/на-Дону, 1985. С. 37.

⁴⁸ Прислів'я та приказки. Упорядник М. М. Пазяк. Київ. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. 1989. С. 303.

⁴⁹ Приповідки або українсько-народня філософія. Т. 1. Зібрав, підготував до друку та опублікував Володимир С. Плав'юк. Перевидання з оригіналу 1946 року. Едмонтон, Канада: Асоціація Українських Піонерів Альберти, 1998. С. 74.

⁵⁰ Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. М., 2006. 784 с.

⁵¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2008. 784 с.

⁵² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2008. 800 с.

⁵³ Мокиенко В. М. Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология // Славянская филология. Вып. VIII. СПб., 1999.

⁵⁴ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Науч. ред. Л. А. Ивашко. 13 000 единиц, СПб., 2001. 176 с.

⁵⁵ Ларин Б. А. О народной фразеологии // Там же. С. 149–162; 149–162.

⁵⁶ Ларин Б. А. Из славяно-балтийских лексикологических сопоставлений (стыд — срам) // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М., 1977. С. 63–72.

⁵⁷ Ларин Б. А. Очерки по фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М., 1977. С. 144.

⁵⁸ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2008. С. 155.

⁵⁹ Там же. С. 227.

⁶⁰ Там же. С. 261.

⁶¹ Там же.

⁶² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Науч. ред. Л. А. Ивашко. 13 000 единиц, СПб., 2001. С. 83; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2008. С. 155.

⁶³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2008. С. 571.

⁶⁴ Там же. С. 130.

⁶⁵ Там же. С. 671.

⁶⁶ Ларин Б. А. Очерки по фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 144–145.

⁶⁷ Там же. С. 146.

⁶⁸ Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000; Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: В 2 т. (Т. I. А–М. 658 с.; Т. II. Н–Я. 656 с.) / Под ред. С. Г. Шулежковой. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск, 2008–2009.

⁶⁹ Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997. 864 с.; 2-е изд. М., 2001. 855 с.; 3-е изд. М., 2005; Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Опыт школьного фразеологического словаря: В 2 т. Т. 1. А–Л. 341 с. Т. 2. М–Я. 336 с. / Сост. А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, И. Ю. Третьякова и др.; под ред. А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. Кострома, 2008; Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Школьный словарь / Сост.: А. С. Власов, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, И. Ю. Третьякова, М. А. Фокина, А. Е. Якимов; под ред. А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. Кострома, 2010.

⁷⁰ Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005. 578 с.

⁷¹ Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Школьный словарь / Сост.: А. С. Власов, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, И. Ю. Третьякова, М. А. Фокина, А. Е. Якимов; под ред. А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. Кострома, 2010. 730 с.

⁷² Ларин Б. А. О народной фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 156.

Е. В. Генералова

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВВ.»)²

Специфика языкового материала каждого словаря очевидна, в особой степени это касается словарей исторических, где уникален не только материал, период, круг источников, но в большинстве случаев и концепция авторов и их представление о жанре исторического словаря.

² Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

При всей развитости на современном этапе исторической лексикографии едва ли существует какой-то определенный унифицированный аппарат подачи языкового материала. Историческая лексикография во многом шла за толковой лексикографией, отчасти и вырастая из нее, но можно ли вообще говорить о какой-либо особой методике и каком-либо особом лексикографическом аппарате исторических словарей? Очевиден здесь и вопрос о степени общего и особенного в каждом словаре — насколько это особенное (и, напротив, общее) имеет право на существование, насколько оно основано на объективном языковом материале, насколько реализуемо, насколько может претендовать не на обособленность, а быть рекомендовано другим — при том, что известно, сколь многое в словарном деле обусловлено экстралингвистическими причинами и как трудно менять такой аппарат, даже если это кажется целесообразным.

В свое время ряд очень интересных идей был предложен Б. А. Лариным при создании «Псковского областного словаря с историческими данными», который был задуман Б. А. Лариным, с одной стороны, как словарь полного типа, отражающий и языковые единицы диалекта, и единицы «общего языка», а с другой стороны, как интереснейший в историческом отношении словарь, описывающий непрерывную историю слова, показывающий и историю диалекта, и современные языковые данные. Однако при всей очевидной плодотворности всех этих идей (хотя и безусловной трудоемкости) следует признать, что ПОС остался уникальным трудом такого рода в отечественной диалектографии.

Основанные на объективном языковом состоянии приемы показа динамики развития словарного состава в историческом словаре были предложены в «Словаре русского языка XVIII в.», в свете развития идей Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, а далее Ю. С. Сорокина о действительно историческом словаре, но тоже нельзя сказать, чтобы эти приемы получили широкое распространение в исторической лексикографии.

Возможна ли вообще какая-либо унификация или даже просто передача опыта? Практика показывает, что этого, как правило, не происходит.

Межкафедральный словарный кабинет в этом смысле как раз едва ли не уникальный опыт словарей вообще разного типа, но с одним корнем, выросших из одного гнезда и в связи с единством концепции пользующихся и сходными приемами описания материала, т. е. словарей, члены авторских коллективов которых говорят на одном лексикографическом языке.

Что касается описания лексического значения языковых единиц, постулатом отечественной лексикографии являются слова Л. В. Щербы: «Словарная работа исключительно основана на семантике»¹. Поддерживая традиции Л. В. Щербы и признавая его лексикографический труд «поучительным и образцовым как в теоретическом, так и в техническом отношении»², Б. А. Ларин разрабатывает новые подходы к созданию словарей, которые реализуются в первую очередь в задуманных Лариным экспериментальных лексикографических проектах, относящихся к разным областям лексикографии: «Псковском областном словаре с историческими данными», «Словаре автобиографической трилогии М. Горького», «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ). В связи с этим во многом методы описания материала и сами приемы являются общими.

В отношении развертывания семантического пространства слова в исторической перспективе особый интерес Б. А. Ларин проявлял к слову в тесной связи с историей народа. Принципы Древнерусского словаря (ДРС), разработанные Лариным, отличались от принципов составления ранних исторических словарей. Ленинградскую-петербургскую школу исторической лексикологии всегда привлекало слово в тексте, именно функционирование слова в его семантических возможностях. В этом принципиальная позиция Ларина, подчеркивавшего, что историческая лексикология — это изучение истории слов исключительно в исторических текстах. В этом смысле особенно значим фонд памятников, на которых осуществляется словарь.

В качестве источников задуманного Б. А. Лариным словаря обиходного языка, включающего лексику живого языка XV–XVII вв., поскольку «это наиболее вопиющая лакуна русской лексикографии и самое зыбкое место, трясина, в которой гибнет всякая попытка построения русской исторической лексикологии»³, была взята хорошо продуманная группа памятников XV–XVII вв., среди которых представлены тексты различной жанровой принадлежности. Это официально-деловые и частно-деловые памятники, семейная и дружеская переписка, переводные памятники, русские повести XVII в., русская демократическая сатира, записи былин и исторических песен, пословицы XVII в., разговорники и тематические словарики XVI–XVII вв., составленные иностранцами. Как словарь, отражающий язык обиходного общения определенного синхронного среза, СОРЯ детально показывает различные значения, оттенки значения, отдельные случаи специфического функционирования слов в языке эпохи. В связи с этим весь наличный в картотеке лексический материал подвергается в СОРЯ семантическому описанию, и толкование получает каждое, без исключения, слово.

В настоящее время вышли в свет три выпуска СОРЯ, подготовлен к сдаче в издательство четвертый выпуск, идет работа над пятым, таким образом, авторским коллективом в настоящее время детально обработано более 6000 слов. Существительные составляют около трети всех слов, прилагательные пятую часть, а глаголы — около четверти словарного состава, т. е. можно говорить о предметном характере лексики памятников обиходно-разговорного языка, призванных инвентаризировать, упорядочить, всегда точно назвать в определенной ситуации реалии.

Существенно, что большая часть лексики — однозначная (до 75% слов, т. е. около $\frac{3}{4}$ всего словарного материала). Статистический анализ материала показал преобладание конкретной лексики, и это важная черта обиходно-делового языка.

Многозначных слов не так много, их доля никогда не превышает 10%, причем их несколько больше среди глаголов и прилагательных. Существенно, что многозначные слова почти всегда высокочастотны, и эти факты в обиходном языке связаны так же, как в современной разговорной речи: бедность, в частности глагольного набора, компенсировалась широкой семантикой, которую имели такие слова, применяясь к различным ситуациям.

Лексикографические сложности возникают в представлении и однозначного, и многозначного материала.

При интерпретации однозначных слов несложны случаи, когда это единственное значение представлено цитатами из нескольких памятников, т. е. хорошо подтверждено материалом. Напр.:

ВОШВА, ж. (20) *Кусок ткани с драгоценным шитьем, шиваемый как украшение в одежду или конский прибор.* А князь Василей пожаловалъ сестру свою, далъ кортель [‘женская одежда на меху’] горностаенъ вошва аксамитъ синь, лѣтникъ камка желта вошва аксамитъ багрян. *СГГД I⁴, 303¹, 1486 г.* А на девкѣ платья: — кортель куней съ вошвою семь рублевъ, кортель бѣлей хрептовый полтретья рубля вошва готова шита полосата. *Дьяк. Акты тяг. II, 2, 1514 г.* Лѣтникъ отласъ по бѣлой землѣ листьѣ золото ...подкладка тафта виницейка червчата; безъ вошевь. *Савваитов, 107, 1642 г.* А дати тѣ денги за вошвы, что взяты къ ризамъ на оплечье. *Расх. кн., 66, 1644 г.* Лѣтникъ камка бурская... вошвы по бархату по червчатому низаны жемчугом орлы. *Там же, 106.* Дороже кожоуха вошвы стали. *Сим. Послов., 96, XVII в. + XVI в.: АРГ, АФЭХ II, Прих.-расх. кн. Волокол. м.; XVII в.: Вкл. кн. ТСМ, Д. Шакловит. I, Заб. Дом. быт. II, Росп. прид., Сл. промысл. I. Ср. вставка.*

БЕСПОВОРОТНО, нареч. (11) *Дел. Без возврата, навсегда.* У тех людей поместья и вотчины великий государь указал отимать безповоротно и отдавать челобитчикам. *РД IV, 16, 1670 г.* Се азъ... Ирина Емельянова дочь Ивановича Суровцова... продала... Ивану Васильеву сыну Болтину... впрокъ безъ выкупу и безповоротно приданую свою вотчинную землю. *Шумаков. Акты юрид., 23, 1696 г.* Жить нам Кондрашку и Трофимку съ женами своими... съ нынѣшнего 204 году за нимъ Якимомъ... вѣчно безповоротно. *Гр. порядн., 344, 1696 г.* — *безл. предикат.* А которые... торговые и ремесленные люди, и розданы в тяглые сотни: и тем людям быть впредь безповоротно за государем, где кто в тягло отдан. *Улож. 1649 г., 307.* И быть по тому отводу той землѣ за Воскресенскимъ монастыремъ въ вотчинѣ безповоротно. *А. Угл., 115, 1688 г. + безповоротно XVII в.: Новоторг. устав, ПРП VII, Сл. Перм. I.*

Сложности возникают, когда материала недостаточно. Особенно сложно, когда единственная цитата представлена из памятников переводного характера (Двора турецкого султана, Назирателя, Вестей-Курантов) или русско-иноязычных словарей и разговорников, созданных в XVI–XVII вв. иностранцами. Проблема не только в естественных сомнениях в звуковом облике слов из иноязычных словарей и разговорников (не случайно варианты таких слов не выводятся отдельной строкой), а еще и в сомнениях, во-первых, собственно в семантике такого слова в русском языке, а во-вторых, в его узуальности и в узуальности выводимой семантики. Сомнения в выводимой семантике слова традиционно обозначаются вопросительным знаком после толкования. Напр.:

БОХИ, мн. (1) *Маслины (?)*. > Б о х и м а с л и ч н ы е, lohe birn. [Помещено в ряду названий плодов: ...изюмъ, черносливы, масличные бохи, орѣхи, грецкой орѣхъ...]. *Тронх. разг., 226, к. XVII в.*

ГАЛАС, м. (1) *То же, что галеас (?)*. Из Кандия в послѣдних грамотках пишут что в нашемъ карабелном войске 38 галионов 4 галасы да 32 лехкие каторги. *В-К V, 44, 1652 г.* (ср. **ГАЛЕАС** и **ГАЛЕАСА**, м. (2) [итал. galeazza через голл. galeas или фр. galéace] *Военный корабль, состоявший на вооружении многих стран Европы в XVI–XVII вв., представлявший собой усовершенствованную галеру большого размера...*).

Главный вопрос заключается в том, как выразить сомнения в узуальности, в наличии такого слова в русском языке соответствующего периода. Такие сомнения, естественно, возникают, даже когда семантика кажется более или менее ясной. Например, по Разговорнику Хеймера известно слово *бомба* и Хеймер даже приводит выражение с этим словом (*выжигать бомбами*), но неясно, насколько обоснованно можно говорить о том, что это слово характерно для лексико-семантической системы русского языка XVI–XVII вв. См. материал такого рода:

БОМБА, ж. (2) [через пол. bomba или нем. Bombe из итал. bomba или фр. bombe (первоначально ‘жужжащий снаряд’), восходящих к латин. bombus ‘жужжание’] *Круглый чугунный снаряд, начиненный пороховым зарядом. Бомбы. Разг. Хеймера, 5, к. XVII в.* > *В ы ж и г а т ь б о м б а м и. Бомбардировать. Разг. Хеймера, 5 об., к. XVII в.*

ВОЛОСНА, ж. (1) *Плеть. Волосна his whip. Джемс, 60, 1619 г.*

ВОЛНЕЦ, м. (1) *Гриб-поганка. Волнец — a kind of toadstoales. Ридли, 91, 1599 г.*

Не меньшие сложности и с представлением слов, особенно сложений, характерных для текста Вестей-Курантов (такие, например, сложения, как *высокочтенный, высокоповеренный, высоколюбительный, доброзрящный, доброшляхетный* и др.). Очевидно, что в целом ряде случаев такие сложения представляют собой кальки с иностранных слов, часто по образцу сложных немецких слов. См., напр.:

ВЫСОКОДОБРОРОДНЫЙ, прил. (1) *Высок.-офиц. В титуловании. Имеющий знатное происхождение. Высокодоброродныи геднь генеральной полевой маршалкъ... не мог... не объявити... в дрвне именем Горнъговзене... здравъственной колодез объявился. В-К III, 133, 1646 г. Ср. высокорожденный, добророжденный.*

ВЫСОКОЗРЯЩНЫЙ, прил. (1) *Высок.-офиц. Прозорливый, мудрый. Ево цысарское величество вшеи курфистской млсти такое высокозрящное повѣление и приказ дал и вша курфистская млсть такое бремя для устройства миру и покою на себя с радънем принял. В-К I, 53, 1621 г. Ср. высокоумный.*

Что касается представления в словаре многозначных слов, то особенность обиходного языка состоит в том, что многозначность практически повсеместно связана с высокой (и очень высокой) частотностью, а кроме того, часто это слова очень широкой семантики, как в разговорной речи, используемые в различных ситуациях с одной из реализаций широкого значения.

Встает технический вопрос об организации семантической схемы таких высокочастотных многозначных слов. Значения отдельных многозначных высокочастотных в обиходном русском языке XVI–XVII вв. лексем со сложной семантической структурой организуются в СОРЯ в более крупные (чем значения) семантические единицы: семантические блоки, обозначаемые римскими цифрами (I, II) и объединяющие значения разного порядка (например, прямые и переносные, конкретные и абстрактные) или разные магистральные направления развития значений (разные «ветви» семантического «дерева»).

Например, в семантической схеме многозначного высокочастотного прилагательного *большой* отдельные значения (каждое из которых еще разветвляется на ряд оттенков, употреблений и т. д.) собраны в блоки: прямые значения организованы под номером I, переносные — под номером II, специфическое значение ‘старший’ — под номером III:

БОЛЬШОЙ... I. 1. Значительный по размерам, величине, объему...

2. Значительный по количеству, многочисленный...

3. Значительный по силе проявления...

II. 1. Главный, основной... 2. Занимающий высокое служебное положение...

III. Старший по возрасту, по годам...

Иногда такие блоки выделяются не столько по семантическому, сколько по лексико-грамматическому критерию: так, значения глагола *быть* организованы в три блока, обозначенные римскими цифрами: в первый блок входят значения *быть* как полнозначного глагола (‘существовать’, ‘иметься’, ‘наличествовать’, ‘находиться’, ‘пребывать’, ‘нести службу’ и т. д.), во второй блок — семантика глагола *быть*, использующегося как вспомогательный глагол (например, при образовании сложного будущего, при образовании сослагательного наклонения, при образовании совершенного будущего и т. д.), и, наконец, в третий блок — значения, которые глагол *быть* приобретает в конструкциях с модальным значением (например, с модальным значением возможности, невозможности, неизбежности, пожелания и т. д.).

Естественно, вопрос о таком представлении структуры многозначного слова всегда решается индивидуально, с учетом семантики и частотности конкретного слова, его места в языковой стихии в описываемый словарем период. Возможно, здесь было бы удобно и помещение семантической схемы в графическом виде (как это принято, например, в ряде западных толковых словарей), хотя ясно, что такое определенное облегчение восприятия вызовет целый ряд вопросов об исторической и семантической производности значений (и исторический словарь в данном случае должен будет проявить особую тщательность и академичность в установлении этой производности).

Еще один вопрос, возникающий здесь, — правомерность предпосылки некоего абстрактного значения, «шапки» более частным конкретным реализациям. Так, в словарной статье на прилагательное *добрый* (рабочие материалы СОРЯ) семантическая схема организована несколько по иному принципу, чем в статье на слово *большой*: у семантических блоков есть заглавия, а значения, организованные в эти семантические блоки исключительно по семантическому принципу, имеют сквозную нумерацию.

ДОБРЫЙ... I. Обладающий положительными свойствами, выдающийся в своем роде.

1. Отличающийся хорошими качествами (обычно о предметах).
2. Хорошо знающий свое дело.
3. Здоровый, полный сил.
4. Справедливый.

II. Добродетельный, примерный в нравственном отношении.

5. Достойный, уважаемый, почтенный.
6. Состоятельный, занимающий определенное общественное положение.

III. Добросердечный, отзывчивый.

7. Относящийся к людям доброжелательно, с сочувствием.
8. Основанный на добросердечном, доброжелательном отношении.

IV. 9. Противоположный плохому, дурному.

V. Большой, значительный.

10. Значительный по степени проявления, интенсивности.
11. Значительный по количеству.

Отрезок и семантическая схема слова несколько раз обсуждались на заседаниях СОРЯ, и авторский коллектив все же склонен отказаться от заголовков этих семантических блоков, потому что ясно, что при том, что они демонстрируют движение смысла в описываемом слове, цитатами такие абстрактно выводимые значения не подтверждаются, и выведение такого рода «шапок» едва ли правомерно: оно оправдано скорее в исследовательской статье, чем в таком жанре, как исторический словарь.

Кроме того, лексикографическое представление многозначных слов в некоторых случаях выходит и на вопрос широкого значения другого рода: в редких случаях в обиходном языке XVI–XVII вв. лексемы имели очень широкую семантику, за счет чего могли применяться для характеристики целого круга не всегда даже однородных предметов и явлений. Было предложено при значении таких лексем ставить помету *синкрет.* (после толкования значения), а само синкретичное значение при необходимости дополнительно формулировать и как отсылочное к другим, более конкретным значениям.

В частности, такая помета *синкрет.* была поставлена при первом значении слова *вор*, открывающего недавно опубликованный третий выпуск СОРЯ. Слово *вор* очень высокочастотное (в картотеке СОРЯ более 300 фиксаций с этим словом), при том, что слово только впервые фиксируется с середины XVI в. Это слово демонстрирует в описываемый период несколько ступеней обобщения семантики: слово было общим обозначением уголовного преступника (с целым рядом конкретных реализаций этого значения: тот, кто крадет, покушается на убийство, подделывает подпись, грабит и т. д.), государственного преступника (если противопоставлять политические преступления уголовным бытовым, тоже с конкретными реализациями), функционировало в обиходном, типичном для разговорников значении ‘мошенник, ловкач’ и было известно с предельно широкой семантикой, обозначая преступника вообще, нарушителя законодательных и моральных норм (значение, которое и было обозначено как синкретичное)⁵. См.:

ВОР... 1. Кто нарушает законы, установления морали, преступник; синкрет. (2, 3, 4, 5). Нынѣшняго де, г., 131 г. сентября въ 10 д. сидѣль де онъ на пиру у казака у Сережки Пожитнаго съ тѣмъ пушкаремъ съ Сенькою вмѣстѣ, и почель де онъ, Ивашка, говорить: «по твоему де г. указу... на Москвѣ ходять по улицамъ стрѣльцы для воровства, чтобъ воры не воровали». *СиД, 421, 1623 г.* ... 2. **Кто нарушает уголовное законодательство; уголовный преступник.** Да въ то жъ время, какъ царя коронуютъ и веселие бываетъ, на Москвѣ и въ городѣхъ всѣхъ воровъ свобождаютъ на волю, кромѣ самыхъ великихъ убииственныхъ дѣлъ. *Котошихин, 12, 1667 г.* ... 3. **Кто совершает преступления против государства; государственный преступник.** Нынѣ смиряетъ воровъ бояринъ кн. Дмитрий Михайловичъ Пожарский. *СиД, 13, 1625 г.* ... 4. **Неприятель, враг.** Въ прошломъ де во 117-мъ году приходили де на Угличъ воры литовские люди и посады и монастыри выжгли, и Богоявленской де монастырь, что строилъ вновь старецъ Варсунофей, сожгли жъ и братью присѣкли. *А. Угл., 16, 1610 г.* ... 5. **Ловкач, мошенник.** Вор хто лучше делает. *Тронх. разг, 231, к. XVII в.* ...

При обсуждении готовящегося в печать третьего выпуска помета *синкрет.* никого не оставила равнодушным, вызвав весь спектр оценок от восторженного приятия и подчеркивания, что здесь как раз схвачена самая суть средневекового менталитета и соответствующих особенностей семантики слова, до полного скептицизма. По поводу этой пометы до сих пор нет единодушия и в самом авторском коллективе, т. е. проблема соответствия языковому материалу, семантическому состоянию обиходного языка (если бы издавался, например, словарь житий, там роль этой пометы была бы иной), проблема целесообразности такой пометы очевидна, и при этом нерешенным остается вопрос интерпретации столь широкого значения, вбирающего в себя и ряд конкретных реализаций разной степени обобщения, и какое-то еще общее, надтекстовое значение.

Пристальное внимание Б. А. Ларина всегда было сосредоточено на семантической разработке слов, описании семантического пространства слова, подразумевающего выделение значений и оттенков значения. Наряду с выделением значений и их частных реализаций — оттенков в СОРЯ показываются характерные употребления лексемы, и авторы стремятся наиболее полно и подробно описать такие случаи особого функционирования слов, не изменяющих значения и лексико-грамматической отнесенности лексем. Но если оттенок — это достаточно субъективная исследовательская категория (не случайно то, что в одних словарях преподносится как оттенки, в других соответствует полноценным значениям, а ряд словарей в связи с этим вообще отказывается от такой категории, как оттенок), то выделение употреблений базируется на достаточно объективных лингвистических основаниях. Но выделение этих употреблений, как выясняется, базируется на очень разных основаниях.

Основаниями для выделения употреблений в СОРЯ являются, во-первых, лексические факторы, т. е. особая тематически ограниченная сфера использования слова в определенном значении:

ВЕТХИЙ... *Подвергшийся разрушению или порче от времени...* — *О постройках.* И тѣхъ, государь, церковей паперти обвалились, и церкви гораздо ветхи. *Пск. писц. кн., II, 80, 1636 г. ... — Об одежде.* Стихарь ... подложен полотном ветхъ. *Кн. переп. пск. Печ. м., 155, 1652 г.*

ГЛАС, *м. Книж.-церк. 1. Звуки речи, голос. ... — О звуках, издаваемых животными и птицами.* Егда какова зверя восхоцет [лев], тем гласом и зовет к себе, яко органом възбръцающе. *Авв. Письма, 268, 1679 г.*

Употребления такого рода могут сопровождаться лексикализацией определенной грамматической формы слова:

АТЛАС... *Плотная шелковая ткань с гладкой блестящей лицевой стороной...* — *В им. пад. как обозначение материала, из которого что-л. изготовлено, сшито.* Да третьему человеку держать свечю въ кошелкѣ, кошелекѣ отласъ или бархатъ золотной. *Дм., 73, XVI в.*

Во-вторых, употребления выделяются по функционально-стилистическому признаку. В СОРЯ отмечается употребление слова в исходном значении в индикаторном контексте, если переносное значение не формируется (помета — *обратно*), употребление слова в исходном значении в сравнении (помета — *в сравн.*, — *в составе сравн.*), предопределяющее специфику семантики лексемы употребление слова в памятниках и контекстах определенного типа: в текстах определенного жанра (пометы — *в сатире*, — *в молитве* и т. д.; в частях текста (документа) (пометы — *в обращении*, — *в зачине письма*, — *в титуле* и т. д.) в определенных (чаще деловых) формулах, характерных для языка этого периода

(дается указание на жанр документа, тип формулы и семантику формулы). См., напр.:

ГНЕЗДО... 1. *Место, устраиваемое или приспособляемое птицами для кладки яиц и высиживания птенцов...* — образно. Разорили мы [защитники Азова] гнездо змиево... побили в нем всех христианских мучителей и идолослужителей. *Пов. аз. ратн. сид., 76, 1642 г. ...*

ВЫСОКОМОЖНЫЙ... *Могущественный...* — в титуле *Нидерландских генеральных штатов*: Высокоможные Гсда Статы корован свои карабелной что нне под городомъ Дюнкерком стоит перепустили французскому королю. *В-К 1, 1638 г. ...*

ВИНОВАТЫЙ... *Совершивший что-л. предосудительное; провинившийся...* — в этикетной формуле самоуничтожения. Милосердый г., пожалуй меня, х. с., виноватаго, вели, г. мнѣ, х. с., виноватому свой г. указъ учинить. *Сид, 248, 1650 г. ...*

Наконец, в-третьих, знак употребления используется для показа особенностей синтаксической сочетаемости слова:

ВЫДЕЛАТЬ... *что.* 1. *Изготовить, получить путем переработки чего-л. ... — из чего.* Указъ дѣлати мука крупчатая. 10 четвертеи возметъ пшеницы выдѣлають из 10 четвертей муки крупчатой, поль 3 четверти, да 3 четверти муки бѣлые. *Дм., 67, XVI в.*

БОЧКА... — *с кем.* Куда ты бочку с железной проволокой привез? *Разг. Хеймера, 7 об., к. XVII в.*

БРАНЬ... — *с кем.* А ныня бран востала з шведам. *ИНРЯ, 145, XVII — н. XVIII в. ... — меж кем.* Покамест мятеж и междоособная брань меж людьми утолитця. *РД II-2, 72, 1670 г.*

Таким образом, знак употребления оказывается очень нагруженным, представляя лингвистически разнотипные явления. Возможно, их следовало бы развести именно с помощью метаязыка словаря.

Говоря о способах образования новых значений в истории языка, способах переноса наименования и структурных моделях в рамках этих способов в истории языка, следует подчеркнуть, что в семантической системе обиходного русского языка XVI–XVII вв. известны и метонимические переносы наименования, которые преобладают, и в меньшей степени метафорические переносы наименования.

Преобладание метонимических переносов в семантической системе обиходного русского языка XVI–XVII вв. во многом связано с близостью этого типа языка разговорной речи. Большой продуктивностью в обиходном языке XVI–XVII вв. характеризуются модели «содержащее — содержимое» (по такой модели

пространственной метонимии чаще всего развивают значения обозначения различных емкостей *бадейка, бочечка, братина, лукошко* и др.) и — как следующая ступень — «емкость — мера объема» (*бочка, бочонок, ведро*). См., напр.:

БОЧКА, ж. 1. *Большой деревянный продолговатый сосуд с выпуклыми боками и двумя днищами. Гвоздь у бочки деревяной. Речь тонкосл., 53, XV в. А платье всякое и товаръ которое в полатахъ, и в клетѣхъ, и в онбарехъ, и в лавкахъ, и в сундукѣхъ, и в бочкахъ, и в коробьяхъ... в лѣте пересматривати, и перетрясывати. Дм., 63, XVI в. ...*

2. *чего. Мера жидких, сыпучих и твердыхъ веществ. Съ Савкины деревни мнѣ шло оброка двѣ бочки рыбы. АСЭИ I, 325, 1478 г. Дал вкладу Иван Алексеев сын Щокин... образ Пречистые Богородицы... бочку слив да бочку морсу вишневого. Вкл. кн. ТСМ, 87, 1544 г.*

Причинно-следственная метонимия представлена в обиходном русском языке XVI–XVII вв. не столь многими моделями, как в современном языке, но по количеству языкового материала является едва ли не ведущей, причем большинство переносов осуществляется по модели «материал — изделие» с различными вариациями, напр., «растение — пищевой продукт из него» (*брусница* ‘ягодный кустарник’ и ‘брусничный напиток’). Продуктивна модель «материал, ткань — отрезок, кусок этой ткани». Интересны модели «предмет — его изображение» и «объект — предмет, названный в честь него», специфика которых в обиходном языке XVI–XVII вв. в том, что они представлены почти исключительно существительными, обозначающими различные объекты поклонения в христианской религии, религиозные события. Напр.:

АНГЕЛ... 1. *В христианской религии: духовное бесплотное существо, вестник воли Бога. ... || Изображение ангела. Боярин князь Иван Борисович Репнин дал вкладом в дом живоначальных Троицы крест благословящей... поверх Распятия образ господа Саваофа да 2 аггела. Вкл. кн. ТСМ, 278, 1678 г. Июля в 23 день князь Петра Емурзича Черкаскова жена ево Анна Васильевна дала в дом живоначальные Троицы вкладом по сестре своей... воздух... по углам вышиты 4 ангела золотом и серебром. Там же, 281, 1674 г. ...*

ВЕЛИКОМУЧЕНИК... *Последователь христианского учения, претерпевший, по преданию, самые тяжкие мучения за веру... — в названии церкви. К сему торговому уставу церкви великамученика Христова Георгия... поп Афанасей Никифоров... руку приложил. Новоторг. устав, 325, 1667 г.*

Из тематических групп метонимические переносы наиболее часты в сфере обозначений тканей, емкостей, животных, из абстрактных — обозначений мест. См.:

БЕЛКА... 1. *Небольшой пушной зверек. Бѣлки ловить ношки отбить. Сим. Послов., 80, XVII в. ...*

2. *Шкурка, мех белки, обычно мн. Мы ты бѣлки вмѣстѣ купили да их роздѣлим; потому в двѣ кучи их клади. Разг. Фенне, 463, 1607 г. А товару, государь, со мною... 50 000 и 680 белки, 10 рысей. РБС, 56, 1604 г. ...*

3. *Мех белки как денежная единица. И велел атаман... татарам, шести человеком, по три белки дати. Сказ. пов. об аз. взятии, 88, XVII в. ...*

БОЛОТО... *Низкое топкое место, поросшее осокой, кустарником, мелкими деревьями. ... || метон. Лес, растущий на низком, топком месте. В ночи придет мелникъ Кирила сказал рубет де нѣхто болото и я гсдрь Иван Ивавич (!) взял дѣловых людей с собою пришел в болота онѣ де Денка Авилон с товарыши сечет то болото. ИНРЯ, 22, 1696 г.*

Вопрос лексикографической подачи метонимических переносов практически не решен, в словарях сложились просто определенные традиции в подаче каждого конкретного метонимического переноса, более или менее устойчивые в зависимости от распространенности метонимической модели: метонимические переносы описываются и как отдельные значения, иногда с пометой *метон.* (но которая тоже ставится очень непоследовательно), и как оттенки значения, и как употребления (см. выше случаи непоследовательного лексикографического представления метонимических переносов в первом выпуске СОРЯ).

На мой взгляд, основная масса метонимических переносов должна быть интерпретирована как отдельные значения, и это правомерно с точки зрения общей семасиологии, потому что метонимия — такой же способ образования нового значения, как и метафора (которая практически всегда, кстати, подается отдельным значением). В качестве оттенка возможно представление синекдохи, кроме распространенной модели «животное — мех, шерсть, кожа этого животного», который принято подавать как различные значения, что оправдано и в связи с большим количеством материала. При отдельных значениях помета *метон.* представляется излишней, т. к. метонимия — типичный и наиболее распространенный перенос в обиходном языке XVI–XVII вв. (в этом смысле целесообразнее давать помету при метафорических переносах). подача метонимических переносов как употреблений нежелательна, но помета *метон.* может сопровождать метонимический перенос, оформленный как оттенок, или, по каким-либо соображениям, как употребление, если это единичный, а не регулярный случай.

Такого рода случаи будут возникать, в частности, при представлении так называемой ситуативно обусловленной метонимии (по классификации Н. Д. Арутюновой⁶), которая, как правило, является результатом эллиптического сокращения текста и типична для разговорной речи.

Такие слова с контекстуально широким значением в качестве лексико-семантического явления характерны для обиходного языка этого периода, и проблема их лексикографической интерпретации актуальна. При том, что корректен

именно термин контекстуальности, потому что речь идет о текстах, существующих исключительно в письменной форме, фактически такие значения выступают как ситуативные, характерные для разговорной речи. Например, в контексте: *Въ великую субботу, ходилъ государь въ соборную церковь Успения пречистые Богородицы, къ площади, а стоялъ у столпа... А на первомъ часу, въ паремью и въ апостолъ, стоялъ государь у патриарша мѣста (Выходы ц. в. к., 156, 1647 г.) — апостол* — ситуация: ‘время чтения на протяжении церковной службы богослужебной книги, содержащей послания апостолов и «Деяния святых апостолов»’. Есть даже типичные, закрепляющиеся сочетания. В памятниках обиходного языка распространенное сочетание *для огню* означает ‘чтобы охранять от пожаров, следить, чтобы не разжигали огонь’: *Вельл ты гсдрь мнѣ холопу своему выбрати дву сынов боярских добрых ѡздити по острогу для огню (Пам. ю.-в.-р. нар., 59, 1594 г.)*. Контекстуально широкая семантика вполне возможна и у конкретных существительных, когда обозначение ситуации сводится к компоненту предметного значения: *Трава сказала пьют от зубов (МДБП, 271, 1643 г.)*, *И с тех мест и по ся места тех моих лошадеи не платит (челобитная воронезца Демки Афанасьева сына Невзорова на конского сторожа Якова Павлова сына Бирюка о возмещении за утерю лошадей) (Южн. челоб., 107, 1644 г.)*.

Такие примеры составляют как раз яркую особенность обиходного языка. Показ таких случаев в словаре представляется обязательным. Как подчеркивает Ю. С. Сорокин, такие речевые употребления, конситуативные осмысления демонстрируют сдвиги в семантике слова, являющиеся зародышами новых структур или следами старых⁷. Представляется целесообразным интерпретировать их как употребления, реже — оттенки с описанием соответствующей ситуации (возможно по формуле «О...»), напр.:

Лошадь... 1. Крупное домашнее животное для перевозки людей и грузов, сельскохозяйственных работ и др. ... — О возмещении за утерю таких животных...

Природа такого рода контекстуальной семантики — тот же метонимический перенос значения, столь характерный для обиходного языка (ездить «для огню» — это ездить «для охраны от огня»), но исследователи считают, что такого рода метонимия, основанная на эллипсисе, неполноте, не создает нового, контекстуально независимого значения, т. е. здесь следует говорить именно о конкретном употреблении, применении слова к определенной ситуации.

Метафорические переносы представлены материалом в меньшем количестве, и их лексикографическая подача значительно более унифицирована. Они всегда оформляются в качестве отдельного значения, т. к. отражают существенный семантический сдвиг.

Как показал анализ, основной массив метафорических переносов в обиходном языке — это стертые языковые метафоры (*большой* ‘значительный, выдающийся по размерам, величине’ и ‘главный, основной, обладающий особым значением’, *бок* ‘сторона туловища’ и ‘сторона предмета, в отличие от верха и низа’). Яркие образные контексты, в общем, нетипичны для памятников обиходного языка. Они встречаются в специфических по типу источниках и бывают двоякого рода:

либо это лексика, которая могла бы быть охарактеризована как просторечная, дающая метафорический перенос в живой разговорной речи, как правило, на основе экспрессии, либо, напротив, контексты, содержащие вкрапления книжной лексики. Такое значение, образованное с помощью метафорического переноса и состоящее в отражении живого образа, сопровождается пометой *перен.*, стоящей перед толкованием, и тоже всегда оформляется как отдельное значение:

БОЛЕТЬ... 1. *О человеке. Быть больным, страдать какой-л. болезнью.* А на меня гсдрь гневу своег не положи что к тебѣ гсдрю не писал грѣхъ ради своих болю. *Грамотки, № 257, XVII — н. XVIII в. ...*

3. *перен. Мучиться, страдать.* Радуйся, кабаचे веселый, яко мнози тобою хвалятся и хвастают, по мале же и нищетою болят. *Служба кабаку, 55, XVII в.*

ВЕТРЕННЫЙ... 1. *Прил. → ветер...* И сице теплота вѣтренная прменяется в стужу случающаеся ради причины. *Назиратель, 122, XVI в. ...*

5. *перен. Обманчивый, лживый.* У того человѣка вѣтренной язык: давно он мнѣ посулил товар продать, да нынѣча иному продал. *Разг. Фенне, 359, 1607 г.*

Важным принципом ларинского подхода к описанию семантики слова является внимание к историко-культурному компоненту значения слова, в результате чего по лексическим данным становится возможным восстановление картины мира соответствующей эпохи: реконструкция как внешнего вида и назначения материальных реалий, так и менталитета, типа взгляда на мир. Соответственно при толковании лексики памятников XVI–XVII вв. необходимо описание, по возможности наиболее приближенное к восприятию характеризуемой эпохи. Например, основное значение лексемы *год* не может быть определено посредством современных понятий как «период времени, соответствующий одному обороту Земли вокруг Солнца». Обиходному менталитету Московской Руси XVI–XVII вв. скорее соответствует толкование «отрезок времени, соответствующий циклическому периоду смены сезонов, продолжающийся 365/366 дней или 12 месяцев». Толкования существительных, обозначающих растения и животных, даются с учетом народной номенклатуры и общеупотребительного значения. Поскольку в описываемый период научная ботаническая и зоологическая классификация не сложилась, в СОРЯ не учитывается современное научное разделение на классы, отряды и семейства, а также не приводятся латинские эквиваленты. В толковании обращается внимание на особенности, свойства животного, растения, которые имеют значение в хозяйстве, быту. См., напр.:

ВЫДРА¹... *Хищное животное с ценным мехом, живущее у воды.*

ВИШНЯ... *Плодовое дерево или кустарник с сочными ягодами темно-красного цвета.*

ВЯЗ... *Лиственное дерево с гибкой древесиной, из которой делали полозья, крепления для саней, ободья.*

В некоторых случаях кроме толкования значения авторы СОРЯ предлагают комментарий к значению слова, который носит справочный характер и содержит сведения о функционировании однокоренного слова или основы в диалектах или других языках, сведения исторического характера, этнокультурный комментарий, дополнительную литературу, содержащую указание на семантику описываемого слова и т. д. Такой комментарий помещается в конце словарной статьи, заключается в квадратные скобки и набирается петитом.

ВЫКЛЕСТИ... Ж и в о т ы в ы к л е с т и. *Довести до погибели.* Нас [иконописцев] ругают не хотят у нас оставит ни куренка... а обыной пропаже и говорить нѣчево... а иные говорят береги деи коровы что из сутки в сутки возьмем клок сѣна инъ из насъ и из животинишки нашей хотят живот выклести. *ИНРЯ, 45, XVII — н. XVIII в.*

[*Ср. Клескать. Наносить побои, избивать. Клеск. междом. Нанести удар. Клескаться. Биться, трепыхаться (о рыбе). Пск. обл. сл., вып. 14, с. 193–194.*]

ГОЛУБЕЦ², м. (1) *Конь пепельно-серой масти.* Удастся голубецъ не надобе и дубецъ. *Сим. Послов., 146, XVII в.* [*Ср. Удастся голубецъ, не надобен и дубец. Голубец означает здесь голубого коня, который на редкость удаётся лихим, и тогда не нужно дубца, погонялки. Даль. Т. I, с. 371.*]

ГЛУБНИК, м. (1) *Северо-западный ветер.* Glubnпс — глубник. *Джемс, 66, 1619 г.* [*Ср. Глубник... 1. Северо-западный ветер... 5 ... У моряков — северо-западный румб компаса. СРНГ, вып. VI, с. 206.*]

ВЫШЕ... 2. *На более почетное место.* А которые бояре царю свойственные по царицѣ, и они въ думѣ и у царя за столомъ не бывають, потому что имъ подъ иными боярами сидѣть стыдно, а выше не умѣть, что породю невысоки. *Котошихин, 38, 1667 г.*

[«Бояре сядились по лавкамъ, отъ царя поодаль, бояре подъ боярами, окольнічие подъ окольнічими, думные дворяне также, кто кого породю ниже, а не по службѣ, т. е. не по старшинству пожалования въ чинъ, такъ что иной и сегодня пожалованный, напр., изъ спальниковъ или стольниковъ въ бояре, сядился, по породѣ выше всѣхъ тѣхъ бояръ, которые были ниже его породю, хотя бы и сѣдые старики были». Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Ч. I. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. — М., 2000, С. 387.]

Сведения, содержащиеся в таком комментарии, могут быть очень разного характера, но в данном случае такая подача материала кажется правомерной и обоснованной, и здесь как раз едва ли нужна какая-либо однородность. Следует, напротив, расширять такого рода комментирования — например, полезным было бы указание на справочную этнографическую литературу и другие источники

при описании значения конкретной лексики, которое, как писал Г. В. Судаков, часто берется отнюдь не из иллюстраций⁸.

Таким образом, работа над СОРЯ демонстрирует значимость принципов составления исторических словарей, разработанных Б. А. Лариным. Возникающие лексикографические вопросы и проблемы, решение которых не всегда однозначно, свидетельствуют о жизнениости ларинских идей, потому что процесс постановки таких вопросов убедительно доказывает перспективность заданных исходных положений, а поиск решений таких вопросов стимулирует научную мысль, заставляя лексикографов идти вперед.

Примечания

¹ История русской лексикографии. СПб., 2001. С. 344.

² Ларин Б. А. Значение работ академика Л. В. Щербы в русском языкознании // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 203.

³ Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного русского языка» // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 8.

⁴ Сокращенные обозначения названий памятников используются в соответствии со списком условных сокращений к «Словарю обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.». Вып. 1. СПб., 2004.

⁵ См. подробнее: Генералова Е. В., Щекин А. С. По следам «вора» // Русская историческая лексикология и лексикография. Межвуз. сб. / Под. ред. О. А. Черепановой. СПб., 2008. С. 187–193.

⁶ Арутюнова Н. Д. Метонимия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 300–301.

⁷ Сорокин Ю. С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977. С. 4–27.

⁸ Судаков Г. В. Иллюстрация в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Материалы Всеросс. Акад. школы-семинара. СПб., 2005. С. 129–132

О. В. Васильева

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЕ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ³

Словарь обиходного русского языка Московской Руси реализует идею Б. А. Ларина о словаре русского средневековья. Русский язык XVI–XVII вв. — самого конца донационального периода — привлекал к себе пристальное вни-

³ Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

мание Б. А. Ларина на всем протяжении его научной деятельности. Языковая ситуация Московской Руси этого времени характеризовалась наличием двух типов единого литературно-письменного языка, значительно различавшихся между собою в лексике, грамматике и стилистике: церковно-книжного и народно-литературного. Первый был продолжением старославянского языка — древнего литературного языка славян, языка церковных книг, второй сложился в Киевской Руси на основе восточнославянской устной традиции поэтического творчества, осуществления судопроизводства, торговых сделок, дипломатических отношений. Ларинская концепция Словаря обиходного языка Московской Руси состоит в следующем. Необходимо не только выявить в текстах и подробно описать лексику и фразеологию общерусской разговорной речи, формировавшейся в XVI–XVII вв., но и постоянно учитывать при этом взаимовлияние книжного церковнославянского языка и живой разговорной речи, а также жанровое разнообразие памятников письменности, созданных на народно-разговорной основе.

Еще в Проекте Древнерусского словаря 1936 г. Б. А. Ларин писал: «Только в XVII в. на основе диалектов купечества, посадских людей, мелкого служилого дворянства и крестьянства создаются новые типы литературного языка, новые роды письменности. Обследование и разъяснение лексики именно этого периода даст историческое освещение основному составу словаря современного русского языка»¹. Излагая концепцию ДРС, Б. А. Ларин так формулировал первое, важнейшее отличие задуманного словаря от уже существовавших в то время исторических словарей: «Русский язык XV–XVIII веков не представлял единой системы, одного языка, было несколько типов литературного языка и ряд разговорных диалектов... Главным образом верхушечная, учено-книжная феодальная литература, однородная, бедная по языку, чуждая народным массам, использовалась в исследованиях и в исторических словарях. Первым и важнейшим отличием ДРС и будет расширение этих узких рамок, включение нового рода материалов... Ремесленники, торговцы, низший слой служилых людей — “посадские люди” до XVII в. не имели своей литературы и почти не участвовали в создании памятников письменности. Но в XVII в. они начинают создавать свою письменность и свой тип литературного языка, который очень заметно влияет на старый “высокий” тип»². Б. А. Ларин собирался показать в словаре «лексику делового языка, ярко отразившего все основные социальные диалекты феодальной эпохи..., язык посадских, язык крестьян, язык появляющейся в это время городской бедноты».³ Однако словарь, на подготовку которого было затрачено так много времени и сил, не был создан. Работа над ним была прекращена по распоряжению руководства Института языка и мышления, а авторский коллектив расформирован.

В конце 1950-х гг. Б. А. Ларин возвращается к идее создания словаря Московской Руси. В «Заметках о Словаре обиходного языка Московской Руси» он пишет: «Обиходный язык достаточно четко отличается от церковно-славянского. Это язык устного общения и частных деловых документов».⁴ Несколько десятилетий понадобилось ученикам Б. А. Ларина и ученикам его учеников для того, чтобы воссоздать картотеку словаря и приступить к реализации замысла. В соответствии с ларинской концепцией в задачи Словаря обиходного языка Московской Руси

входит функционально-стилистическое описание слов и выражений, характерных для источников различных жанров.

С того времени, когда Б. А. Ларин начал работу над ДРС, прошло более полувека. За это время появились новые исторические словари, которые описывают в том числе и лексику XVI–XVIII вв. Предваряя рассказ о том, как отражается стилистическая дифференциация лексики в Обиходном словаре, посмотрим, как решается этот вопрос в других исторических словарях.

В Словаре И. И. Срезневского, как известно, пометы отсутствуют вовсе. В Словаре XI–XIV вв. большой список помет, однако из стилистических употребляются только те, которые указывают на экспрессивную окрашенность слова (ласкательное, образное, уменьшительное, уничижительное), собственно стилевые пометы отсутствуют. Нет их и в Словаре XI–XVII вв. Зато они есть в Словаре XVIII в., где лексика описывается со всей возможной полнотой. Тщательность представления материала в этом словаре на уровне стилевых помет проявляется, например, в том, что для маркирования церковнославянской лексики используется не одна, а целых три пометы — *славянское*, *книжно-славянское*, *церковно-славянское*. Точно так же для маркирования народно-разговорной лексики используются три пометы — *простое*, *просторечное*, *простонародное*. Среди жанрово-характеризующих помет, наряду с такими, как *риторическое*, *поэтическое*, *научное* используются и такие, как *канцелярское*, *фольклорное*, *приказное*, *дипломатическое*. То есть и в этом, жанрово-стилевом, аспекте Словарь XVIII в. — достойнейшее произведение лексикографии. Понятно, что стилевых помет нет в словарях одного памятника (Словаре «Слова о полку Игореве» и Словаре «Моления Даниила Заточника»), как и в словарях текстов одной разновидности (Словаре русской *народно-диалектной* речи в Сибири, Словаре воронежских памятников *деловой* письменности, Словаре *промысловой* лексики). Региональные исторические словари, которые описывают лексику памятников *разных* жанров, часто также не используют стилевые пометы (Псковский и Смоленский словари). В предисловии к Томскому словарю читаем: «Стилистические пометы отражают эмоционально-экспрессивную окраску слова, *очень редко* — *сферу употребления (народно-поэтическое)* и *еще реже* — *стилевую принадлежность слова (разговорное)*». ⁵ Зато в Пермском словаре ⁶ маркируется *отнесенность лексики к определенной понятийной сфере*, в этом словаре используются пометы *деловое* и *церковное* наряду с пометами, указывающими на профессиональные слова.

Словарь обиходного русского языка Московской Руси относится к словарям «многоголосным». Источниками Словаря являются: 1) официально-деловые памятники (судебные кодексы, Уложение 1649 г., грамоты-указы, документы делопроизводства, отказные книги, таможенные книги, посольские статейные списки); 2) памятники частно-деловой письменности (духовные, купчие, порядные, кабальные и другие грамоты, челобитные, памятники вотчинно-поместной переписки); 3) семейная и дружеская переписка; 4) памятники, переведенные с европейских языков, в которых обозначились черты публицистического и научного стилей (Вести-Куранты, Назиратель); 5) русские повести XVII вв. (Повесть о Горе-Злочастии, Повесть о Фроле Скобееве, Повесть об азовском осадном сидении и др.); 6) русская демократическая сатира (Служба кабаку, Сказание о попе

Саве, Повесть о Карпе Сутулове и др.); 7) былины и исторические песни в записях и пересказах XVI–XVIII вв.; 8) пословицы XVII в.; 9) записи русской разговорной речи, сделанные иностранцами с помощью русских информантов и представленные в разговорниках и тематических словариках XVI–XVII вв.

Для расширения наблюдений над взаимодействием обиходно-разговорной лексики и лексики церковнославянского языка в круг источников были включены произведения разных жанров, в которых церковнославянская стихия преобладает над народно-разговорной: полемические сочинения Ивана Грозного, историческое повествование о Смуте А. Палицына, религиозно-нравственные наставления, содержащиеся в Домострое, и некоторые другие произведения.

Лексика и фразеология источников характеризуется в Словаре с точки зрения их принадлежности к определенным функционально-стилистическим пластам и в отношении эмоционально-экспрессивных коннотаций. Сосредоточим внимание на функционально-стилистической характеристике материала. Она осуществляется традиционными для лексикографии способами. Основной способ — расстановка функционально-стилистических помет. Вспомогательный — включение в толкования слов и выражений информации о сфере их использования.

В Словаре используются следующие ф у н к ц и о н а л ь н о - с т и л и с т и ч е с к и е пометы: дел. (деловое), книж.-церк. (книжно-церковное), высок.-офиц. (высокоофициальное) и флк. (фольклорное).

Их употребление в первых четырех выпусках Словаря (А–Г) представляет следующую картину. Начнем со статистики. Разумеется, что функционально-маркированная лексика (и фразеология) представлена неодинаково в разных выпусках Словаря. Однако в целом уже можно сделать самые общие наблюдения. На 5230 словарных статей интересующие нас пометы встречаются 1030 раз. И хотя маркируется достаточно часто не все слово целиком, а отдельное значение, или употребление, или фразеологическое сочетание внутри словарной статьи, в любом случае количество маркированных элементов достаточно велико. Это и понятно: все источники Словаря представляют собой жанрово закрепленные разновидности текстов, что неизбежно влечет за собой использование стилистически маркированной лексики. Помета *книж.-церк.* встречается около 600 раз, помета *дел.* 278 раз, помета *флк.* — 95 раз, помета *высок.-офиц.* — 53 раза.

Помета *книжно-церковное* в первых выпусках Словаря встречается чаще других стилистических помет. Это связано с тем, что церковно-книжная лексика занимает очень важное место в словаре русского литературного языка с самого начала его существования. Помета *книжно-церковное* выделяет лексику и фразеологию церковнославянского языка, которая отличается эмоциональной окраской и принадлежностью к письменной форме языка. Тематически эта лексика и фразеология обычно связаны с кругом понятий христианской религии, православия. (Например, встречаются такие библейские выражения, как *агнец божий*, *адамский грех*, *царствие божие*, *всеплодная жертва*.)

По происхождению здесь много греческих лексем (*авва* духовный наставник, *агарене* мусульмане, *аер* небо, *аккос*, *аксапсалом* церковные песнопения, *аллилуйя*, *антипасха*, *антифон*, *архистратиг*); собственно южнославянских слов (*алкать*, *биение*, *благо*, *вещать*, *влачить*, *враг*, *вран*, *врата*, *возгласить*, *восклатать*, *восхищенье*, *голодный*).

Известно, что старославянизмы имеют ряд морфологических особенностей. Так, например, в Словаре нам встретилось более 100 лексем с префиксом *воз-* / *вос-*, маркированных как книжно-церковные (*возвещать, возгласить, возгнущение, воздаяние, воздремать, воззрение, возлюбить, возмездие, вознестись, возопить, воскладать, восписать, воспрять, воссиять, восстенать, вострубить* и др.).

Сложные слова — другая яркая особенность церковно-книжного языка. Так, наряду с именем сущ. *благо* и прилагательным *благой* в Словаре приводится более 50 их производных (*благоверный, благовестник, благовоительство, благодарованный, благоздравие, благонароचितый, благопоспешение, благохитрый, благочинно* и др.);

более 20 производных от слова *бог* (*боголюбец, боголюбивый, богоотступник, богоспасаемый, богохранимый*);

производные от прил. *велий* (то же, что *великий*): *велегласный, велелепый, велемудрый, велеречивый* — всего в гнезде 15 слов;

слов с первым корнем *велик-* / *велич-* в источниках зафиксировано 16 (*великомученик, великомудрый, великоможный, великолюбовный* и т. п.);

слов-композигов с первым компонентом *все-*, по большей части являющихся эпитетами Бога и Богородицы (*всемудрый, всемогущий, всеильный, всенепорочная, всечистая, всецарица*) — около 40.

Что касается распределения данной лексики по жанрам, то она встречается, разумеется, в текстах Ивана Грозного, Авраамия Палицына — авторов, тяготевших к использованию элементов церковнославянского языка, но не только. Слова с пометой *книж.-церк.* активно употребляются и в других, самых разных по жанру текстах:

1) в официально-деловых памятниках (*Южные таможенные книги, Разинские дела, Акты социально-экономической истории Руси, Русско-шведские экономические отношения, Книга переписная Псковского Печерского монастыря, Статейные списки послов, Акты Кунгурские, Акты писцового дела, Дела Тайного приказа* и др.): И чтобы промежу себя и в соседстве жити любовно... и не ябедничали, и на лжи не послушествовали и чюжого не возхищали. *Уложение 1649 г.*;

2) в памятниках частно-деловой письменности (*Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря, Акты хозяйства боярина Морозова* и др.): И над ихъ блгородными чады над гсдремъ црвичем над кнземъ Олексеем Михайловичем и над гсдрнею црвною и великою княжною Ириною Михайловною ... [Авдотья Ярышкина] никакова зла не умышляла и не порчивала и портит никому не вливала. *Московская деловая и бытовая письменность*;

3) в семейной и дружеской переписке (*Грамотки, Источники по истории русского народно-разговорного языка, Памятники русского народно-разговорного языка* и др.): И ты [Т. И. Голицына — В. В. Голицыну] свет мой воздаи ему [Ф. Павлову] честь и подари ево хорошенко. *Московская деловая и бытовая письменность*;

4) в памятниках, переведенных с европейских языков: Наши говорили чтоб коруна шведцкая некоторые места у Варяжского моря нашим поступилися а за то бы иное воздаяние приняли. *Вести-Куранты*;

5) в русских повестях XVII в. (*Сказание о крестьянском сыне, Повесть о Савве Грудцыне* и др.): Вознес его [турецкого султана] сатана гордостью до неба, опустит его за то Бог с высоты в бездну во веки. *Повесть об азовском осадном сидении*;

6) в русской демократической сатире: Величаем ты, кабаке веселый, и чтем собину свою, ты бо лупиши с нас и велиш нам по миру скитаться. *Служба кабаку*;

7) в былинах и исторических песнях: Чуть ли выслушал глаголы сестры дуродныя, и поскорешенько Никита снаряжается. *Исторические песни*;

8) в пословицах XVII в.: Всякое коренье примаи з благодареньемъ. *Симони, Пословицы* и многих других. Таким образом, мы видим, что лексика книжно-церковная употребляется в самых разных текстах, в том числе и в деловых, и в художественных.

Деловые документы представлены в Словаре большой группой памятников. Это сборники актов, судебники, отказные книги, писцовые книги, различные грамоты — по объему более половины всех текстов, послуживших источниками Словаря. Помета *дел.* отмечает слова и выражения, которые относятся к управлению страной и ее хозяйством, представляют собой административно-юридическую терминологию, характеризуют взаимоотношения человека и государства, называют документы, составленные правительственными учреждениями и частными лицами. Этой пометой выделяются также устойчивые словосочетания, образующие формуляр (обязательный набор клишированных выражений, формул) деловых текстов.

Среди деловой лексики много специализированных наречий (*безволожитно, безвыводно, безвыкупно, безвытно, безданно, безденежно, безоброчно, безобходно, безгявочно, бескабально, беспенно, беспереводно, бесповоротно, беспошлинно* и т. д.). Все эти и многие другие наречия однозначны и употребляются исключительно в деловых текстах.

У многозначных имен существительных, прилагательных и глаголов основные значения могут быть стилистически нейтральными, тогда как производные маркируются пометой *деловое*. (Деловыми являются *безделье 5, бесчестье 2, вера 6, взятки 3; бездельный 2–4, ведомый 4–5, верный 3; быть 4, вершить 3–4, взвести 3–4, въезжать 2–3, выимать 4, 7, выписать 2–4*.) Но есть и исключительно «деловые» сущ. (*ведом, ведомость* во всех четырех значениях, *вершенье 1–2, вопрос, вспуды, выкуп 1–3, выть 1–4* и др.), прилагательные (*бескабальный, бескрепостной, бестяглый*) и глаголы (*верстать 1–3, верстаться 1–3, вступаться 1–3, выискаться 1–3* и др.). Например, у сущ. *безделье* выявлены значения: 1 — праздность, 2 — пустяки, 3 — вымысел, 4 — что-л. неподобающее; и только 5-е значение — деловое: *незаконные, недозволенные поступки*: И я, иноземець, шлюся на весь Псковъ, что мой малецъ такимъ бездельемъ [лазутчеством] не промышляетъ, а ездитъ для торговли болши 5 летъ. *Псковские писцовые книги II*.

У глагола *говорить* только 11-е значение имеет помету *дел.*, но зато это значение («давать показания в суде») очень частотно в памятниках деловой письменности, как в свободном, так и в связанных употреблениях (*говорить в распросе (на очной ставке, с очей на очи, с пытки), говорить государевым словом, говорить в государевом деле*).

Деловым текстам свойственна формульность. Это явление подробно описано в монографии С. С. Волкова «Стилевые средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных)»⁷ и в монографии Е. И. Зиновьевой «Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков»⁸. В источниках Словаря в большом количестве встречаются формулы разных документов. Так, например, формула зачина грамот (*се аз*); формула челобитных (*бить челом*), зачастую с распространителем (*бить челом и плакаться, бить челом и являть, бить челом и извещать*). Такое же расширение встречаем у делового сочетания *в бою* (*в бою и в бесчестье, в увечье, в грабеже*).

Устойчивые эпитеты — одна из ярких особенностей делового стиля. Как правило, эпитеты относятся к номинациям самих авторов челобитных и носят уничижительную окраску. Типичный эпитет просителя — *бедный*, который часто сочетается с другими (*бедный и беспомощный, бедный и беззаступный, бедный и разоренный*).

Другие устойчивые формулы деловых текстов: *наги и босы, холоп ваш, безоборочно и безданно, бессудная не в бессудную, в воду посадить (сажать, посадить, всадить), в воду бросить (вкинуть, метать (пометать)), скуден, беден и голоден, гол и голоден, голоден и холоден, умереть (помирать) голодной (нужной, студеной) смертью, поморить (переморить, уморить) голодной смертью*.

Некоторые лексемы очень частотны в деловых текстах, как в свободных, так и в связанных значениях. Например, сущ. *ведом* встречается исключительно в деловых памятниках, означает *сведения, известие о чем-л.* и имеет целый ряд устойчивых сочетаний: *подлинный ведом, быть в ведомо, учинить в ведомо, ведомом ведать, для (подлинного) ведома, с ведома, слух и ведом*.

Иногда бывает, что слово, стилистически не маркированное, в устойчивых формулах имеет исключительно деловое употребление. Например, существительное *воровство* «нарушение закона, уголовное преступление» выступает в следующих устойчивых формулах деловых документов: *воровством воровать, никаким (никоторым) воровством не воровать (воровывать, промышлять), никакова воровства не воровать (иметь), ни к какому воровству не приставать*.

Исключительно деловое бытование имеют составные наименования разных документов, например, *выписи* (*выпись дозорная, выпись оброчная, выпись отводная, выпись отдельная, выпись писцовая, выпись поручная, выпись праведная, выпись раздельная, выпись таможенная*) и грамоты (с теми же и с другими определениями).

Таким образом, мы видим, что слова и устойчивые сочетания деловой письменности весьма характерны для источников Словаря. При этом тексты, в которых встречаются упомянутые элементы, могут быть как деловыми, так и относиться к другим жанровым разновидностям древнерусской письменности — к письменности бытовой и даже к художественным текстам (среди которых преобладают памятники русской демократической сатиры). Сборниками исключительно деловых текстов являются: *Акты Соловецкого монастыря, Слово и дело государевы, Разинские дела, Акты исторические, Акты Московского государства, Русско-шведские экономические отношения, Акты Кунгурские, Столбцы печатного приказа, Акты о земских торговых делах, Акты писцового дела, Акты*

о посадских людях, Акты хозяйства боярина Морозова, Акты юридические, Южные челобитные, Судебник, Нижегородские документы, Шумаков, Акты официальные, Акты местного управления, Акты феодального землевладения и хозяйства, Псковские писцовые книги, Уложение 1649 года и многие другие; тогда как следующие источники, в которых встречается деловая лексика, не относятся исключительно к деловой письменности: *Московская письменность*, *Источники по истории русского народно-разговорного языка*, *Грамотки*, *Московская деловая и бытовая письменность*, *Памятники русского народно-разговорного языка* (это сборники бытовой письменности), либо и вовсе тексты художественные, среди которых преобладают памятники русской демократической сатиры (*Азбука о голом и небогатом*, *Повесть о Ерше Ершовиче*, *Повесть о куре и лисице*, *Повесть о Горе-Злочастии*), но есть и несатирические произведения (*Повесть об азовском осажденном сидении*). Использование деловой лексики и фразеологии в сатирических текстах объясняется тем, что данные тексты носят пародийный характер и активно употребляют элементы тех жанров, которые пародируются. Что касается включения деловых лексем в художественные тексты, то таких совсем немного, и они объясняются широким распространением «деловых» значений употребляемых единиц в языке того времени (так, в Повести об азовском ратном сидении используются такие закрепленные за деловыми текстами лексемы, как *выкуп*, *голова* в значении «военачальник»).

Специально-фольклорной лексики и фразеологии в Словаре не очень много вследствие того, что фольклорные тексты составляют незначительную часть источников (былины, исторические песни, заговоры) — всего 5 сборников из 300. Помета *флк.* не ставится при многочисленных пословицах (сборник Симони и нек. др.).

Помета *флк.* сопровождает отдельные имена существительные, прилагательные и глаголы (реже наречия), а также устойчивые сочетания, традиционно употреблявшиеся в произведениях устного народного творчества (*богатырь*, *бравый*, *браный*, *богатырский*, *вальящетый*, *вполъяна*, *вполсыта*, *вымолвить*, *брат* в значении «жениться»). При этом имена существительные, как правило, содержат уменьшительно-ласкательный суффикс (*бережок*, *брателко*, *бываньице*, *всточка*, *ветерочек*, *водушка*, *возморьеце*, *воскресеньице*, *головишка*, *гусюшки*); в зависимости от семантики слова подобные суффиксы могут придавать лексеме и другую окраску, например уничижительную (*грешничек*). Из фольклорно-маркированных прилагательных многие являются составными (*белобрадный*, *белодубовый*, *белокаменный*, *белохрущатый*, *воскояровый*), другие содержат, как и существительные, уменьшительно-ласкательные суффиксы (*вязовенький*). Для глаголов характерно употребление двупривставочных (*взасиять*, *воспроговорить*), с префиксом *вос-* / *вс-* (*вскликать*, *вскликнуть*, *восплакать*, *воспокаяться*, *воспокоиться*, *воссиять*, *вострубить*), с суффиксом *-ыва* / *-ива-* (*вылетывать*, *выпархивать*). Ну и, конечно, традиционно фольклорными являются устойчивые сочетания (*лебедь белая*, *братец родимый*, *буйная головушка*, *зелено вино*, *черный ворон*, *горючие слезы*, *славный град*, *гробовая доска*, *гой еси*, глагольные *слово выговорить*, *слово вымолвить*, *думушку гадать*, *говорит таково слово*, *вскричать громким голосом*), употребление традиционных эпитетов (*беда неминучая*, *руки белые*, *лицо белое*, *быстрая река*, *вода мертвая*

и живая, вольный свет, сабля вострая, высота поднебесная, горюч камень), сочетания слов с близким значением (*дани-выходы, глядючись-смотримись, выходит-выступает*). Абсолютное большинство слов и сочетаний, маркированных пометой *флк.*, не употребляется в текстах других жанров.

Наконец, помета *высок.-офиц.* выделяет лексику преимущественно книжного употребления, по структуре часто принадлежащую к категории сложных слов. Но в отличие от книжно-церковной лексики эти слова применяются для возвеличивания светских лиц (царя, монархов других стран), центральных государственных учреждений и почтительного именованя их в официальных посланиях, договорах и других документах. Помета введена в оборот составителями Словаря Московской Руси для разграничения книжно-церковного и официального пластов лексики. Этой пометой сопровождаются такие лексемы, как:

ВЫСОКИЙ 5. *Превосходящий других по своему положению в обществе или происхождению; обладающий значительной властью.* > (Государская) высокая рука (десница). *Могущественная сила, сильная верховная власть.* Ево [русского царя] государьскою высокою рукою оборонью оборонил нас [казаков] Бог от таких великих турецких сил. *Повесть об азовском осадном сидении.*

ВЫСОКОДЕРЖАВНЫЙ. *Относящийся к могущественному, обладающему большой властью лицу.* Явите, государи, къ намъ свое высокодержавное милосердие. *Дополнения к Актам историческим.*

А также:

ВЫСОКОДОБРОРОДНЫЙ. *Имеющий знатное происхождение.*
ВЫСОКОДОСТОЙНЕЙШИЙ. *В высшей степени уважаемый, почтенный.* – В титуле.
ВЫСОКОКНЯЖЕСТВЕННЫЙ. *Принадлежащий к знатному роду, имеющий один из высших дворянских титулов.* – В титуле.
ВЫСОКОЛЮБИТЕЛЬНЫЙ. *Расположенный в чью-л. пользу, милостивый к кому-л.*
ВЫСОКОМЕСТНЫЙ. *Обладающий царским престолом.*
ВЫСОКОМОЖНЫЙ. *Могущественный, облеченный значительными полномочиями.*
ВЫСОКОПОЧТЕННЫЙ. *Пользующийся особым уважением.* – В титуле.
ВЫСОКОРОЖДЕННЫЙ. *Имеющий высокое происхождение, происходящий из знатного рода.* – Эпитет монарха.

Помета *высок.* и первый корень приведенных сложных слов, отмеченных ей (11), — один и тот же. Это только часть лексики с данной пометой, но очень показательная. В основном приведены эпитеты царей и европейских правителей. Композитам с элементами *больше-, велико-, высоко-* в обиходном русском языке XVI–XVII вв. было посвящено исследование Е. В. Генераловой⁹.

Чаще всего пометой *высок.-офиц.* сопровождаются, как это видно из приведенных примеров, имена прилагательные — характеризующая лексика. Есть также наречия (*всечасно*) и имена сущ. (*град, государь, государство* «царствование, правление», *голова, высочество, високоумство* «мудрость, ум», *высокость* «то же, что высочество 2», *высокоможство* «могущество»), отдельные глаголы (*государствовать* «царствовать, управлять страной, государством», *вручить* 3. «вверяясь, отдать себя в чью-л. власть») и даже местоимения (*вы* — в значении личного местоимения 2 л. ед. ч. *Вашего* царского величества подданного меретинского Арчила царя присланной архимандрит Макарий да дьякон Никон и дворяне вам, великому государю [Федору Алексеевичу], челом ударили. *Русско-грузинские отношения*).

Как уже было сказано, сложных слов с первым корнем *все-* в материалах Словаря довольно много, и около 40 из них сопровождаются в тексте Словаря пометой *книжно-церковное*. В то же время еще около 10 лексем такой же структуры отмечены как *высоко-официальные*. Несомненно, что композиты — принадлежность церковнославянского языка, и слова *высоко-официальные* также являются книжными словами. Следовательно, помета *высоко-официальное* указывает не на происхождение слов, а на их функционирование в текстах.

При этом некоторые слова совмещают при разных значениях обе пометы:

ВСЕМИЛОСТИВЫЙ, *прил. книж.-церк. и высок.-офиц. Щедро оказывающий милости. — Эпитет Бога, Богородицы. ... — Эпитет монархов.*

Возможно совмещение между собой и других помет, также вызванное соприкосновением сфер бытования лексики:

ГОСУДАРЬ — *дел. и высок.-офиц. Титул или в составе титула как обязательное этикетное именование монарха.*

С то л ь н ы й г р а д. *То же, что царствующий и град. высок.-офиц. и флк.*

ВОССИЯТЬ, *сов. (9) книж.-церк. и флк. 1. О солнце. Начать сверкать, засиять.*

ВОСТРУБИТЬ, *сов. (7) книж.-церк. и флк. Издать звук, затрубить, сообщая о чем-л.*

Таким образом, мы видим, что стилистически маркированная лексика отчасти может быть довольно жестко закреплена за определенной жанровой разновидностью текстов (как лексика фольклорная и высоко-официальная), а отчасти может довольно свободно встречаться и в других текстах (что относится к лексике деловой и церковно-книжной). Так, церковно-книжная лексика очень активно осваивается деловыми текстами и текстами демократической литературы, что вызывает ее нейтрализацию, своего рода обмирщение, обусловленные органическим включением в обиходно-бытовой язык. Именно такие стилевые переходы Б. А. Ларин отмечал как новые для языка XVII в.

Функционально-стилистические пометы в Словаре обиходного языка показывают внимательному читателю, с одной стороны, как закреплена та или иная лексика за теми или иными жанровыми разновидностями текстов, а с другой стороны, как происходит взаимовлияние (и взаимообогащение) на лексическом уровне между разными стилями.

Думается, что это взаимовлияние, стилистическое взаимопроникновение, было совершенно очевидно для носителей языка, живших в XVI–XVII вв., которые понимали изначальную стилевую принадлежность и деловой, и церковно-книжной лексики. Современному читателю проследить эту стилевую динамику речи помогает использование помет в Словаре.

Примечания

¹ Ларин Б. А. Проект Древнерусского словаря (Вводная заметка) // Б. А. Ларин. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 595.

² Там же. С. 598.

³ Там же. С. 599.

⁴ Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Б. А. Ларин. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 656.

⁵ Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в. / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002. С. 8.

⁶ Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в. / Сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.

⁷ Волков С. С. Стилиевые средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных). СПб., 2006.

⁸ Зиновьева Е. И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков. СПб., 2000.

⁹ Генералова Е. В. Композиты с элементами *больше-, велико-, высоко-* в обиходном русском языке XVI–XVII вв. // Русское слово в историческом развитии. Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVI Международной филологической конференции. СПб., 2007. С. 23–31.

Е. В. Сенько

СМЕНА ПАРАДИГМ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

«Если говорить об обогащении словарного состава, — писал Б. А. Ларин, — то на первом плане всегда были также внеязыковые факторы — появление новых идей, вещей и т. д.; язык не есть мертвая система, а напротив, одно из явлений многообразной жизни»¹. Система взглядов Б. А. Ларина способствовала будущему

му решению многих проблем языкознания, в том числе осмыслению функционирования языковых единиц на широком фоне, включающем в себя и внеязыковую действительность. Именно поэтому лингвистические закономерности сейчас все чаще проверяются иными, например когнитивными. Возможно, что в связи с этим аксиосфера становится объектом внимания языкознания, а понятие ценности оказывается соотношенным с традиционно лингвистическими категориями.

Ценности, как известно, носят исторический характер и поэтому не могут существовать вне эволюции общества. Яркий пример этого — лексические инновации нашего времени — периода интенсивных изменений в системе русского языка. Об этом свидетельствует, в частности, характер современной лексической стабильности, уровень которой представляется довольно низким².

Соответственно наблюдаются существенные изменения и в современном речевом поведении. Многие исследователи связывают происходящее с «порчей» русского языка, что, впрочем, не совсем беспочвенно. Дело в том, что язык отражает определенный способ устройства и восприятия мира. Совокупность представлений о действительности, заключенных в значении разных слов и выражений, складывается в некую систему взглядов, которая навязывается всем носителям языка. Представления, формирующие картину мира, входят в значение слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь³, а тем самым принимает, сам того не замечая, и заключенный в них взгляд на мир, т. е. ту или иную концептуализацию действительности.

Существуют концепты, обнаруживающие стабильность своего содержания, и концепты, составляющие которых различны в языковом сознании как индивидуумов, так и социальных групп и этносов. Концепты второго типа могут вступать в конфликт с чуждыми для них концептосферами. Прежде всего это касается несовпадения ценностных компонентов соответствующих концептов. Именно в таком плане обратим внимание на лексические инновации современного русского языка.

Нетрудно заметить, что целый ряд новых слов связан с распространением в российском обществе идеологии успеха, потребления и наслаждения. Между тем традиционно в русской культуре *успех* и *удовольствие* не рассматривались как основополагающие жизненные ценности. Тем не менее прилагательное *успешный* — сейчас одно из самых популярных. Еще совсем недавно *успешный* означало «сопровождающийся успехом, удачный». *Успешным* можно было назвать какое-либо дело, мероприятие, но не человека. Для характеристики же личности использовалось прилагательное *преуспевающий*, имеющее легкий оттенок неодобрительности. Не случайно в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова в качестве примера его употребления приведено словосочетание *преуспевающий делец*.

Но вот слово *успешный* «встретилось» за рубежом со своим английским «коллегой» по имени *successful*, которое свободно сочетается и с названиями дел, и с наименованиями людей. В англо-русских словарях значения этого слова даются под разными цифрами: 1) успешный, удачный; 2) преуспевающий, удачливый. Русский же язык в отличие от английского долгое время упорно отделял труд от труженика.

Переняв «западный опыт», исконное прилагательное *успешный* увеличило объем своего содержания, заимствовав новое значение. И вот уже не только *успешный проект*, но и *успешный бизнесмен*, *успешный артист*, *успешный молодой человек* звучат теперь повсюду. Даже в названиях книг можно увидеть сосуществование двух значений — старого и нового: «*Краткий курс успешного похудения*», «*Суперстратегия успешного продавца*».

Изменение значения слова произошло в результате семантического калькирования. Кстати, в стихах одного русского поэта, написанных вскоре после его эмиграции, встречается транслитерация соответствующего английского слова, т. к. в то время казалось невозможным сочетание *успешный человек*, что свидетельствует еще и о том, что поэт не мог принять этих ценностей американской культуры.

Целый ряд слов в современном русском языке утратил сему отрицательной оценки: бизнес, карьера и др. В этом ряду и прилагательное *амбициозный*.

Латинское *ambitio* — тщеславие, честолюбие, а также хождение вокруг, обхаживание. В этих значениях слово было заимствовано русским языком из французского и первоначально имело ярко выраженную отрицательную окраску. Его синонимы — чванство, спесивость, властолюбие, гонор, апломб, зазнайство. Данный букет негативных оценок отражен в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, где *амбициозный* — это себялюбивый, тщеславный, жадный до почестей. Отрицательная характеристика прилагательного сохранялась очень долго. Даже в последних изданиях Словаря С. И. Ожегова положительных оттенков в значении этого слова нет.

В современном русском языке прилагательное *амбициозный* имеет новое значение — «масштабный, направленный на достижение больших целей». Ясно, что негативная оценка в значении слова отсутствует: *Первый канал представляет самый амбициозный проект в истории документалистики — фильм «Планета Земля»*. Ср.: *Президент России признал, что никаких геополитических амбиций у России больше нет*.

В западноевропейских языках слово *амбиция* уже давно приобрело нейтральное значение — стремление, цель, предмет желания. Именно в таком значении данное существительное употребляется и в русском языке. Не без влияния английского эквивалента *ambition* изменилось и значение соответствующего русского прилагательного *амбициозный*. Произошло заимствование не экспонента, а самого понятия, которое не совсем типично для русских национальных традиций. Это связано с изменением общественного сознания многих людей, для которых желание во что бы то ни стало добиться чего-либо в разных сферах деятельности представляется вполне естественным, никак не связанным с моральной оценкой. Вот поэтому высокие «устремления» нередко вытесняются амбициями.

В противоположном направлении изменилась оценочность слова *авторитет*. *Авторитет* — это общепризнанное значение, влияние. Однако основное значение этого слова мы как-то невзначай потеряли. «Авторитетом» (обычно в кавычках) называют главаря преступной группировки. Он наиболее влиятелен среди всех остальных членов группы. Но почему же мы в своей речи принимаем во внимание уродливые, искаженные понятия блатного мира? Невольно начинаешь задумываться: кто же теперь для нас является *авторитетом*, причем не в узко-

профессиональном, а в широком духовном плане? Подлинные *авторитеты*, конечно, у нас есть, но их не так уж много. В 1989 г. ушел из жизни академик Сахаров, десятью годами позже — академик Лихачёв. Сахаров был либералом, Лихачёв — государственнымником, но оба остались в памяти как истинные *авторитеты*. А теперь *авторитетами* мы называем главных лиц преступных группировок. Грустно! Не правда ли? Наверное, мы забыли, что русский язык — правдивый и свободный. Разве может язык, вобравший в себя столь низкие понятия, быть именно таким?

«Нравственную редукцию» претерпела и семантика прилагательного *деликатный*. С некоторым временным разрывом это слово испытало два противоположных семантических сдвига.

Сначала оно подстроилось под концептуализацию мира, характерную для русского языка. Французское *delicat* («нежный, тонкий; вкусный; хрупкий; щекотливый; впечатлительный; тактичный; прихотливый») в русском языке значительно сузило значение и употребляется только для оценки тактичного поведения в сфере человеческих отношений. Это соответствует вниманию к отношениям между людьми, характерному для русской языковой картины мира.

Займствование оправдано, т. к. слово *деликатный* не полностью синонимично прилагательным *чуткий, тактичный*. Однако в последнее время слово *деликатный* заново было заимствовано, при этом, скорее всего, из английского языка и употребляется в таких сочетаниях, как *деликатная стирка, деликатная ткань*. Такое вторичное заимствование расшатывает сложившийся фрагмент русской концептосферы, в которой понятие деликатности занимает весьма важное место и как бы сводит на нет долгую работу языка по «оттачиванию» значения этого слова.

Ценность всегда выступает как оценка — как определение полезности, целесообразности, удачности чего-либо, т. е. явление или факт проецируются на шкалу «хорошо — плохо». Для изучения лингвистического аспекта ценности важными являются оценки в словесной форме. Примером этого и служат указанные новые значения слов. В их ряду и такие прилагательные, как *ангажированный, гламурный, креативный, харизматичный* и др.

Ценность связана с выбором путей, способов и средств деятельности и, по видимому, неотделима от такого выбора. Человек стремится к чему-либо, избегает чего-либо, оценивает окружающих людей, жизненные обстоятельства, собственное поведение и действует на основе этой оценки. Такого рода оценочность заключена, например, в слове *брутальный*. Так и веет от него этакой жесткостью, крутизной. Наверное, именно поэтому оно пришлось многим по вкусу и заняло в нашей жизни в общем-то заметное место. Сегодня можно говорить о *брутальном подходе, брутальном руководстве, высказывании* и т. п. Брутальность стала основой определенного стиля общения. Французское *brutal* — грубый, жесткий, прямолинейный — от *brut* «необработанный, неочищенный; черновой, неразвитый». Что же означает это слово в русском языке? *Брутальный* — упрощенно, грубо прямолинейный. Детализация в значении указанных слов и обеспечивает право на существование прилагательному *брутальный*.

Как известно, ценности определенным образом организованы; «ценностный фрагмент картины мира, отраженный в индивидуальном сознании, включает

разные виды иерархически связанных ценностных представлений и не тождественен ни аналогичному аспекту картины мира других носителей языка, ни прототипическому ценностному фрагменту данной языковой общности»⁴. В этой иерархии возможен конфликт между индивидуальными и общественными ценностями. Эти конфликты имеют место в повседневной жизни, отражены в художественной литературе; они могут быть отражены и в отдельном слове. Таковым является, например, слово *самодостаточный* (*самодостаточные люди*). Между тем этот эпитет всегда применялся только по отношению к отвлеченным понятиям. Так, в России всегда велся спор о том, самодостаточно ли искусство как таковое или оно должно служить каким-то нравственным и политическим целям. Как же назвать тогда людей с волей, характером и умом? Самостоятельными! Метафора логична и понятна: человек сам по себе уверенно стоит на ногах, не нуждается в поддержке.

А что значит суждение: «*Я человек самодостаточный*»? Может, говорящему достаточно самого себя, никто другой ему не нужен? Но такого не бывает. Есть, конечно, профессии, ситуации, требующие длительного уединения. Например, профессия писателя. Но ни один писатель не самодостаточен: ему нужен читатель. Так что данное расширение значения слова нельзя признать удачным: оно нелогично.

Как свидетельствуют примеры, ценности носят исторический характер. Еще свежи в памяти события, имевшие место в Советском Союзе конца 1980-х гг. прошлого века, которые проявились в кризисе системы ценностей предшествующих поколений, и последовавшие «разброд и шатание» в обществе. Только формирование, осознание и принятие новой системы ценностей позволит окончательно преодолеть кризисные явления в обществе. Понятно, что новые ценностные установки отличаются от предыдущих, но в главном они должны все-таки соответствовать традиционным российским ценностям, однако на сегодняшний день этого констатировать нельзя. Изучение представлений о действительности, зафиксированных в современном русском языке, позволяет косвенно судить о том, что «русская языковая картина мира испытывает идеологическое и культурологическое давление»⁵, что и явилось причиной смены парадигм ценностей российского общества.

Таким образом, лексические изменения последних десятилетий свидетельствуют о реальной эволюции коммуникативного сознания и параллельном изменении концептуализации объективной реальности.

Примечания

¹ Ларин Б. А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 15.

² Скляревская Г. Н. Введение // Толковый словарь русского языка конца XX века. М., 2001.

³ Шмелев А. Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи // Русская словесность в контексте мировой культуры. Н. Новгород, 2007.

⁴ Чернявская Е. А. Отражение ценностных ориентаций человека в языке // Русское слово вчера и сегодня. Архангельск, 2005.

⁵ Шестак Л. А. Русский язык: состояние и перспективы // Динамика и функционирование русского языка. Волгоград, 2007.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТИПЕ «ПСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ»⁴

В 1945 г. в Ленинградском университете начинается работа над сбором диалектного материала для Диалектологического атласа русского языка. Местом сбора материала определяется в т. ч. Псковская область. Начинаются ежегодные экспедиции. Они еще очень немногочисленны, в основном ездят студенты-энтузиасты под руководством преподавателей кафедры русского языка. Идет накопление диалектного материала.

В 1956 г. Борис Александрович Ларин, будучи заведующим кафедрой русского языка филологического факультета Ленинградского университета, предлагает расширить профиль экспедиций, начать сбор материала на территории Псковской области для областного словаря, и уже с июля 1956 г. экспедиции носят исключительно словарный характер. В конце марта 1960 г. Борис Александрович на совещании в Псковском педагогическом институте, посвященном областным словарям, излагает принципы составления Псковского областного словаря в своем докладе «О принципах инструкции псковского словаря».

В Псковском педагогическом институте работает ученица Б. А. Ларина Софья Менделевна Глускина, с которой он начинает обсуждать возможность совместной с коллективом кафедры русского языка, возглавляемой Иваном Терентьевичем Гомоновым, работы над составлением Словаря. В апреле 1961 г. в письме С. М. Глускиной Б. А. Ларин пишет: «Свершилось наконец и для ПОС свое долгожданное... вроде полета в космос — обсуждение готовой инструкции. Это случилось 10 апреля»¹. В Ленинграде уже есть кадры, имеющие опыт работы над Горьковским словарем, а в Пскове только начинается подобная работа. Как пишет Ларин: «согласование принципов и техники работы достигнуто только за последний год (1959–1960), да и то требуется дальнейшая работа по инструктированию сравнительно недавно примкнувших к нам псковичей»². К тому же картотека в 1960 г. насчитывала 80 000 карточек, что, по мнению Ларина, было еще недостаточно. Но коллектив и в Ленинграде, и в Пскове уже был, к тому же Ларин считал необходимым привлечение к этой работе студентов и аспирантов. И в Ленинграде, и в Пскове их было достаточно.

В первом выпуске «Псковского областного словаря» (ПОС) перечислены фамилии студентов Псковского пединститута, первоначально принимавших участие в составлении Словаря.

⁴ Статья написана при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

Итак, в 1960 г. принципы ПОС изложены, конференцией одобрены. В 1961 г. Б. А. Ларин написал Инструкцию предполагаемого Словаря.

Каким же должен быть Словарь?

Идея Бориса Александровича была оригинальна: он выдвигал новый тип диалектного словаря — полный словарь речевого обихода коренного крестьянского населения Псковской области (в границах XVIII–XIX вв.).

Возможно, что идея подобного словаря в какой-то степени возникла под влиянием идей шахматовской лексикографии, которая заключалась в создании словаря типа *thesaurus* в применении к живому языку, но имела неоднозначную оценку. С одной стороны, расценивалась как утопия, а с другой — шахматовский период русской академической лексикографии признавался ее научной вершиной. Во второй половине XX в. целый ряд ученых признавали большую ценность Словаря под редакцией А. А. Шахматова, содержащего как лексику литературного языка, так и материал живой речи.

Л. С. Ковтун писала³, что известный сербский лексикограф Митар Пешикан на заданный в 1969 г. вопрос о том, удовлетворяет ли его БАС (17-томный словарь русского литературного языка), ответил, что ценность его словаря будет возрастать по мере издания «Словаря русских народных говоров».

Думаю, что Б. А. Ларин, размышляя над типом Псковского областного словаря, хорошо представлял значение шахматовской идеи, тем более что он принимал личное участие в работе над IX т. Словаря шахматовской редакции в 1935 г., и это не могло не оставить заметного следа и не оказать влияния на его теоретические размышления над новым типом диалектного словаря.

Прежде всего словарь языка нации (идея А. А. Шахматова) основой должен иметь живую речь; Ларин выдвигает мысль о создании словаря живой речи — народной речи Псковской области.

Шахматов пишет, что необходимо включить в Словарь весь словарный материал, в том числе литературный язык. Борис Александрович предлагает включать также весь словарный материал, т. е. все слова, услышанные от коренного народа, проживающего на территории Псковской области. Кроме того, он предложил включать письменные материалы, содержащие псковские слова и выражения, — различные фольклорные источники, записи народной речи, сделанные образованными людьми, в частности учителями, проживавшими на Псковщине в XIX–XX вв. и издававшими свои записи, а также словари, содержащие псковские материалы.

Широкая картина значений и оттенков слова, прямых и переносных, широкая картина употребления слов, оборотов, выражений, продуманная система грамматической и стилистической характеристики слова и общие строго научные установки «редакции Шахматова»... — таков уровень анализа слов в шахматовском словаре. Такие задачи ставит и Б. А. Ларин в Инструкции ПОС.

Е. С. Истрина в далекие 1930-е гг., когда работа над шахматовским словарем прекратилась, писала: «Надо думать, что придет время, когда научная мысль снова вернется к „редакции“ Шахматова, когда осуществятся в обновленном виде его широкие замыслы и строгие научные требования»⁴.

Мне представляется, что идея Псковского областного словаря — это и есть обновление широких замыслов А. А. Шахматова.

Б. А. Ларин, огорченный тем, что в 50–60-е гг. XX в. наша страна не имела еще, а она и сейчас еще не имеет, исторического словаря, предлагает включать в ПОС исторический материал. «ПОС будет содержать и с т о р и ч е с к и е д а н н ы е, т. е. будет не строго синхроническим, а сочетающим отражение современного состояния лексической системы с документированными данными о предшествующих этапах ее развития. Очень немногие из наших диалектов имеют исторические материалы, восходящие дальше XVII–XVIII вв. К ним принадлежат **псковские**, отраженные в письменности с XIII–XIV вв. Это и побуждает нас включать в словарь сведения из древних и средневековых памятников письменности»⁵.

Исторический материал помогает установить историческую перспективу развития словарного фонда псковских говоров. И хотя далеко не каждое слово, бытовавшее в псковских говорах в прошлом, попало в памятники, все же историческая часть Словаря представляет интерес как сама по себе, так и в сопоставлении с другими материалами исторических словарей и с современной частью Словаря.

Наиболее уязвимым оказался тезис Бориса Александровича о полноте Псковского словаря. Некоторые рецензенты считали невозможным осуществить полноту словника. Но следует напомнить слова Бориса Александровича: «полнота безусловная достижима только в отношении текста, имеющего начало и конец, установленный объем. О живом языке, о диалекте мы всегда имеем неполное представление, т. к. они непрерывно меняются и не определимы так четко в своих границах».

Полнота областного словаря будет **относительной**, однако понятие «полного словаря» достаточно отчетливо противопоставляется произвольной выборочности, дифференциальности имеющихся словарей.

Б. А. Ларин писал: «Тем, кто пугается массы „общих“ слов, я должен заметить, что границы объема областного словаря определяются не только тем, что мы изучаем лишь традиционные говоры коренного населения, а еще и ограниченностью словарного запаса всякого разговорного языка; сошлюсь на установившееся наблюдение, что обиходный разговорный словарь интеллигенции определяется лишь 4000–5000 слов⁷, он несколько меньше у сельского населения, а полный объем областного словаря — по имеющимся зарубежным опытам — не превышает 7000–8000 слов»⁸. Тогда, в начале 60-х гг. XX в., Ларин определяет объем Псковского областного словаря в 25 000 слов, позже он уже говорит об объеме, равном словарю В. И. Даля. Борис Александрович пишет: «Наш ПОС не будет строго системным словарем: для этого не настало время [1960-е гг. — время, когда лексикология еще только становилась самостоятельной наукой. — *И. Л.*], требуется еще большая теоретическая разработка проблемы системности словаря»⁹. Но в ПОС будут применены различные средства **прояснения** системных связей слов.

Сейчас, в начале XXI в., можно говорить, что объединение в одном корпусе диалектного и литературного, современного и исторического позволяет представить псковские говоры как единую систему в ее развитии, дает бесценный материал для изучения народной разговорной речи и шире — для изучения закономерности разговорной речи вообще.

Именно полнота языкового материала служит основой семантического описания слова, многоаспектной характеристики словоупотребления, выделения устойчивых оборотов и выражений.

Именно богатый иллюстративный речевой материал подтверждает каждый вычленяемый создателями Словаря фрагмент. С помощью разветвленной системы помет отмечаются в Словаре эмоционально-оценочные, образные, функциональные особенности употребления языковых единиц.

Большое значение имеет в Словаре описание этнографических реалий, элементов материальной и духовной культуры. Это — уникальные данные для исследователей, этнографов, историков, которые найдут в Словаре описание обрядов, праздников, в том числе религиозных. И это только благодаря полноте словника. В уточненной (2-й редакции) Инструкции ПОС¹⁰ в разделе «Ономастика» сказано, что в состав словника включаются отдельные антропонимы, в частности «личные имена святых в метонимическом употреблении при обозначении соответствующих календарных церковных праздников...». Например:

ИВА́Н¹, а, м. (ПОС, вып. 13). Слово имеет два значения:

1. *Православный праздник Рождества пророка Иоанна, Предтечи и Крестителя Иисуса Христа, 24 июня (7 июля), соединивший в себе ряд древних обрядов и верований (сбор трав, гадание на цветах, поклонение огню, колдовство, обереги от злых сил).* Да Ива́на усé цветы сабира́лись, валшэбница, закляку́ха варажы́ла: каки́х зберётъ калхучих шалаба́шын — ко́лкие штúки кладётъ скати́не, штоб ыспóртить. *Пуст.* Ива́н был грóзный, сядьмо́ва был, фси пра́зьники гразавы́я, в Ыва́н, гавары́ли, калдуны́ каро́ф заклика́ют. *Беж.* В де́вушках хады́ли калисо́ жечь на Ива́на. *Вл.* <...> Э́та ужэ давнёшны́й абы́чай, в Ыва́н с ывана́фскай траво́й падбóйник па́рят. *Дн.*

2. *Отмечаемый 29 августа (11 сентября) православной церковью День усекновения главы Иоанна Предтечи (Крестителя).* Есть ишшо́ Ива́н, ф канцы́ни а́вгуста, прэ́жы пост был ф той день, но́ньма-то фсе́ яды́. *Сер.*

В словарной статье представлены также устойчивые сочетания для названия этих дней:

К первому значению: > И в а́ н В е с е́ н н и й. Йéта ива́нска трава́, вот где си́ня и жо́лта вме́сти, яё пярід Ыва́нам Вясе́нним в ызбу́ прино́сят и па по́лу разбра́сываю́т и скати́ни то́жа даю́т. *Остр.* > И в а́ н К у п а́ л а. На Ива́на Купа́ла сабира́ли траву́ Ива́н-и-Ма́рья, жо́лтеньким и си́неньким цвятка́м, тако́й абря́т был, нано́сят но́чью траву́ в дом, пады́ко́ну, а пато́м скату́ нясу́т. *Вл.* > И в а́ н Т р а в н о́ й. Сяво́дня Ива́н Травно́й, грех стира́цца, накану́ни траву́ рвут. *Палк.* > И в а́ н Ц в е т н о́ й. Ско́ра пра́зьник бу́дит — Ива́н Цвятно́й, бажа́нки прино́сят, ко́ли ня расцвятёт, памрэ́ш, фта́ркиваю́т бажа́нки

ф слягú, ско́лька чалавёк, сто́лька бажáнак, расцвятё — жыць бúдиш. *Остр.* Цвятно́й Ива́н, цвяты сабира́ют, гада́ют на цвятáх, Ива́н — за пять дней Пятра́. *Бож.* Ива́н Цвятно́й справля́ют, вот у Себе́же, была́ гара́, на йéтай гарé ста́вят большо́й мост, туда калесó, и смало́й йево́, чьё калесó бо́льшэ прагары́т, и пёсни паю́т. *Пуст.*

Ко второму значению: > И в á н Г о л о в о р é з. Ива́н-Галаварéс назывáлся, няльзя́ шшы вары́ть, капúсту рéзать; галавú Ива́ну атрубíли ва вре́мя ба́ла како́ва-та; скот няльзя́ рéзать в éтат день. *Бож.* > И в á н К р е с т и т е л ь. В Ива́н Креститиль хадíли за свитóй вадóй ф цэркафь и крсты́ мéлам или углём ста́вили на фсё, што в до́ми есть. *Локн.* > И в á н П ó с т н ы й. Пóсний Иван, йево́ так пасти́ли, што и хлеп ни рéзали, éта Ива́н Притгéча. *Пуст.*

Имеются у названий и синонимы: Ива́нка, Ива́чина, Ива́нщина, Ива́нов день, Ива́нский день, Ива́нчик.

Кстати, сопоставление словарных отрезков ПОС от *ива* до *иваси* со Словарем современного литературного языка показало, что в Словаре литературного языка — 3 слова, а в ПОС 25 слов.

Создавая словарь, авторский коллектив неукоснительно выполняет завещанные Б. А. Лариным принципы, в отдельных случаях уточняет, меняет в соответствии с потребностью времени и научной продвинутостью той или иной проблемы. И это в основном связано с семантической разработкой слов.

Ларин писал: «Псковский областной словарь не примыкает к традиции, а ставит задачу некоторого обогащения лексикографической теории и практики»¹¹.

Размышляя над типом словаря, выдвинутым Б. А. Лариным, уже сейчас, когда словарь содержит 55 000 слов и 4500 отсылочных строк, правда, еще не окончанный, можно сказать, что идея Б. А. о создании такого словаря была гениальна, а воплощение ее плодотворно.

Правда, мы (петербуржцы) еще составляем букву *О*, а псковичи уже начали составлять *П*, но определенные итоги можно уже подвести.

Словник Словаря содержит и общерусскую лексику (**краси́вый, краси́ный, красова́ться, красота́** и др.), и диалектную (**красиву́ха, красиву́н, красóня, красóха, краси́к** и др.). Лексика записана от крестьянского населения, а также выбрана из источников, содержащих указания на то, что эта лексика псковская: **красну́шка** <... > *Гриб сыроежка с красной шляпкой. Даль II, 188.*

Словник содержит также и клички домашних животных (**Красóтка, Красну́ха** ‘клички коровы’), и прозвища (**Красноба́й**), и микротопонимы (**Красóвщина, Красу́ха** ‘название сенокосного уголья’).

Только благодаря этой полноте можно выстраивать словарные статьи многозначных слов таким образом, чтобы представить семантическую структуру не только единичной вокабулы, но и целого словообразовательного гнезда, а также показывать синонимические отношения не только между словами, но и внутри полисемантического слова. Это еще одно подтверждение системности псковских говоров, представляемой ПОС.

Например, прилагательное **красный** (ПОС, 16 вып.) имеет 11 значений, из которых в литературном языке нет только 4-х значений.

Гнездо содержит 90 слов. Отрезок начинается существительным **красная**, встретившимся в памятниках XVI–XVII вв. в значении ‘все прекрасное на земле; земные блага’, а заканчивается диалектизмом **краснячок**, обозначающим ‘птицу снегирь’, представленным в Словаре со знаком (*), что указывает на характерное для речи смягчение выражения, проявляющееся в использовании суффикса субъективной оценки, в данном случае не лишённое эмоциональной окраски, т. е. имеющее стилистическую окраску.

Основное значение у прилагательного **красный** (ПОС, вып. 16) ‘цвета крови, пламени’. Это значение слова широко представлено и в литературном языке, и в псковских говорах, что подтверждается речевыми данными, записанными на территории Псковской области; исторический материал также фиксирует это значение в памятниках XVII и XVIII вв.

Слово **красный**, так же как и в литературном языке, многозначно, часть производных значений имеет общую сему — цветовую, отдельные значения отмечены только в говоре: напр., ‘медный’: *Самавър был у мянѣ бѣлый и красный, фсѣ згарѣла в вайну. Слан.* или ‘цветной (о фильме)’: *Красный, цветной фильм, фсѣ одно. Пуст.* Другая часть производных значений связана с древним значением прилагательного ‘красивый, прекрасный’, напр.: *Ѣн красвиц такой, красный ѣта, красивай. Палк.*, далее ‘крепкий, здоровый’: *Ѣва какá здороба, красна дѣвка. Ляд.* и наконец, ‘дорогой по качеству, цене’: *У каво анни батиначки с краснава тавара, а у каво с прастова шшыта. Себ.*

Следует отметить, что из 11-ти значений слова, представленных в современной части, 7 значений отмечено в исторических памятниках, хронологически это XVII–XVIII вв.

В семантической структуре прилагательного **красный** выделяется производное значение, которое содержит в себе некий синкретизм (нерасчлененность) — ‘близкий к цвету крови, с коричневатым оттенком’: *Красная вада́ цветѣя, как возьмош, так цветѣт она́. Гд. Зямля красная, агурѣчки зилѣныи. Н-Рж. В гаршóк пастáвши [зерно]... ано́ здѣлаица красная. Н-Рж.*

Авторы ПОС широко пользуются отвесным знаком //, обозначающим оттенок значения.

Оттенок значения — это актуализация одной из сем основного значения, и проявляется он в новых, реализующихся в контексте связях слов. Напр., к основному значению: // В одежде такого (‘цвета крови, пламени’) цвета: *Ѣтъ Машѣ идѣ с краснѣй дѣвчкѣй. Гд.* // Покрытый ягодами такого цвета: *Придѣш, фси вѣтки [малины] нагну́фшы красные. Н-Рж.*

В словарной статье богато представлена фразеология: это и «углы» (>), которые выделяют устойчивые сочетания с семантическим сдвигом в одном из слов: > **К р а с н ы й п б е з д** ‘свадебный поезд’, > **К р а с н ы е д а р ы** ‘подарки невесте во время помолвки и свадьбы’; это и «треугольники» (Δ), которые выделяют мотивированные фразеологизмы, образованные путем метафорического и метонимического переноса: Δ **К р а с н а я к о с о п л ѣ т к а** ‘о молодой женщине, не вышедшей замуж’, Δ **К р а с н ы й г а д** ‘гадюка’.

Словарная статья на прилагательное **красный** содержит и прозвище человека: *Ф Паласáх естѣ Лѣшка Красный, у няво́ лицó краснае. Холм.*, и микропонимание

мику: **Красный** ‘название моста через речку Удоху’: *А, тот-та масток, да явб Красным кличут, а с чаво Красный, ня знаю, ня ведаю. Порх.*

Представлено в статье слово и в составе топонимов: **Красная боровина, Красный луг, Красная Мшара, Красный ручей**: *Красный ручей завут, в нём, вада тока весной идёт, а так нет. Оп.*

Предложенные фрагменты словарной статьи на прилагательное **красный** в «Псковском областном словаре с историческими данными» ярко демонстрируют полноту материала и возможность представить богатство семантической структуры слова.

Примечания

¹ Из письма Б. А. Ларина С. М. Глускиной 15.04.1961 г. (архив Б. А. Ларина в МСК им. проф. Б. А. Ларина филологического факультета СПбГУ).

² *Ларин Б. А.* О работе над новыми словарями. Доклад на пленарном заседании Ученого совета филологического факультета Ленинградского университета // *Филологическое наследие.* СПб., 2003. С. 654.

³ *Ковтун Л. С.* Основная идея шахматовской лексикографии // *Лексикография русского языка. Хрестоматия и учебные задания.* СПб., 2009. С. 93.

⁴ *Ковтун Л. С.* Указ. соч. С. 98.

⁵ *Ларин Б. А.* Указ соч. С. 653.

⁶ Там же.

⁷ *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1958. С. 70.

⁸ *Kisała M.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

⁹ *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря // *Филологическое наследие.* СПб., 2003. С. 660–674.

¹⁰ Инструкция Псковского областного словаря с историческими данными (2-я редакция) // *Псковский областной словарь с историческими данными.* Вып. 15. СПб., 2004. С. 5–51.

¹¹ *Ларин Б. А.* О работе над новыми словарями // *Указ. соч.* С. 654.

И. С. Кукушкина, Е. А. Петрова, М. А. Тарасова

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ В РАБОТЕ НАД «ПСКОВСКИМ ОБЛАСТНЫМ СЛОВАРЕМ»

Создаваемый в Межкафедральном словарном кабинете (далее МСК) имени проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ «Псковский областной словарь с историческими данными» (далее ПОС) — воплощение одной из гениальных идей Учителя о диалектном словаре полного типа на широком историческом фоне. Преодолев активную и не всегда доброжелательную критику идей Б. А. Ларина о преимуществе полноты любого, в том числе и областного, слова-

ря, коллектив ПОС стремится реализовать их во всех лексикографических параметрах.

Ларинский принцип полноты словаря состоит не только в том, что он «включает в свой состав по возможности весь активный словарный запас псковских говоров, все, что прочно вошло в речевой обиход крестьянского населения Псковщины»¹. По глубокому убеждению Бориса Александровича, полнота должна реализовываться и в детальной семантической характеристике слова (развернутые толкования, выделение оттенков значения, особенностей употребления слова), в стилистической характеристике лексико-фразеологического материала, чему служит система стилистических помет, указывающих и на сферу употребления, и на собственно стилистическую окраску, и на эмоционально-экспрессивные качества слова, и на его образную реализацию².

Большое значение придавал Б. А. Ларин отражению в Словаре системных отношений в лексике псковских говоров, в частности — синонимических. В отдаленной перспективе Борис Александрович видел возможность создания идеографического или синонимического словаря псковских говоров. Поэтому при сборе материалов в экспедициях диалектологи должны были обращать внимание на синонимы и фиксировать их на карточках³.

Уже в 1962 г. Б. А. Ларин фактически организовал целенаправленный сбор и анализ материала для изучения особенностей диалектной синонимии, предложив поступившей в аспирантуру М. А. Тарасовой следующую тему диссертации: «Разыскания в области синонимии псковских говоров». Столь «расплывчатая» с современной точки зрения формулировка была отнюдь не случайна. В отечественной лексикографии к тому времени еще не было ни одного полного «академического» словаря синонимов, работа над ним велась в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН) под руководством А. П. Евгеньевой. Проект «Словаря синонимов русского языка» появился лишь в 1964 г., а сам словарь — в 1970 г. Как писала А. П. Евгеньева в 1966 г., «несмотря... на весьма обширную литературу, касающуюся проблемы синонимов, вопрос о том, что следует рассматривать как лексические синонимы и что должно быть предметом описания в Словаре синонимов, сохраняет свою остроту как в теоретическом, так и в практическом плане»⁴. Это свидетельствует о множестве проблем, стоявших перед исследователями синонимии и составителями синонимического словаря даже литературного языка, лексико-семантическая система которого достаточно полно описана в толковых словарях.

Изучение же диалектной синонимии в те годы только начиналось. Не случайно в обширной библиографии по синонимике русского языка, составленной С. Ф. Геккер, из 207 наименований работ по лексической синонимии только 8 посвящены диалектной синонимии, из них 4 — это работы О. М. Соколова о морфологических синонимах в старожильческих говорах Томской области⁵. Исследователь диалектной синонимии встречается с дополнительными проблемами, связанными с особенностями диалектной разновидности национального языка — только устная форма существования, некодифицированность, отсюда — повышенная вариативность, слабая функционально-стилистическая дифференциация, территориальная протяженность, соотношение общерусского и диалектного слова и т. д.

По-видимому, именно преломление в диалектной синонимии этих особенностей интересовало Б. А. Ларина, когда он проектировал Псковский областной словарь и формулировал тему диссертации М. А. Тарасовой. Начиная с первого выпуска ПОС (1967 г.) авторы включают в словарную статью указания на синонимы и синонимические параллели⁶.

Кроме специфической лексики псковских народных говоров ПОС достаточно полно отражает общий лексический фонд русских говоров и тем самым дает материал для изучения особенностей русской разговорной речи, последнее является одной из наиболее актуальных задач современного языкознания.

Материалы для ПОС собираются с 1945 г., т. е. в течение 65 лет. За эти годы Россия пережила сложные социально-экономические процессы, непосредственным образом отразившиеся в языке, в том числе диалектном. Одним из проявлений этих изменений является постепенное устаревание и выход из употребления каких-то слов, актуализация лексики, в течение нескольких десятилетий исключенной из активного употребления, появление новых слов, обозначающих новое понятие или заменяющих устаревшие наименования. Бытование лексики только в устной форме в языковой системе с некодифицированной нормой позволяет говорящим использовать любые возможности языка — семантическую деривацию, словообразование, внутренние и внешние заимствования и т. п. Все это формирует избыточность языковой системы диалекта, одним из ярчайших проявлений которой является синонимия (лексическая и словообразовательная). На каждом временном отрезке и в пределах определенного ареала в диалекте сосуществуют, как правило, несколько лексем, связанных с одним денотатом. При этом проявляются как общезыковые закономерности эволюции, так и влияние социальных, психологических личностных факторов на состав и взаимоотношения этих лексем.

Многоаспектное изучение особенностей диалектной синонимии псковских говоров одной из интереснейших групп русских говоров, представляет несомненный научный интерес. Ограничимся лишь одним примером.

В 2008 г. вышел в свет IV том «Русского семантического словаря»⁷, посвященный глаголам. Мы провели сравнительный анализ разделов данного тома и глагольной лексики, представленной в нашей «синонимической картотеке» (более 5000 словозначений⁸).

Предварительные выводы таковы: в ПОС представлены все разделы и множества указанного словаря, отражающие разные типы глаголов: глаголы-связки, ползузнаменательные, фазовые, модальные, каузативные и др.; бытийные; глаголы со значением собственно активного действия; неактивных процессуальных состояний. При этом в Псковском областном словаре представлено большее количество лексем, чем в Семантическом словаре, отражающем общеупотребительную лексику русского языка. Качественный состав глагольной лексики можно проиллюстрировать следующим примером сравнения нескольких множеств из класса «Труд. Занятия. Спорт. Отдых. Развлечения».

Множества 498, 501, 502, как они представлены в схеме 64 Семантического словаря, даны в левой части, в правой — материалы Псковского областного словаря. Учитывались глаголы на буквы «А — Не», в соответствии с вышедшими выпусками ПОС.

Семантический словарь	Псковский областной словарь
498 Общие обозначения...	
Бездействовать	Глагол отсутствует
Действовать 2	Глагол отсутствует
Заниматься ¹ 3	Заниматься ² 2 'выполнять какую-н. работу'
	Делать 4
	>Дело делать
	Водиться 3
	Вожжаться 3
	Возиться ² 2
	Волочься 4
	Волыниться 3
	Водиться 3
	Командовать 4//
	Копать 11
	Копаться 4
	Копошить 3
	Копошиться 4
	Корпать
	Δ Руки вставлять
	+53 поговорки
501 Интенсивно, напряженно, а также тщательно, умело, старательно, усердно [работать]	
Вкалывать 2 (прост.)	Вкалывать ² <i>экспр.</i>
Ворочать 2 <i>чем</i>	Валандаться
Впрячься 2 <i>перен.</i> (разг.)	Водиться 3//
Высидеть 2 <i>что</i> (разг. ирон.)	Возиться ² 3
Вытянуть 8 <i>кого что</i> (разг.)	Вожжаться
Гнать ¹ 7 <i>что</i> (разг.)	Возякаться
Горбатиться 2 (разг.)	Волочиться 8
Догнать 3 <i>до чего</i> (разг.)	Воротить 12 <i>экспр.</i>
Заворачивать 2 <i>чем</i> (прост.)	Ворочать
Ишачить (прост.)	Ворочаться 4
Колдовать 2 <i>перен. над чем</i> (разг.)	Мудохаться 2 'мучиться, занимаясь чем-н.'

Коптеть 2 <i>над чем</i> (прост., неодобр.)	Мудохаться 1 ‘заниматься каким-н. делом, требующим хлопот, труда’
502 Глаголы со значением ‘работать много, тяжело, старательно, напряженно’:	
Корпеть <i>над чем</i> (разг.)	Вередиться
	Выражаться
	Ворочать 13 <i>экспр.</i>
	Валить
	Валять
	Вваливать
	Вжаривать
	Вотщаться
	Вотщаться
	Втыкать ²
	Врубывать <i>экспр.</i>
	Встёбывать
	Выгибаться
	Корячиться 2 <i>экспр.</i>
	Корячить
	Вережаться
	Колотиться
	Корёжиться 2 <i>перен.</i>
	Впираться 5
	Втыкать 2 <i>экспр.</i>
	Натягаться ¹ 3 ‘делать что-н., напрягая силы’
	Натягиваться 2, натягиваться 2 ‘напрягать силы, делая что-н.’
	Надрываться, надседаться ‘напрягаться от работы’
	> Как мужик работать

Приведенные примеры показывают, что лексическая система псковских говоров очень разветвленная, отражает богатство живой разговорной речи (диалекта), ее вариативность, богатейшие словообразовательные возможности некодифицированного русского языка.

Кроме того, рассмотренный фрагмент позволяет описать языковую картину мира (ЯКМ), какой она сложилась среди крестьян.

Крестьянский труд — один из самых тяжелых, напряженных видов человеческой деятельности, и описывающая его лексика широко представлена в народ-

ном языке. Примеры отражают и тонкие нюансы семантической дифференциации слов — глаголов с общим значением ‘работать’, и их внутреннюю форму; отражают представление о труде самих крестьян. Не случайно в приведенных группах не нашлось лексики со значением ‘бездействовать’, а представления о добросовестном напряженном труде как о важных нравственных ценностях подтверждается многочисленными примерами. При этом участок лексики этого фрагмента ЯКМ со значением ‘плохо, наспех, вяло работать’ также широко представлен (в указанных границах слов «А — Не» более 70 примеров), причем показывает отрицательное отношение говорящих, осуждение такого поведения, например: колупаться 2//, канителиться, конобродить 3 и др.

Выявление слов с тождественным или близким значением возможно только после того, как семантика их уже описана, тем более что авторы ПОС не являются носителями псковского диалекта. Поэтому накопление синонимических материалов шло параллельно с составлением словаря и велось вручную.

В первых трех выпусках ПОС (1967–1976 гг.) было отражено более 4 тысяч синонимических групп, разных по количеству членов. Иногда это был всего один синоним при заголовочном слове, но встречались и достаточно многочисленные серии — шесть, десять, пятнадцать единиц. Это был уже вполне репрезентативный материал для анализа и классификации диалектных синонимов. «Разыскания» в этой области завершились защитой М. А. Тарасовой в 1986 г. диссертации, которая была значительно более определенно озаглавлена: «Синонимия в языковой системе с некодифицированной нормой». А сбор и фиксация синонимов продолжались.

В результате бумажная «синонимическая картотека», начатая в 1967 г., ведется до сих пор. К настоящему времени она насчитывает более 50 тысяч карточек (обрабатывались пока только знаменательные части речи современных говоров, исторические материалы не учитывались). В качестве заголовка (или единицы описания) выступает значение слова, оттенка или употребления (условно — «понятие»), а содержанием являются лексемы, имеющие в псковских говорах это значение. Например: ‘человек с высшим медицинским образованием’: врач, врачель, врачёбник, лёкарь. ‘медленно делать что-н., возиться’: ба́виться 1, ба́виться 1, ба́ндаться 2, ва́зго́литься 3, ва́ла́ндаться 1, ва́ла́хаться, ва́лту́зиться, ва́ндаться, ва́нта́житься 1, ва́та́житься 3, ва́рга́нить//, ва́рза́паться 1, во́лочы́ться 8, во́рбачаться 4, га́яться, гмы́заться, грэ́зиться² 4, канителиться 1//, колупаться 2//, колы́хаться 10 *экспр.*, ко́мкаться 4 *экспр.*, копо́шиться 4//, ко́приться, кошелиться, кошелять.

Синонимическая картотека оказывает большую помощь при составлении очередных выпусков ПОС, однако в силу многих (главным образом экстралингвистических) причин она далеко не полная, поэтому в синонимических рядах, сопровождающих значения слов в ПОС, к сожалению, встречаются лакуны.

Появление и использование в лексикографии компьютерных технологий открыло перед лексикологами и лексикографами новые возможности.

В настоящее время большой объем Словаря (опубликован 21 выпуск) затрудняет отбор и получение информации для разноаспектных исследований псковской лексики и дальнейшей работы по составлению самого Словаря. В процессе многолетней работы авторы, особенно начинающие, часто сталкиваются с необходимостью познакомиться с традицией подачи в Словаре тех или иных явлений;

иногда и опытные лексикографы, работая над очередной словарной статьей, видят, что тот или иной пункт Инструкции требует уточнения или дополнения. А для этого тоже надо иметь полную информацию об отражении соответствующих случаев в уже опубликованных выпусках.

Автоматическая база данных позволяет оптимизировать сохранение, обработку и передачу языковой и культурологической информации, упростить или автоматизировать получение сведений по довольно широкому кругу задач. Существуют и создаются коллективами академических институтов и вузовской наукой словарные базы литературного языка. В последние годы начата работа по автоматизации диалектных материалов. В Национальном корпусе русского языка активно пополняется корпус диалектных текстов, ведутся работы в Институте русского языка им. В. В. Виноградова (материалы Диалектологического атласа русских говоров северо-западных областей России), в Нижегородском государственном университете (перевод в электронный вид картотечных диалектных материалов), в Санкт-Петербургском университете создается звуковой корпус разговорно-диалектной речи, в Саратовском государственном университете создается электронный корпус диалектных текстов.

В Межкафедральном словарном кабинете было принято решение о создании электронного вида ПОС на базе вышедших выпусков, компьютерной базы данных «синонимичной» лексики псковских говоров⁹. Такая база имеет как научно-теоретическое, так и прикладное значение.

Электронные базы ни в коей мере не заменяют работу ученых-лексикографов, но позволяют решать теоретические проблемы диалектологии, например, системных отношений в лексике диалекта, особенностей диалектного словообразования, народной языковой картины мира, взаимодействия литературного языка и народных говоров на современном этапе, эволюции диалектных систем в современном мире и др.

Создание такого продукта, как БД, ведется в несколько этапов: разработка структур таблиц данных; схемы взаимосвязей между таблицами, разработка системы запросов к таблицам и системы отчетов по данным; подготовка материала и др.

Разработка конкретного программного приложения определяется спецификой предметной области, материала. В процессе его подготовки было выполнено сканирование опубликованных выпусков Псковского областного словаря. При этом была решена еще одна важная задача: сохранение на цифровых носителях первых 10 выпусков Словаря, ставших уже библиографической редкостью и отсутствующих во многих даже крупных библиотеках. Появилась также возможность в дальнейшем создать электронный вариант Псковского словаря.

Используя возможности системы управления базами данных (СУБД) Microsoft Access, мы «сконструировали» систему таблиц и начали размещение информации. Выбор данной СУБД связан с ее высокой степенью универсальности, возможностью работы в ней не только программистов, но и пользователей самой различной квалификации.

Нашей принципиальной позицией является необходимость последующего расширения БД ПОС за счет включения материалов Генеральной картотеки ПОС, и это осложнило первый этап создания БД — разработку структур таблиц для данных разного типа.

Проблемой на начальном этапе стала необходимость создать такую структуру, которая бы подходила для двух принципиально разных источников данных — словаря с его готовыми словарными статьями, имеющими сложную вариантную структуру, и картотеки, состоящей из отдельных записей диалектной речи. Общим для словарной и картотечной формы является собственно запись диалектной речи, поэтому, учитывая перспективу ввода в базу материалов картотеки, мы выделяем поле записи для каждой отдельной цитаты.

Access позволяет включать разные типы информации. Решено было ориентироваться на лексикографированный материал — словарь.

Основные методы и подходы проектирования БД ПОС связаны с уже существующей организацией материала в толковом словаре. При этом создается база данных диалектного словаря полного типа; толкового словаря, имеющего сложный объект разработки — многозонавую многоступенчатую структуру словарной статьи.

Основой базы систематизированных данных ПОС являются таблицы. Таблицы имеют стандартную форму, состоят из строк и столбцов. Столбцы — это поля базы данных или признаки, характеризующие информационный объект, в нашем случае какую-нибудь зону словарной статьи. Строки — это отдельные записи базы данных, содержащие значения для всех (или некоторых) полей, в совокупности представляющие словарное слово со всеми его характеристиками.

При проектировании БД ПОС были заданы поля для всех зон словарной статьи, что позволило сохранить всю информацию о каждой лексеме, описанной в словаре, задав, таким образом, возможность создания полной базы Словаря.

В основе структуры таблицы БД лежат зоны словарной статьи ПОС: лексема (соответствует заголовочному слову словарной статьи); варианты (фонетические и морфологические варианты слова); фразеология; флексия; грамматические пометы; стилистические пометы; семантические пометы (пометы и графические символы, отмечающие семантический сдвиг); общая дефиниция (значение слова); частная дефиниция (оттенки значения, употребления, фразеологическое значение и т. п. при общей дефиниции); цитата (иллюстративный материал); район (географические пометы); деревня (географические пометы); источник (рукописные и печатные материалы XIX–XX вв.); год; синонимы.

Такая структура таблицы позволяет накапливать материал в неограниченных объемах, оперативно его дополнять и обрабатывать.

лексема	варианты	фразеология	флексия	гр пометы	стиль пометы	семантич по
КОСУРИТЬСЯ				несов.		
КОСЫНИТЬСЯ				несов.		
КОСЫРИТЬСЯ				несов.		

и продолжение:

Введите вопрос

семантич по	общая дефиниция	частная дефиниция	источник	синонимы
	Смотреть искоса, исподлобья.		Карпс	косыниться
	Смотреть искоса, сердиться.		Карпс	косуриться, косыриться
	Косо смотреть на кого-л., сердиться.		Опыт.	косыниться

Рис. 1, 2. Вид БД ПОС

Однако представление структуры словаря в форме базы данных не сводится к простому развертыванию словарной статьи в ячейки таблицы. На этапе атрибуции данных (заполнение базы) решалось множество проблем, связанных со значимостью отражения всех элементов словарной статьи. Так, например, возник вопрос с заполнением поля «лексема» в случае, если в заголовке словарной статьи дается два или более слов; сложность возникла при внесении в базу многозначных слов, когда, например, той или иной форме заголовочного слова соответствуют только 1–2 значения из 5–6 и др.

Одновременно с введением данных в базу ведется предварительная обработка материалов, апробация базы. Создаются запросы (выборочные сведения из базы данных, выведенные в форме таблиц) и применяются фильтры, позволяющие сделать выборку слов по отдельным параметрам.

Уже на начальном этапе работы стало очевидно, что это уникальная работа по диалектной лексикографии и диалектной синонимии, создающая новые методики сбора, классификации и анализа диалектных данных. База позволяет работать с большим объемом текстового материала и вносит новые возможности в работу лексикографов, позволяет повысить объективность научных выводов по различным аспектам исследования псковских говоров.

Например, во фрагменте базы «Библиотека — Крутоделка» выбраны все лексемы, являющиеся именами домашних животных: 123 единицы (в этой группе лексики наиболее часто встречаются клички коров, собак и лошадей, также можно найти клички котов/кошек, свиней (поросят, боровов) и быков) или прозвищами людей: 89 единиц (из которых в дальнейшем можно выбрать прозвища мужские, женские или детские). Для разных исследовательских задач возможно произвести выборку фразеологизмов, фольклорную лексику, субстантивированные имена и т. п.

Запрос по «семантическому» фильтру формируется специалистом-лексикографом, определяющим ключевые слова, по которым производится поиск в полях «общая дефиниция» и «частная дефиниция». Выбрав основную сему значения в качестве такого ключевого слова, можно выделить нужную тематическую группу лексики.

Например, в указанном фрагменте базы произвести поиск лексем, входящих в группу цветообозначений, создав запрос, включающий общий семантический компонент «цвет». Задав в полученном списке слов дополнительный фильтр для полей «грамматические пометы» и «флексия», выбрав прилагательные по полю «флексия», получим список слов, которые мы можем в дальнейшем отфильтровать по запросу «*цвет*»:

лексема	варианты	фразеология	фонетика	гр. пометы	стих. пометы	семантич. пометы	общая дефиниция	частная дефиниция
БУКСИОНОВЫЙ			ак, ое				Тельно-красный, цвета бордо	
БУКСИОНОВЫЙ			ак, ое		//		Тельно-красный, цвета бордо	// Филологовый
ВАСИЛЬКОВЫЙ			ак, ое				Цвет василька, светло-синий	
ЖЕЛТЫЙ	желтый		ак, ое				1 Цвета дыма, потемлено-серый	
ЖЕЛТЫЙ	желтой		ак, ое				1 Цвета личинного жемца, стелой рам, золота.	
ЖЕЛТЫЙ	желтой		ак, ое				1 Цвета личинного жемца, стелой рам, золота.	— О травах, грибах.
ЖЕЛТЫЙ	желтой	> Желтый-желтый	ак, ое		усилят.		1 Цвета личинного жемца, стелой рам, золота.	
ЖЕЛТЫЙ	желтой	> Желтая мезд.	ак, ое				1 Цвета личинного жемца, стелой рам, золота.	Латуш.
ЖЕЛТЫЙ	желтой	> Желтая ромашка	ак, ое				1 Цвета личинного жемца, стелой рам, золота.	сл. ромашка
ЖУРАВЛИНЫЙ			ак, ое				Тельно-красный, цвета клоуна.	
КОТЕЛЫЙ	котелый		ак, ое		— в сравн.		2 Цвета котельного дыма, тельно-синий или черный.	
КОФЕЙНЫЙ			ак, ое				Цвет кофе, коричневый.	
КОФЕЙНЫЙ			ак, ое		фраз. >		Цвет кофе, коричневый.	> Кофейный цвет.
КРАСНЫЙ	красной, кр.		ак, ое; красен, к				1 Цвета крови, пшамени.	
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		//		1 Цвета крови, пшамени.	// В одреже такого цвета.
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		//		1 Цвета крови, пшамени.	// Парный в ономном твоего цвета.
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		//		1 Цвета крови, пшамени.	// С красноты частями твоего цвета, высидены под кровом у индюков.
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		— в знач. сущ.		1 Цвета крови, пшамени.	
КРАСНЫЙ	Красная горюха.		ак, ое; красен, к		фраз. >		1 Цвета крови, пшамени.	То же, что краснопёрка I.
КРАСНЫЙ	Красная		ой		—		1 Цвета крови, пшамени.	Жода красная смородина.
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		//		1 Цвета крови, пшамени.	// Покрасневший от пришта крови к коже.
КРАСНЫЙ	Красный крест (крест)		ак, ое; красен, к		фраз. Δ		1 Цвета крови, пшамени.	(сл. крест).
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		//		1 Цвета крови, пшамени.	// О салме. Выгровый.
КРАСНЫЙ	Красное солнце (солнце)		ак, ое; красен, к		фак. фраз. >		1 Цвета крови, пшамени.	Пословный эпитет солнца.
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		//		1 Цвета крови, пшамени.	// Бордовый.
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		//		1 Цвета крови, пшамени.	// Румяный, красноватый.
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		//		1 Цвета крови, пшамени.	// О латшке. С фиолетовой козурой.
КРАСНЫЙ	Красная дилена.		ак, ое; красен, к		фраз. >		1 Цвета крови, пшамени.	// Роговатый.
КРАСНЫЙ	Красная дилена.		ак, ое; красен, к		фраз. >		1 Цвета крови, пшамени.	То же, что красная дилена (сл. дилена).
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		фраз. >		1 Цвета крови, пшамени.	Скрыл дена.
КРАСНЫЙ	Красная гавстуком пова.		ак, ое; красен, к		фраз. Δ		1 Цвета крови, пшамени.	Поломнуть по горту, зарезать кого-и.
КРАСНЫЙ	Красная косогонка.		ак, ое; красен, к		фраз. Δ		1 Цвета крови, пшамени.	О немолодой женщине, не пашидей замуж.
КРАСНЫЙ			ак, ое; красен, к		//		1 Цвета крови, пшамени.	// Раскрасневый.
КРАСНЫЙ	Красная дилена.		ак, ое; красен, к		фраз. >		1 Цвета крови, пшамени.	сл. дилена.
КРАСНЫЙ	Красный губ.		ак, ое; красен, к		фраз. >		1 Цвета крови, пшамени.	сл. губ.

Рис. 3. Прилагательные, обозначающие цвет

Можно сделать выборку для семантического поля глаголов зрительного восприятия: задав фильтр «*смотре*» и дополнительно отфильтровав данные по полю «грамматическая помета» (чтобы исключить такие записи, как «ВИДНО II ... 1. Можно видеть, рассмотреть»), получаем все лексемы, в толковании которых встречается глагол «смотреть»:

ПОС	ПОС
лексема	общая дефиниция
[ВЛЕКНУТЬСЯ]	Осмотреться
БОЛЬШЕГЛАЗИТЬСЯ	Смотреть с удивлением, любопытством
БРÓСИТЬ	Посмотреть, глянуть
БЫЧИТЬСЯ	Смотреть исподлобья, выражая недовольство
ВГЛУБНУТЬ	Посмотреть внимательно
ВГЛЯДЁТЬСЯ	Внимательно глядя, рассмотреть что-н.
ВЕРГЁТЬ	Смотреть по сторонам
ВЗÁРИТЬ	Усмотреть, заметить
ВЗÁРИТЬСЯ	1. Пристально всмотреться
ВЗÁРИТЬСЯ	2. Заглядеться, засмотреться на кого-н.
ВЗГÁЛИТЬСЯ	Засмотреться
ВЗГЛЯНУТЬ	Посмотреть на кого-, что-н., так, чтобы не заметили
ВЗГЛЯНУТЬСЯ	1. Посмотреть на себя
ВЗЁТИТЬ	Усмотреть, увидеть, заметить
ВЗИРАТЬ	Глядеть, смотреть

ПОС	ПОС
лексема	общая дефиниция
ВЛОЖИТЬ	Пристально посмотреть
ВНИКАТЬ	2. Смотреть внимательно, всматриваться
ВНИКАТЬ	2. Смотреть внимательно, всматриваться
ВОДИТЬ-1	Не смотреть прямо, отводить глаза
ЗАБАВИТЬ	2. Присмотреть за ребенком, понынчить его
КОСУРИТЬСЯ	Смотреть искоса, исподлобья
КОСЫНИТЬСЯ	Смотреть искоса, сердиться
КОСЫРИТЬСЯ	Косо смотреть на кого-л., сердиться

Рис. 4. Иллюстрация к выборке по запросу «смотреть»

По фильтру «*видеть*» получаем все лексемы, в толковании которых встречается глагол «видеть»:

ПОС	ПОС
лексема	общая дефиниция
БРЕ'ДИТЬ	1. Видеть во сне; видеть сны
ВЗЕТИТЬ	Усмотреть, увидеть, заметить
ВИДАТЬ-1	1. То же, что видеть 2
ВИДАТЬ-1	2. То же, что видеть 3
ВИДЫВАТЬ	1. Многокр. → видеть 2
ВИДЫВАТЬ	2. Многокр. → видеть 3
ВИДЫВАТЬСЯ	Встречаться с кем-, чем-н., видеть кого-, что-н.
КРИВЛЯТЬ	2. О глазе. Закрывать, плохо видеть

Рис. 5. Иллюстрация к выборке по запросу «видеть»

Но эти возможности работы с БД уже широко известны.

Главной же целью создания базы данных Псковского областного словаря коллектив считает использование ее возможностей для эксплицирования синонимической лексики псковских говоров. Эта задача не сводима только к техническим возможностям БД. Заменить лексикографа машина не может. Однако отсортировать материал по заданному параметру и получить пригодный для дальнейшей обработки материал позволяет система запросов к БД.

Дальнейший поиск решения главной задачи создания БД ПОС — инструмента изучения диалектных синонимов — коллектив осуществляет в развитии двух направлений работы: создании системы запросов, позволяющей по формальным признакам отбирать из базы группы слов, объединенных по каким-нибудь при-

знакам (грамматическим пометам, частично — значению, относящихся к одной части речи и под.), и в продолжении развития семантической схемы, которую разрабатывает М. А. Тарасова. Организованная в виде таблицы индексов, такая схема, включенная в БД, позволит искать в БД слова с одинаковым/общим понятием/значением, но только те, которые уже были «вручную» распределены по рубрикам /отнесены к той или иной понятийной рубрике.

В заключение можно с удовлетворением сказать, что коллектив авторов Псковского областного словаря не только воплощает идеи Б. А. Ларина о полном диалектном словаре, но продолжает и развивает их, используя современные методы и технологии хранения и обработки информации.

Примечания

¹ Вводная статья к «Псковскому областному словарю» // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 6.

² Инструкция Псковского областного словаря // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб., 2004. С. 29–41, 43–49.

³ *Рак О. И.* Заметки о собирании материалов по синонимии народных говоров // Слово в народных говорах Русского Севера. Л., 1962. С. 57–61.

⁴ Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л., 1966. С. 3.

⁵ *Геккер С. Ф.* Библиография по синонимике русского языка // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л., 1966. С. 197–226.

⁶ Инструкция... Указ. соч. С. 42–43.

⁷ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей ред. акад. Н. Ю. Шведовой. Т. IV. М., 2008.

⁸ *Термин Н. Ю.* Шведовой, см.: Русский семантический словарь. Т. I. С. IX.

⁹ В 2007–2009 гг. работа выполнялась при поддержке РГНФ, грант № 07-04-12110в «Создание компьютерной базы данных псковских говоров как инструмента изучения диалектной синонимии».

Е. А. Нефедова

ОБЩЕРУССКОЕ СЛОВО В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

Проблема изучения общерусского слова, функционирующего в системе диалекта, в современной лингвистике обсуждается довольно активно. Большое внимание уделяется этой проблеме и в работах московских диалектологов. Имеются в виду работы О. Г. Гецевой, Е. В. Колесниковой, А. Б. Кокониной, а также выполненные на материале архангельских говоров докторские диссер-

тации Н. Г. Ильинской (общерусские глаголы), О. А. Глущенко (общерусские наречия), М. К. Пак (общерусские существительные), Е. А. Нефедовой (семантические поля, возглавляемые общерусскими словами). В докторской диссертации М. К. Пак проанализировано содержание терминов, обозначающих данное понятие (общерусское, общенародное, общеупотребительное слово), и предложено исчерпывающее определение общерусского слова. Это «исторически сложившаяся, генетически исконно русская языковая единица, активно функционирующая во всех подсистемах национального языка, являющаяся устойчивым общим, объединяющим словом в языковой системе, не имеющая территориальных и социальных ограничений»¹.

В Архангельском областном словаре (далее АОС), создаваемом на кафедре русского языка филологического факультета МГУ, представлена лексикографическая интерпретация семантики общерусских слов, по возможности с учетом значений, общих с литературным языком. Внимание диалектологов МГУ к общерусским словам предопределено теоретической платформой Архангельского областного словаря, начало формирования которой относится к середине прошлого столетия. В эти годы в науке широко обсуждался вопрос о диалектном словаре, тип которого выработывался в оппозиции: полный словарь, включающий всю лексику говора — дифференциальный словарь, включающий только диалектную лексику. Не останавливаясь подробно на полемике, касающейся типа диалектного словаря (она освещена в статье «Архангельский областной словарь в типологии диалектных словарей»²), отметим, что эта полемика касалась понимания диалектного слова, содержания принципа дифференциальности и соотношения его с принципом системности.

Степень системности представляемого материала в словаре дифференциального типа в большой мере определяется самим пониманием принципа дифференциальности, которое может быть достаточно широким. Вот как оно определено О. Г. Гецовой, руководителем работы по составлению Архангельского областного словаря: «Дифференциальность, принимаемая для АОС, представляет собой принцип отличия лексики говоров от нормированного литературного языка в его нейтральном стиле. Любое отличие от литературного слова (исключая регулярные фонетические и грамматические... закономерности) является основанием для включения слова в АОС. Отличия лексики говоров и литературного языка наблюдаются почти для каждого диалектного слова, они могут проявляться как в его фонематическом составе, семантике, словообразовательных связях и т. п., так и в его стилистической характеристике. Однако не всегда в силу особенностей условий сбора диалектной лексики (прежде всего ограниченности во времени) эта специфика диалектного слова могла быть выявлена. Поэтому в АОС включена только та часть зафиксированной в архангельских диалектах лексики, для которой отличия от нормированного русского языка были установлены»³.

Плодотворность такого подхода подчеркивалась рецензентами словаря. Так, И. А. Попов отмечает: «АОС широко включает просторечную, устаревшую, устно-разговорную лексику как элемент системы общенародного языка... Его материалы открывают такие аспекты лексикологических исследований, которые не могут быть проведены при искусственном отсечении названных пластов лексики»⁴.

К настоящему времени картотека АОС содержит 4 млн словоупотреблений, словарь АОС включает в себя более 170 тыс. слов. Опубликовано 13 вып. АОС (А–Ж), их общий объем — 273 п. л., опубликован также Обратный словарь архангельских говоров (ОСАГ).

За 30 лет, прошедших с момента издания первого выпуска, основные принципы словаря остались неизменными, вместе с тем теоретические и практические достижения русской лексикологии и лексикографии в целом, а также собственный опыт редактора АОС и его составителей, конечно, способствовали их развитию.

Как уже говорилось, Словарь был заявлен как дифференциальный, но с достаточно широким пониманием дифференциальности. Поэтому собиратели материала для Словаря — не только его авторы, но и студенты, аспиранты, преподаватели филологического факультета МГУ, участвующие в экспедициях — были изначально ориентированы на фиксацию тончайших лексико-семантических отличий говора от литературного языка. В результате за 50 лет полевой работы в картотеке АОС скопилось огромное количество слов, общих для литературного языка и говоров и имеющих в последних те или иные особенности, определяемые функционированием слова в диалектной системе. Важным источником материала на общерусские слова является также компьютерная база данных, формируемая на основе полевых записей.

Опыт работы над Архангельским областным словарем показывает, что общерусские слова, функционирующие в говорах, даже в своих исходных, непроемных значениях обнаруживают разнообразные отличия от литературного языка. Прежде всего это отличия сочетаемостного и ассоциативно-деривационного характера. Обычно общерусские слова имеют в говорах развитую семантическую структуру. В условиях устной речи при отсутствии жесткой кодифицированной нормы они раскрывают свои семантические потенции в производных значениях, отсутствующих в литературном языке. Кроме того, общерусские слова в своих исходных, общих с литературным языком значениях обладают и значительным словообразовательным потенциалом. Как правило, они являются центрами больших словообразовательных гнезд (например, слово «дом» и его производные в 11-ом выпуске АОС занимают 43 страницы⁵). Их представление в диалектном словаре без общерусского значения производящего слова было бы ущербным.

Осознание этого явления авторским коллективом Архангельского областного словаря имело серьезные лексикографические последствия: в последних его томах многозначные общерусские слова по возможности представлены полноструктурно, без отсечения значений, общих с литературными, уже независимо от того, обнаружены ли какие-либо отличия от литературного языка (см., например, в 12-ом выпуске АОС — *дорога, дорого, дорогой, досадить, доска, душа*).

По признанию О. Г. Гецовой, это обстоятельство «по существу переводит этот словарь в разряд **полных** диалектных словарей»⁵. Эта особенность отмечалась и в рецензиях на последние выпуски Словаря. Так, В. М. Мокиенко в своей рецензии отмечает, что «АОС — один из немногих русских диалектных словарей, в котором последовательно проводится *лексикографический принцип полноты*

описания лексики [выделено нами. — Е. Н.] <...> В нем описываются не только “чистые” диалектизмы, но отражены и слова общелитературного употребления типа *грех, грамм, грамота*. Лексикографический максимализм в таких случаях окупается сторицей, ибо живая диалектная речь динамизирует литературную лексику, семантически и формально обогащая ее»⁶.

Нельзя не учитывать, что за 50 экспедиционных лет эволюционировали не только лексикографические принципы АОС, но и сам объект его описания. Речь идет о внутренней эволюции говоров, приводящей к стиранию ярких диалектных различий, вероятно прежде всего в лексике, и формировании новых форм народной разговорной речи, определяемых исследователями как сельское просторечие, наддиалектная форма, региолект⁷. Речь носителей диалекта утрачивает яркие диалектные черты, сохраняя при этом свою территориальную окрашенность. Постепенно забывается и утрачивается терминологическая лексика, связанная с традиционными народными промыслами, обрядовая и фольклорная лексика. Эта лексика в реальной коммуникации носителей диалекта занимает уже небольшое место. Вместе с тем повышается *функциональная значимость* обиходно-разговорной лексики, лексики повседневного, бытового общения. Наблюдения показывают, что лексике повседневного общения присуща высокая вариативность как внешней формы, так и содержания, вариативность, опирающаяся прежде всего на общерусский компонент. Это проявляется и в семантическом варьировании общерусских слов, и в словообразовательном варьировании на базе общерусских корневых и аффиксальных морфем⁸.

Рассмотрим словарную статью на общерусское слово *жизнь*⁹ из 14-го выпуска АОС (рукопись). Это существительное с процессуальным значением, образованное от глагола *жить* по непродуктивной модели¹⁰. В говорах, как и в литературном языке, оно обладает развитой семантической структурой, основанной на метонимических ассоциациях. Отмечается параллелизм метонимических значений глагола и производного от него существительного, тогда как метафорические глагольные значения в его семантике не находят отражения¹¹.

Синописис

словарной статьи существительного *жизнь (жисть)*

1. Состояние всего живого, пребывание в живых. // Состояние бодрствования.
2. Процесс жизни.
3. Физическая и духовная сила, энергия, здоровье.
4. Время жизни человека от рождения до смерти, срок жизни. //
Конец жизни на земле.
5. Один из периодов жизни человека, отрезок жизни.
6. Условия жизни.
7. Хорошие, благоприятные условия жизни.
8. Жизненный уклад, образ жизни. // Общественный строй.
9. Совместная семейная жизнь, отношения в совместной семейной жизни.

10. Жизненные обстоятельства, жизненные события, совершающиеся в период жизни кого-н.

11. То, что существует на самом деле, реальная действительность.

12. Жизненный опыт.

13. Судьба, доля.

1. Состояние всего живого, пребывание в живых

Таковá *жысь*-та человеку *принесёна*. Фсё, дэфки, бы́ло и бу́дёт, што никовда́, дэфки, *не выведеца жысь* на этом. Она́ врёде йего́ву *жысь спасла́*. Ему́ виш то́жэ *жысть* вить *надоёла* была́ дак. *Надойёла жысь-то*, тёмной целовек (слепой). Бо́ле *надойёла йей жысь* — Митя дрáлса, дави́лась и сё. Тепе́рь меня́ згуби́ли сынóчки, ушли́ (покончили с собой), што́-то *жысь* им не *понра́вилась*. Сего́дний особе́нно то го́т *не наде́юсь на свою жысь*. Кто́ зна́т, *жысть доку́ль бу́де*. Йёсли *жы́зьнь бу́дет*, бу́ду пря́сьть. А ты́, А́ня, слы́хала жо, быва́, ф Писа́нии, до двухты́сецьного го́ду *жы́зьнь*, по́сле *ма́ло жы́зни бу́дет*. По́сле двухты́сецьного *жы́зни не бу́дет*.

ЖИ́ЗНЬ может внезапно *КУВЫРНУ́ТЬСЯ*: Хотёл опроки́нуть са́ночки — да ду́маю: *жы́зьнь кувырнёца*. Умирая, человек *ДОВО́ДИТ КОНЕ́Ц ЖИ́ЗНИ*: Это успоко́бил, у нас говорят — *коне́ц жы́зни дове́л*; *УХОДИТ ИЗ ЖИ́ЗНИ*: Вот ушла́ из жы́зни ранёхонько, скорёхонько. Самоубийца *НАРУША́ЕТ ЖИ́ЗНЬ*: Дура́к са́м себе́ *жы́зьнь нару́шил*.

Пребывание в живых представляется predetermined свыше. Тот, кто предназначен для жизни, не скоро умрет, оказывается *К ЖИ́ЗНИ* — Ва́ля, йёсли *г жы́зни* он, раздёнъ донага́. *Г жы́зни* йёсли у Ю́ры, то не на́до во́рофски на меня́ кварта́ру писа́ть.

// Состояние бодрствования, в противоположность сну.

Оно представляется как жизнь: Спя́ (днем), но́чью *до́лга жысь-то* (долго не ложаться спать).

2. Процесс жизни

Состояние жизни почти неотделимо от процесса, наиболее четко это различие проявляется в условиях конструктивной ограниченности — *В ЖИ́ЗНИ*: Мнóго *в жы́зни пережы́то*. А та́к-то, Бо́х ево́ знаёт, фся́ко быва́ет *в жы́зни*, и мо́жно за́просто уби́цца. Это мнóго *в жы́зни перешлó* этово, фсё бы фспомнить, так мо́жно с ума́ сойти́. Ива́н-то уш у́х — у́харь был — не́цем *в жы́зни* помену́ть.

3. Физическая и духовная сила, энергия, здоровье

Связь жизни и физического здоровья отражена в значении ‘физическая и духовная сила, энергия, здоровье’: Я не порáто с нѣй говорю, он мне *жы́знь* из-за нѣе *ухло́пал*. У нѣй мѹж быў нацѣльником, она́ и не робáтывала, *спасáла* свою́ *жы́знь*.

ЖИЗНЬ, ЖИСТЬ СПАСАЮТ, КЛАДУТ на кого-н., *ЖИЗНЬ* можно из-за кого-н. *УХЛОПАТЬ* (испортить), *СИЛЫ ЖИЗНИ* может быть мало: Харáктер такóй дѣкой, дак *мáло сѣлы жы́зни* у тово́ человека.

4. Срок, отпущенный человеку для жизни

Жы́сь-то прóжыта, фсѣко нáжытось, хоро́шего мáло. Она́ не нáшу *жы́сь прожыла́*, бóльшэ веть. *Жы́сь-то* фсѣко *провела́*. Так еѣнна *жы́сь протекла́*. *Жы́сть истекáет*. Обе, *не дожы́в жы́зни*, ўмерли. *На фсѹ-ту жы́сть* не хватѣло моготы́-то. Ны́не жы́ть хорошó, так *жы́зни мáло* стáло. Ско́лько есь *жы́зни* у него́, стóлько пўсь жывѣт, а я помўчаюсь.

Свой жизненный срок человек *ПРОХО́ДИТ, ПРОВО́ДИТ, ПРОЖИВА́ЕТ, ЖИВѢТ*, человеческая жизнь *ТЕЧѢТ*, к концу она *ИСТЕКА́ЕТ*, оставшейся *ЖИЗНИ* обычно бывает *МА́ЛО*.

// Конец жизни на земле.

Конѣц жы́знь бѹдѣ ф Страшнѹ Пѣтьницу перет Пáской. Я говорю́, а *конѣц жы́знь* скóро бѹдет, навѣрно. В божѣственной-то кнѣге напѣсано: в двухты́сечном годѹ *конѣц жы́знь* бѹдѣ, а мы уш шѣстой гóд жывѣм.

Апокалипсическое представление о конце существования всего живого на земле отражено довольно слабо.

5. Один из периодов жизни человека, отрезок жизни

Срок человеческой жизни складывается из определенных отрезков, периодов, связанных с тем, что происходит в процессе жизни. Это значение выделяется, как правило, в сочетании с указательными или определительными местоимениями.

В ѣту жы́сь посѣлки-то стáли. Стáрось не рáдось, попропáли мы́, ну, ничѣ не подѣлаш, *такáя жы́сь* подошла́, дак нáдо терпѣть. *Какá жы́сь* пришла́, нáдо жы́ть. У одногó-то кварти́ра кўплѣна ишшó до *этой жы́знь*, до этой — нў-ка, ны́не *жы́сь-то* нацѣлась (дорогая). Я *четвѣрту жы́знь* жывў: сначѣяла жы́ла с родѣтелями — ѣдинолѣчно жы́ли, потóм колхóзно жы́ли, потóм софхóзно, а тепѣрь пенсиóнно жывў.

6. Условия жизни

Человеческая жизнь в большой степени зависит от условий, в которых она протекает.

Жысь нонь хороша, не похачеш, а вот пеньсии нет. А когда война-то сделалась, *жысь*-то *худá*. *Жызь* была *бедóво дéло*, мы и голоду хватили. *Жысь*-то ноне такая, только *жыви да радуйси*. *Жысь* *трúдна* была, а фсё ровно опкóз делали, и дожын делали. *Хорóшэй жызни* не видала, жыву позóрюсь. *Гóрькой жызни* хватит. Вот какá *жызьнь*-то подойдёт *позóрна*, ой-ой-ой, што сделаеш. *Жызьнь* — *не ягода малина*.

Значение 'условия жизни' реализуется обычно в сочетании с прилагательными, определяющими характер жизни, дающими оценку условий жизни. Наиболее часто она носит отрицательный характер, теперешние условия жизни сравнивают с *РА́НЕСНЫМ ЖИТЬЁМ*. Привычная оценка условий жизни заключена в поговорках типа: *Да, жысь наша не лёгка, пúда полтора*. *Жысь* — *токо держысь*, Кóля, штобы не пасти.

Оценка условий жизни в пословицах: *Тáк, мiлушка, жысь в однóм стремю не бывáет*, вод думаш, я таг жыву, а *жысь* она как-то *перевёртываеца* — и ты не виновáта, никак не виновáта. Какá *жысь* *перемёнцива*, а время-то *перехóцциво*.

7. Хорошие условия жизни, жизнь в хороших условиях

Это значение реализуется вне сочетаний с определениями: А тут стали *налажа́цца на жысь* да война. *Фсё за жысь борóлись* и доборóлись, што не знай как. *Жызни не видела*, детей рóстила. Отець-от пьяница быў такой, дак она тóжо шы́пко матери-то жалéют, што она *жызни-то не видала*.

На хорошую *ЖИЗНЬ* человек *НАЛАЖАЕТСЯ, НАПРАВЛЯЕТСЯ*, за *ЖИСТЬ БОРЕТСЯ*.

При употреблении в составе риторического вопроса или аффектированного восклицания, обычно в сочетании с определительным местоимением или отрицанием, выражается отрицательная оценка условий жизни.

НЕ ЖИСТЬ, КАКА́Я ЖИСТЬ, РА́ЗВЕ ЭТО ЖИСТЬ — Ой да там и не *жысь*, какáя там *жысь*! *Рáзве это жысь* — слепá, глухá. *Рáзве это жысь*, и *жыра* (скажут).

ЖИЗНИ НЕТ (НЕ БУ́ДЕТ, НЕ́ БЫЛО), НИ ЖИ́ЗНИ — *Бóльшэ жызни нéту*, Нiна, йеду к тебе, чё не звони́ш — не пи́шэш. *Тебé жызни не бóдет* — ты зьдэсь, дéти — там. Как Пёт Саватийец ушоў, *ни жызни*, фсё пошлó кумелькóм, фсё пошлó кумелькóм.

8. Образ жизни, жизненный уклад

Образ жизни определяется как *ПЕРВОШНОЙ, ПРЕЖНИЙ, БЫВАЛОШНОЙ, РАНЕШНОЙ, СТАРОЙ, СТАРИННОЙ, ДОСЕЛЬНОЙ* или *НЫНЕШНОЙ, БАБИЙ* или *ДЕВЬЕЙ, КРЕСТЬЯНСКОЙ* или *ГОРОДСКОЙ*, оценивается как *БРОДЯЖНОЙ, РАЗГУЛЬНОЙ, НЕПУТЁВОЙ*:

Я уш стару жысь держу. Эту ранешну жысть я-то помню немношко. Он старик такой, нынешной жызни. А крестьянску-то жысь нынь не восстановит с молодёжйу-то. Шчо мы знам про гороцьку жысь? Ты поездила, посмотрела деревенску жызн. Бабья жысь-то приключяйеця, девья жырушка коротайеця. Девья жызн лебедина. Я одиноко жыла, бродяжну жысь не вела. Онй беспутну вели жысь. Быват, сама мать на розгульну жысь пошла.

Изменившуюся жизнь *СБИЛИ*, ее надо *ПОПРАВЛЯТЬ*: *Жысь изменилась* на наших веках. А сейчас *жызн збили*. Вашё дело всё будет *поправлять эту жысь*.

// Общественный строй.

Образ жизни и ее условия в известной степени определяются общественным строем, при котором живет человек: *Уш мы жыли ф таку жысть-то, ф советьку. Я царской жызни хватила.*

Революционное изменение общественного строя представлено как смешение, сотрясение образа жизни: Тут ещё *жысь-то не смешалась*, хозяйство было своё. *Жысь-то* затряслась, с колхозами-то.

9. Совместная семейная жизнь, отношения в совместной семейной жизни

Условия жизни человека зависят и от отношений в совместной семейной жизни: Ихня *жысь* не так *слажывалась*, как у нас. А сыну тожэ *жысь не везёт*: да жэна у нево тожэ по сторонé пошла. Стараясь, штóбы *жысь* у сына *была*, делаю уважэние йей (невестке), штóбы *жысь уважала*. *Роспадись* ты, их *жысь проклятая*. Йесли присущон, так *жызни* всё равно *не будет*. Во время свадьбы хорошó, а во время *жызни* — ничевó хорошэво.

Мужа или жену выбирают *ПО ЖИЗНИ*, то есть по тому, как человек проявляет себя в отношениях с людьми: Берут не по красоты, а *берут по жызни* — кто ласкова, опходительна да потишяя.

10. Жизненные обстоятельства, жизненные события, совершающиеся в период жизни кого-н.

Оценка условий жизни зависит от событий, которые происходили в жизни человека, от того, в какие жизненные обстоятельства он

попадал, от всего того, что ему пришлось пережить: Ско́ко бы́ло де́ла, ско́ко бы́ло жы́зни. Я мно́го жыла́, мно́го жы́зни захвати́ла фся́кой, хоробшэ́й не вида́ла, а худой. На Во́ймозере то́жэ е́сть стару́шки, ве́к про́жыли, мно́го жы́зни зна́ют. Фсе́ хоте́ла вы́учица на учи́тельни-цу, а жы́сь така́ потхвати́ла — война́. Жы́сь про́сто помеша́ла. Жы́знь, де́вка, не кра́сит челове́ка. У нас вопшэ́ (дом) был на со́нцэ, на уго́ре, а зы́дэсь вы́строилси, жы́знь заста́вила. Жы́сь-то поу-ка́жэ́т.

ЖИЗНЬ человека НЕ КРАСИТ, иногда она что-н. ПОДСКАЖЕТ, но может и ОБТЕСАТЬ, ПРОТЕРЕТЬ и даже ПОМЕШАТЬ в чем-н. Глагольная сочетаемость в ряде случаев не дифференцирует это значение с ‘условиями жизни’. Более доказательны контексты, в которых оценивается количество пережитого человеком: МНОГО ЖИЗНИ. Череда жизненных событий сравнивается с колесом: Фся жы́сь-то колесо́м ве́ртицца, и́дэ.

11. То, что существует на самом деле, реальная действительность

Натре́т на кула́к соплéй, то *узна́ет жы́сть*. Ф ка́ждой пёсьне жы́сь-то *была́*. Ра́ньшэ́ пёсьня *была́ каг жы́сь*.

На основе фактов реальной действительности, ИЗ ЖИЗНИ, в народе создавались произведения фольклора: А во́т *иж жы́зни* часту́шки *сочиня́ли*. Фсе́ *иж жы́зни взя́то* — ре́вность, гуля́нка. Вот эти первобы́тны-то пёли так, прётки-то. *Склада́ли из жы́зни* пёсьни.

12. Жизненный опыт

В результате всего пережитого у человека складывается жизненный опыт. Он приходит, если человек берет УРО́К ЖИЗНИ: Йёсь дру́гийе — *уро́к жы́зни возьму́т*, бо́льшэ́ не бу́дет. С пе́рвого ра́за *уро́к жы́зни возьму́т*, йёсь и та́кийе. Мно́гое повида́вший, набравши́йся *жизненного опыта* человек ПРОШЕЛ ВСЕ ПУТИ ЖИЗНИ: *Прошла́ все пути́ жы́зни*.

13. Судьба, доля

Стечение обстоятельств не всегда зависит от воли человека. В этом случае то, что с ним происходит, определяется как судьба, доля.

Ма́мушка, *письмо́ пи́шу*, *на жы́сь надёжы не́т*. И то́му уда́вленнику *жы́сь кака́я* — *удави́ўся*. Да, *кому́ каг жы́сь созда́ца*. Иш *кака́ западе́т жы́сь-то* челове́ку. У йей *жы́сь не сло́жылась* хорошо́, у йей

зату́жылись сы́н ы невэ́ска на одной верё́фки. То́жо вот *жы́сь ей привелáсь така́*.

Наибольший фатализм в суждении о том, что судьба (не) сложилась, жизнь (не) удалась и это предопределено свыше, выражается в сочетании с глаголами *ПАСТЬ, ПА́СТЬСЯ* (часто с отрицанием): Ожэ́нились, и што́-то *худо жы́сь-то па́лась*. Така́ вот *жы́сь* у меня́ *па́лося худо́*. То́т-то из моёй рóвни, то́лько *жы́сь не па́лась*. Така́ *жы́зьнь* на́ша *па́ласи*, в ле́с да на спла́ф. За́муш вы́шла, поторопи́лась, и *жы́зьнь не па́лась у не́й*.

Метонимическая связь значений этого слова отражает естественную смежность аспектов жизни и состояний ее субъекта. Следует отметить большую диффузность значений, нерасчлененность смыслов в рамках высказывания. Очевидно, что большинство этих значений есть и в литературном языке¹². Однако особенности их реализации, проявляющиеся и в характере лексической сочетаемости, и в условиях конструктивной ограниченности, свидетельствуют о своеобразии **функционирования** этого слова в системе диалекта.

Как представляется, лексикографическая разработка семантики общерусских слов существенно улучшает источниковедческие характеристики диалектного словаря. Большой иллюстративный материал, приводимый в АОС на каждое словозначение общерусского слова (в данной статье он показан с сокращениями), содержит наряду с речевыми высказываниями и разного рода сентенции, пословицы и поговорки, примеры из других фольклорных жанров. Весь этот материал является источником разнообразной информации, в том числе лингвокультурологического и этнолингвистического характера. В нем отражается народная философия, этические и эстетические нормы жизни народа. В соответствии с установкой АОС на детальность и подробность семантизации словарная статья на общерусское слово способна отразить разнообразные аспекты народной речевой культуры в ее широком понимании.

Кроме того, детальный, развернутый показ в диалектном словаре слова, общего с литературным языком, представляет интерес в аспекте соотношения разных стратов национального языка, включая просторечие и разговорный литературный язык. Рассмотренный материал показывает, что расстояние между литературным языком и языком диалектным, каждый из которых является частью общей русской речевой культуры, не так уж велико, а граница между ними в семантическом и словообразовательном пространстве общерусских слов далеко не всегда определена¹³. Этот момент принципиально важен и в аспекте языковой политики, в аспекте оценки диалекта как идиома, равноправного с другими идиомами национального языка¹⁴; оценки, исключающей высокомерное отношение к диалектному языку и, следовательно, к тем, кто им пользуется. Диалектный язык идеально приспособлен для осуществления коммуникативных функций на территории своего существования. Задача диалектологов, лексикографов — показать, что современные диалекты — это не собрание экзотических слов-раритетов, а живая, развивающаяся, изменяющаяся ветвь национального языка.

Сокращения

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–12. М., 1980–2004. Издание продолжается.

ОСАГ — Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 2006.

Примечания

¹ Пак М. К. Общерусское слово в диалектной системе (имя существительное). Автореф. ... д-ра филол. наук. Республика Казахстан, Алматы, 2010. С. 14.

² Нефедова Е. А. Архангельский областной словарь в типологии диалектных словарей // Вопр. рус. языкознания. Вып. 2. Архангельские говоры. М., 2003.

³ Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1. М., 1980. С. 8.

⁴ Попов И. А. Рец. на книгу: Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–5. М., 1980–1987 // Вопр. языкознания. 1989. № 6. С. 152.

⁵ Гецова О. Г. Русская диалектная лексикография. «Архангельский областной словарь» / Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Труды и материалы. М., 2001. С. 475–476; Гецова О. Г. Место общерусской лексики в лексических системах современных говоров (в свете новых диалектных данных) // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Екатеринбург, 1999.

⁶ Мокиенко В. М. Отзыв о 10-ом выпуске «Архангельского областного словаря» (рукопись).

⁷ Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня 1. М., 2000.

⁸ См. об этом: Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.

⁹ Лексемы *жизнь* и *жисть*, о соотношении которых см.: Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008; в словарной статье АОС подаются как фонемные варианты. Географические пометы, а также указания на синонимы и варианты к каждому из словозначений, обязательные для АОС, в настоящей статье опускаются. Курсивом выделены особенности сочетаемости лексикографируемого слова.

¹⁰ Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 165.

¹¹ См.: Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008. С. 288–290.

¹² Словарь русского языка. Т. 1. М., 1981.

¹³ «...русская речь не так жестко членится на отдельные варианты, как это нередко представляется, ...от народных говоров до самых высоких сфер функционирования литературной речи тянутся разной длины и разной мощности связующие нити, скрепляющие единство русской речи» (Гольдин В. Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. М., 2000. С. 63. См. также: Гольдин В. Е. О состоянии русского языка // Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1999.

¹⁴ См. об этом: Калнынь Л. Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопр. языкознания, 1997. № 3.

НАРОДНАЯ ПРИМЕТА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОТОБРАЖЕНИИ

Закрепленность народной приметы за определенной сферой жизнедеятельности человека определяла и определяет выбор тематического принципа расположения примет в словаре или паремиологическом сборнике.

Первым опытом тематической репрезентации примет стал словарь В. И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа» (1861–1862), где приметы представлены под рубриками «Человек-приметы», «Суеверия-приметы». Отдельные прогностические паремии вошли в разделы «Месяцеслов» и «Земледелие», они затрагивают природные явления и сельскохозяйственные трудовые процессы.

М. Забылин в сборнике «Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» (1880)¹ четко разграничивает «хозяйственные приметы», отражающие календарь земледельца, и погодные приметы «по солнцу и облакам». В разделе «Приметы и симпатии» представлены группы суеверных примет: «Предчувствие тараканов», «Ворон-предсказатель», «Отламывать лишний кусок хлеба» и т. п.

В сборниках XX в. все чаще появляются материалы профессиональных сфер: охотничьи, рыболовецкие, ремесленные, скотоводческие, пчеловодческие приметы².

Порядок расположения тематических групп примет в словаре или сборнике, как правило, алфавитный, как, например, в «Энциклопедии русских примет» Е. А. Грушко и Ю. М. Медведева (2000)³. В. И. Зимин и А. С. Спирин, посвятившие приметам две главы своего словаря «Пословицы и поговорки русского народа» (1996)⁴, пытаются соблюсти определенную логическую последовательность расположения тематических групп («Человек» — «Общество» — «Труд» — «Крестьянский труд» — «Достаток» и т. п.), но не ставят задачу научно систематизировать материал.

Однако тематическая классификация материала не всегда производится авторами-составителями словарей с учетом логической структуры примет. Данные паремии, как известно, состоят из двух частей: первая часть обычно отражает наблюдаемый факт (*первый гром гремит в постный день*), на основе которого строится прогноз, передаваемый во второй части (*летом будет ловиться рыба*). Адекватная тематическая систематизация примет, в отличие от паремий других типов, непременно должна быть двухмерной, учитывающей как сферу прогноза, так и сферу наблюдения. Этот принцип классификации и расположения материала и реализуется в Большом словаре народных примет⁵.

В I части словаря (она называется «И будет тебе счастье», или Приметы на любой случай») материал группируется по темам-рубрикам, отражающим сферу прогноза. Темы располагаются по алфавиту: ВАМПИР, ВДОВСТВО, ВЕДЬМА, ВЕЗЕНИЕ, ВЕРНОСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ и т. п. Отдельные наиболее крупные рубрики

допускают дальнейшее структурирование по тематико-идеографическому принципу — ВЕСНА: ранняя весна, поздняя весна, дружная весна, затяжная весна, теплая весна, холодная весна, дождливая весна, сухая весна. Внутри этих рубрик-таксонов приметы располагаются в алфавитном порядке (по первой букве первого компонента).

ВЕСНА

— Ранняя весна:

Грачи рано прилетают — к ранней и теплой весне. Хренов, 42–43.

Дятел в январе (рано) стучит — к ранней весне. Грушко, Медведев, 408; Сими́на, 108; Smeha-2006.

Если журавли рано прилетели — к ранней весне. Хренов, 42.

Если линь (налим) рано икру пустит, то всякая рыба будет нереститься рано и весна будет ранняя (Олон. губ.) Ермолов, Nbut-2006.

И т. п.

— Поздняя весна:

Дмитрий (8 ноября) на снегу — весна поздняя. Bio-2006; Otmech-2006.

Дятел только в марте застучал — поздняя весна будет. Сими́на, 108; Панорама, 2006, № 9; Neptun-2006.

Если метель и снег на Аксинью-полужимницу (6 февраля) — весна поздняя и с осадками. Smeha-2006.

Если на Антипа-половода (24 апреля) воды не вскрылись, то весна поздняя и лето плохим простоят. Smeha-2006; Bio-2006.

И т. п.

— Дружная весна:

Если на Герасима-грачевника (17 марта) грачи летят прямо на свои старые гнезда, то весна будет дружной, вода сбежит вся разом. Даль ПРН, 876; Забылин, 286; Хренов, 42–43.

Если на Кирилла (6 апреля) ночь теплая — весна будет дружная. Нар. прим., 104.

Если на Татьяну (25 января) стоит ясная погода или сквозь тучи проглядывает солнце — к дружной весне и хорошему клеву по открытой воде. Mirrub-2006.

Если ночь на Благовещенье (7 апреля) теплая, то весна будет дружная. Грушко, Медведев, 25; Smeha-2006; Нар. прим., 105; Соловьева, 110.

И т. п.

— Затяжная весна:

Декабрь теплый и сырой — к затяжной и холодной весне. КП, 23.12.05.

Дикие утки весной прилетают жирные — весна предстоит долгая. Хренов, 42; Ермолов, Nbyt-2006; Smeha-2006.

Длинные сосульки в конце февраля — к долгой весне. Smeha-2006; Neptun-2006; Нар. прим., 68.

Если лягушки спрячутся в болоте и не слышно их весной — морозы еще будут. (Пск.) Мельникова, 246.

Во второй части словаря рубрики отражают сферу наблюдения. Таким образом, два тематических «входа», два типа доступа к основному массиву примет значительно повышают информативность словаря и его практическую ценность (с точки зрения житейского сознания).

Ученым-лингвистам, культурологам, лингвокультурологам, социолингвистам, психолингвистам первая часть словаря позволит сделать выводы о приоритетах житейского сознания, об особенностях русской языковой картины мира на тех ее участках, где приметы выступают как целостные лингвокультуремы. Вторая часть словаря, раскрывающая этнокультурный потенциал отдельных компонентов примет, в том числе слов-символов, даст возможность пополнить реконструкцию языковой картины мира новыми сведениями лингвокультурологического характера.

Рядовой носитель русского языка, заинтересованный или не заинтересованный в чем-либо и идущий от соответствующей темы (*БРАК, ВЫПИВКА, ОБМАН, УДАЧА* и т. п.), в первой части словаря получит полный набор признаков осуществления/неосуществления, наступления/ненаступления желаемого (нежелаемого) факта, события. Вторая часть словаря подскажет ему, за какими реалиями окружающего мира нужно наблюдать, чтобы всегда быть в курсе предстоящих событий, и каким прогностическим подтекстом обладают те или иные природные явления, бытовые предметы, поведение животных. Не случайно именно этот раздел словаря издан отдельной книгой под названием «Большая книга примет»⁶.

ЗАКАТ (солнца)

Если закат пурпурного цвета — значит, быть большому снегу или бурану с морозом. Smeha-2006.

Если закат ясный и эхо в воздухе звучно раздается — будет следующий день хороший. Fire-2006; Ермолов, Nbyt-2006.

Если облака при закате солнца следуют за ним — ожидай сильных ветров. (Чуваш.) Ермолов, Nbyt-2006.

ЗЕРКАЛО

Если смотреться в разбитое зеркало — заработаешь большие неприятности. Earnik-2005.

Зеркало напротив входной двери уберезет дом от зла, отразит его. Slo-2005.

Зеркало напротив двери в гримерке — к неудаче. (Актерск.) Зед, 18.
Зеркало разбить — к разлуке. Прошина, 29.

ЗАЯЦ

Встретить зайца, белку — к худу. Даль ПРН, 940.

Вы побежали за зайцем и, споткнувшись, упали — к дальнему путешествию, наполненному приключениями, которые пощекочут вам нервы. Ezo-2007.

Если в зайцах много жиру, то зима будет суровая. Ермолов, Nbut-2006; Грушко, Медведев, 114; Smeha-2006.

Если весной долго не линяют зайцы — долго будет холод. (Тобол. губ.) Ермолов, Nbut-2006.

Если встретишь весной белого зайца — снег обязательно еще выпадет. Сими́на, 108; Smeha-2006.

Источниками материала для словаря послужили паремиологические сборники XIX–XXI вв., тексты СМИ, интернет-сайты, устная речь (фиксации последних 10 лет).

В отличие от всех имеющихся сборников примет в словаре дается библиографическая паспортизация материала: каждая паремия сопровождается указанием источников, в которых она зафиксирована. Пространственно-временные параметры функционирования примет отражают географические пометы и датировку источника в словарной статье или в библиографическом списке.

Система лингвокультурологического комментирования примет включает изъяснение компонентов-диалектизмов непосредственно в рамках заголовочной единицы: *Дождевница /зяблик/ засвищет — к дождю.* Пск. (Мельникова, 243); *Канюк /чайка/ закричит — к дождю.* Арх. (Сими́на, 105); *Конюх /чибис/ кричит: пить, пить — к дождю.* Смол. (Nbut-2006). *Если летом очень много чемерицы /полевого осота/ — зимою будет очень холодно.* Чуваш. (Nbut-2006).

Компоненты-символы получают более развернутый комментарий, который позволяет осмыслить механизм формирования прогностической семантики паремий:

МОНАХ... ** Приметы, в которых присутствует образ монаха, священника, одетого в черное, строятся на символике черного цвета, который в мифологических представлениях русского человека является цветом зла, коварства, опасной неизвестности.

ЗЕРКАЛО... ** Символика зеркала у славянских народов строится на осмыслении основных свойств и функций зеркала — отражения и удвоения. Зеркало воспринимается как граница между земным и

потусторонним миром, оно считается опасным предметом, обращение с которым требует особой осторожности. То, что можно увидеть в зеркале, принадлежит потустороннему миру и относится к области смерти и нечистой силы. Принято считать, что особую опасность для людей зеркало представляет ночью, в то опасное время, которое принадлежит потусторонним силам. Подсматривая за чужим отражением, человек вторгается в очень интимные процессы и может нанести вред другим людям. Все это обусловило многочисленные запреты, распространяющиеся на зеркало в славянской традиции.

Культурологически ценную информацию содержат и примечания— «инструкции» по нейтрализации примет: *Зеркало разбить — к худу* (Даль ПРН, с. 925; Arhangel-2006). ** Чтобы нейтрализовать примету, нужно попросить кого-л. похлопать вас по спине (Нар. прим., 20). Обязательно вынести осколки из дома и сразу же купить новое зеркало (Eldars-2005). Осколки зеркала зарыть в землю (Slo-2005). Крупные осколки окрасить черным или погрузить в воду (Kul-2006). Беду можно отвести такими словами: «Зеркало разбивается, беда рабы (имя) не касается» (Poehaly-2006).

В словарь вошли не только традиционные народные приметы, аккумулирующие многовековой опыт прогнозирования событий на основе реальных связей и символики вещей, но и юмористические приметы-«приколы». Подобные единицы пословичного типа (*баба с возу вылетит — не поймаешь*) уже нашли отражение в словаре Х. Вальтера и В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» (2006)⁷. Приметы, создаваемые с целью реализации комического эффекта, не менее оригинальны, не менее популярны и безусловно заслуживают лексикографической фиксации как факты современного народного паремийотворчества. Приметы-приколы собраны в особом разделе под названием «Иногда банан — это просто банан», или «Приметы-приколы».

Если вы проснулись утром и вам не надо вставать, значит, вы спали стоя. Kamishin-2006.

Водка льется тяжело и натужно — жди ее обратно. Kal-2004.

Водку с пивом пить — голова болеть будет. Hip-2006.

Глаза красные — хорошо покурил. (Нарк.) Hip-2006.

Впервые надёванное белоснежное исподнее — к проливному дождю или внезапным месячным. Smart-2007.

Чтобы в лесу узнать, где юг, нужно посмотреть на дерево. Если дерево — пальма, то юг уже здесь. Vknt-2006.

И т. п.

Нашли отражение в словаре и приметы-регионализмы, записанные в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Пскове, других городах России и ближнего зарубежья (раздел «А у нас в Караганде...», или «Приметы местного значения»).

Заветные желания исполнятся, если молодожёны выпьют шампанское около Сфинксов; после этого надо написать желания на бумаге, положить в пустую бутылку и бросить в Неву. (СПб.) Best-2007.

На космодроме «Байконур» перед вылетом принято на удачу смотреть фильм «Белое солнце пустыни». ТВ-Р, 12.04.06.

На Площади звезд в белорусском Могилеве появился необычный памятник — звездочет у телескопа. У студентов с памятником уже связана примета: если дотронуться до лба ученого, сессия будет сдана на «отлично». Newspo-2007.

Пройти по стене кремля в Пскове — к разлуке. Запись 2008 г.

Индивидуальные приметы, которые объединит заключительная часть словаря под названием «Если я сварю сосиску», или «Приметы для личного пользования», представляют определенный интерес для лингвоперсонологии и для рядового носителя русского языка.

Алексей Смертин /бывший игрок ФК «Фулхэм», Великобритания/ всегда на удачу шнурует бутсы с правой ноги. Mag-2007.

Бракамонте /бывший игрок футбольной команды «Москва»/ постригся — удача ушла. Белоус запретил Бракамонте стричься, тот отрастил шевелюру и опять играет очень удачно. ТВ-Спорт, 22.04.07.

Бытовая техника, которую я покупаю в четверг, портится сразу же. Запись 2007 г.

В гардеробе всегда вешаю куртку на № 3 — это к удаче. Еще мои счастливые номера — 9, 33. Запись 2007 г.

И т. п.

Таким образом, реализованная лексикографическая концепция позволила отразить реальное состояние фонда русских примет, а также показать возможности словарной параметризации примет как особого типа русских паремий.

Сокращения

Даль ПРН — Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Грушко, Медведев — Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Энциклопедия русских примет. М., 2000.

Ермолов — Ермолов А. С. Народные приметы на урожай. СПб., 1905.

Забылин — Забылин М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.

Зед — Зед С. Приметы и суеверия. Полное руководство. М.; СПб., 2005.

- КП — Комсомольская правда. Газета. М.
- Мельникова — *Мельникова Е. Г.* Парадигматические отношения в лексике (на материале наименований погоды в псковских говорах). Дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2004.
- Нар. прим. — Народные приметы. Кострома, 2004.
- Панорама — 7 дней. Ежедневная газета. Псков.
- Прошина — *Прошина Л.* Черный кот и разбитое зеркало. М., 1993.
- Сими́на — *Сими́на Г. Я.* Народные приметы и поверья Пинежья // Русский фольклор, XXI. Поэтика русского фольклора. М., 1981. С. 99–114.
- Соловьёва — *Соловьёва В. А.* Славянские предсказания будущего. СПб., 2005.
- ТВ-Р — Телеканал «Россия 1».
- ТВ-Спорт — Телеканал «Россия 2».
- Хренов — *Хренов А. С.* Народные приметы и календарь. М., 1994.
- Arhangel-2005–2006: <http://www.arhangel.ru>
- Best-2007: [Http://www.best-wedding.ru](http://www.best-wedding.ru)
- Bio-2006: <http://www.biografia.ru>
- Bknt-2006: <http://www/bknt.ru/humor/>
- Earnik-2005: <http://earnik.com>
- Eldars-2005: <http://eldars.sitecity.ru>
- Ezo-2007: <http://ezo.sestrenka.ru>
- Fire-2006: <http://fire777/hl.ru>
- Hip-2006: <http://hip-hop.sib.net>
- Kal-2004: <http://www.kaliningrad.tv>
- Kul-2006: <http://www.kulichki.com>
- Mag-2007: <http://mag.org.ua>
- Mirryb-2006: <http://www.mirrybolova.com/articles>
- Nbyt-2006: <http://nbyt.steeka.com/pages/primet>
- Neptun-2006: <http://www.neptun8.ru>
- Newspo-2007: <http://6-04.newspo.ru>
- Otmekh-2006: // <http://www.otmechaem.narod.ru>
- Poehaly-2006: <http://www.poehaly.narod.ru>
- Slo-2005: <http://sloboda/kharkov.ua>
- Smart-2007: <http://forum.smartlogic.ru>
- Smeha-2005–2006: <http://www.smeha.net/narod/primety>

Примечания

¹ *Забьлин М.* Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.

² *Минько Л. И.* Суеверия и приметы. Минск, 1975; *Шахнович М. И.* Приметы верные и суеверные. Л., 1984.

³ *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Энциклопедия русских примет. М., 2000.

⁴ *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М., 1996.

⁵ *Никитина Т. Г., Рогалева Е. И., Иванова Н. Н.* Большой словарь русских примет. М., 2009.

⁶ *Никитина Т. Г., Рогалева Е. И., Иванова Н. Н.* Большая книга примет. М., 2010.

⁷ *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. СПб., 2006.

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ: ПИСАТЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Отечественная писательская лексикография неразрывно связана с именем Бориса Александровича Ларина и его научной школой. Ларинская школа — это не просто оригинальность и глубина исследовательских идей, основательность и тщательность в проработке материала. Это — настоящий научный прорыв, который во многом определил картину русской писательской лексикографии середины — второй половины прошлого столетия.

Сегодня писательская лексикография (ПЛ) относится к числу динамично развивающихся направлений словарной науки. Проявляется это не только в публикации большого числа словарей, но и в усилении внимания к теоретическим основаниям и истории развития направления. Пониманию и объективной оценке современного состояния ПЛ способствует обращение к этапу ее возникновения и становления, который изучен пока недостаточно. В данной статье мы затронем некоторые вопросы, связанные с ранним этапом в истории писательской лексикографии.

Периодизация русской ПЛ впервые была представлена в работе О. И. Фояковой «Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990)»¹. Рамки первого периода О. И. Фоякова определяет так: 1880–1910-е гг. Нижняя граница соотносится здесь со временем публикации «Словаря к стихотворениям Державина», составленного акад. Я. Гротом². Полагаем, что она может быть сдвинута — по крайней мере к 1860-м гг. При характеристике раннего периода писательской лексикографии важно не только представить словари этого времени, но и показать сам процесс «вызревания» идеи создания словарей писателей. Такая идея высказывалась, а в некоторых случаях и определенным образом оформлялась еще до издания Словаря Державина.

Важное научно-филологическое и культурно-образовательное значение словарей языка русских писателей было осознано у нас еще в первой половине XIX в. В Предисловии к «Словарю церковно-славянского и русского языка 1847 г.» один из вопросов, которые обсуждались при планировании словаря, звучал так: «Не полезнее ли, прежде приступа к составлению его, издать лучших писателей наших и составить для каждого из них особый Словарь, подобно как составлены были предварительно частные Словари к Греческим и Римским классикам, а потом уже приготавливались общие Словари Греческого и Латинского языков?»³. В результате обсуждения этого вопроса Второе отделение Академии наук пришло к выводу о том, что составление словарей писателей не имеет необходимой базы и затянет издание планировавшегося словаря на неопределенное время.

К началу 1860-х гг. относятся публикации академика П. С. Билярского, содержащие предложение о составлении словарей русских писателей с участием преподавателей русской словесности и образец стилистического разбора первой

строфы оды «На взятие Хотина» как своего рода пробы для планировавшегося словаря к сочинениям Ломоносова. В предисловии к разбору фрагмента названной оды Ломоносова Билярский обосновывал необходимость создания писательских словарей, учитывая интерес в этом деле «ученый и педагогический»: «Составление словаря по писателям необходимо: во-первых, для того, чтобы приобрести материал, на котором можно бы было положительно развить идею высшего курса русской грамматики, который нужен как для средних, так и для высших учебных заведений, и без которого даже историческое направление грамматики будет односторонним; во-вторых, для воссоздания забытой и забытой ныне стилистики, или теории слога, как науки, нужной не только для руководства молодых людей в литературной практике, но и для положительной оценки языка писателей; в-третьих, для истории успехов языка в ходе литературы: эта история должна возникнуть из применения помянутых двух наук к оценке языка писателей, одного вслед за другим, а словари будут доставлять материальное пособие для этой оценки»⁴. Основываясь на мнении рецензента, ученого и педагога А. Д. Галахова, ученый комитет Министерства народного просвещения сделал заключение, что «мысль г. Билярского — приступить к составлению словарей русских писателей — заслуживает полного внимания, <...> с целью <...> собрания материалов для высшего курса грамматики и для истории успехов русского языка в ходе литературы. Такой обширный и сложный труд, по мнению ученого комитета, с успехом может быть выполнен только совокупными усилиями общества ученых, вполне подготовленных для подобных занятий, и притом имеющих возможность в общих совещаниях между собою разрешать возникающие недоумения и соглашаться как в основах труда, так и в его направлении. Посему приглашение к принятию участия в этом труде указываемых г. Билярским учителей словесности <...> едва ли может обещать успех делу, хотя бы для исполнения его и было предварительно составлено подробное наставление»⁵. Не получившая продолжения работа Билярского стала первой «задокументированной» попыткой словарного представления языка писателя.

В становлении отечественной ПЛ играли роль факторы как внешнего, так и внутреннего порядка. К моменту первых обсуждений в русской филологии идеи лексикографического описания языка художественной литературы уже существовали словари к творчеству писателей (античных и нового времени) в других национальных лексикографиях — в английской, немецкой, французской, итальянской (см. работы В. Ф. Саводника, Г. О. Винокура, Р. Р. Гельгардта, О. М. Карповой⁶). Опыт западноевропейской лексикографии в ее писательской части обуславливал у нас в определенной степени выбор форм словарного представления художественного языка.

Возникновение ПЛ подготавливалось и самим ходом развития отечественной лексикографии. XIX в. справедливо признается важнейшим этапом в ее истории. Основные события этого времени — переиздание «Словаря Академии Российской» (1806–1822), публикация «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847), издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (1863–1866), публикация «Материалов для словаря древнерусского языка по памятникам письменности XI–XVII вв.» И. И. Срезневского (1890–1903), начало работы в середине 1880-х гг. над третьим академическим словарем и выход в

свет на рубеже веков первых томов гротовской и шахматовской редакций «Словаря русского языка».

Существенной чертой лексикографии XIX в. и ее теоретических обобщений стало «все более четкое осознание и оформление отличительных признаков филологического словаря, его несходных с энциклопедией, сложных и разнообразных функций», «выдвижение в качестве ведущего типа толкового словаря национального языка»⁷. Характерным явлением лексикографической практики столетия стало и утверждение художественной литературы как источника материала для словарных трудов. В первой трети XIX в. эту линию проводил президент Российской Академии А. С. Шишков (в рамках задуманного им словопроизводного словаря), в середине — составители Словаря 1847 г. (число примеров из художественных произведений, по сравнению с прежними словарями, в нем увеличилось, хотя в круг авторов не вошли многие выдающиеся писатели). В конце столетия последовательно и широко использовалось лексическое богатство классической литературы в словаре Грота—Шахматова. При его составлении велась определенная работа и над писательскими словарями.

К началу шахматовского периода в истории создания «Словаря русского языка» в Отделении русского языка и словесности АН были кроме прочих материалов два словаря писателей к произведениям Ломоносова (автор Н. А. Смирнов) и Крылова (автор В. И. Срезневский)⁸. Сам А. А. Шахматов, считавший необходимым расписать полностью лексику 10 авторов «первой группы» (в алфавитном порядке это: Аксаков, Гоголь, Гончаров, Грибоедов, Крылов, Лермонтов, Островский, Пушкин, Л. Толстой, Тургенев), предполагал составление сначала полных словарей их произведений. Важно сказать, что под словарем «понимался не толковый словарь языка писателя, а перечень слов, употребляемых писателем, с цитатой к каждому слову. Он [Шахматов. — Л. III.] сам увлеченно работал над словарем к „Горе от ума“ Грибоедова»⁹. Однако эта идея, даже не толковых, а цитатных словарей писателей, — при всей масштабности проекта Шахматова по созданию словаря-сокровищницы — едва ли могла получить развитие. Вместе с тем именно «шахматовской редакцией» Словаря русского языка было в большой степени подготовлено оформление в отечественной лексикографии словарей разных типов, в том числе — языка писателя¹⁰.

К сказанному следует добавить, что развитие русской писательской лексикографии, безусловно, определялось также общим «состоянием науки о языке и последовательной сменой лингвистических интересов к разным сторонам существования языка, а также самими взглядами на язык писателя»¹¹.

Переходя непосредственно к характеристике раннего периода в истории ПЛ, сразу отметим, что уже в это время формируются начальные теоретические основы словарного направления. Они складываются из положений работ исследовательского характера, программ словарных проектов, размышлений составителей еще немногочисленных писательских справочников.

Вопрос о словаре языка писателя, на примере словаря Пушкина, был поставлен Е. Ф. Будде в «Опыте грамматики языка А. С. Пушкина»¹². Подчеркивая различия между грамматикой и словарем Пушкина, Будде формулировал назначение каждого из этих научных трудов, признавал их необходимость и важность в изучении истории русского литературного языка. «Нет никакого сомне-

ния в том, — писал он, — что задача составителя Грамматики и задача составителя словаря языка Пушкина — две разные задачи, и обе одинаково представляют собой настоятельную нужду нашего языкознания, но настолько обширны, каждая сама по себе, что они — не под силу одному лицу, и, в случае разделения труда, требуют для своего выполнения очень продолжительного времени. Если путем справок в Грамматике мы должны решить вопрос, как изменяется то или другое слово у Пушкина, какое управление или согласование известно языку Пушкина, то Словарь его языка даст нам точный ответ на вопрос: есть ли такое-то слово в языке Пушкина, насколько это слово было у него употребительно, является ли оно теперь устарелым или нет [разрядка наша. — Л. III.]. Ясно, что как первый ряд вопросов, так и второй одинаково необходимы для истории нашего литературного языка»¹³. Представляя себе сложившуюся картину писательской лексикографии, можно сказать, что в этих рассуждениях просматривается идея не только многопараметрового словаря писателя, но и разных форм словарного представления авторского языка (например, словоуказателя и частотного справочника).

Среди публикаций этого времени наибольший интерес представляет статья В. Ф. Саводника «К вопросу о Пушкинском словаре»¹⁴. Наряду с конкретными предложениями по составлению словаря Пушкина она содержала и рекомендации общего характера.

Саводник, как и Грот (см. далее), утверждал важность словаря писателя в выявлении особенностей его творчества. «Один только словарь дает возможность установить все индивидуальные особенности языка какого-либо писателя, излюбленные им обороты, идиоматические выражения. При чтении эти особенности легко могут ускользнуть от внимания, по своей незначительности; а между тем именно эти незначительные и даже нехарактерные идиоматизмы языка и могут иногда послужить лучшим доказательством принадлежности того или другого произведения данному автору»¹⁵. Ученый выделял несколько принципов составления авторского словаря, которые сохраняют свою значимость и в настоящее время. Это размещение в словаре примеров в хронологическом порядке (ибо подобно «языку целого народа, язык всякого отдельного писателя никогда не остается неизменным на протяжении всей его литературной деятельности»¹⁶), важность широкого иллюстрирования слов, контекстной подачи их в словаре (ибо выяснение индивидуальных особенностей языка и стиля писателя «возможно лишь в том случае, если всякое приводимое в словаре слово или выражение будет дано не изолированно, а вместе с соответствующим контекстом»¹⁷), учет и использование преимуществ конкорданса в описании языка автора.

Углубляясь в размышления над тем, чем может быть полезен словарь писателя, Саводник отмечал, что такой словарь «укажет исследователю, какие предметы, какие представления чаще всего останавливали на себе внимание автора, как эти представления ассоциируются друг с другом, из какой области всего охотнее заимствует он свои метафоры и сравнения и т. д.»¹⁸, и добавлял далее, что «словарь, построенный по системе «конкорданций», представляет собой наиболее удобное средство для выяснения <...> устойчивых ассоциаций, представлений и наблюдений над ними, дающих возможность раскрыть индивиду-

альные особенности мышления данного автора и характерные черты его психической организации вообще»¹⁹. Существенна также, по его мнению, роль конкордансов в изучении «элементов эстетического воздействия», т. е. художественных образов. Словарь, «дающий не слова, а сочетания слов», «извлекает эти художественные образы из произведений писателя, группирует их по определенным внешним признакам и дает таким образом исследователю-эстетику весьма ценный материал для наблюдений и выводов, требующий, конечно, с его стороны уже новой специальной переработки»²⁰.

Перекликаются с этими размышлениями В. Ф. Саводника и филологические труды Андрея Белого. Мысль о необходимости создания словарей поэтического языка звучит у него неоднократно. Ср.: «выбор слов индивидуален у каждого поэта; должны бы существовать словари к каждому поэту»²¹. «Следует составить словари поэтов и потом их сличить»²². В известной статье «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» (написана в 1916 г., опубликована в 1922 г.), обсуждая идею создания поэтических «цитатных» словарей как способа изучения художественного творчества, А. Белый писал: «Как поэты видят природу? Краски зрения их — изобразительность слова: эпитет, метафора и т. д. Необходимо их знать; необходима статистика; необходим словарь слов: Баратынского, Пушкина, Тютчева. В руках чуткого критика словари — ключи к тайнам духа поэтов <...> Критику недостаточно чуткости; проникновеннее в цитату и в сумму их индивидуально всегда; нужна квинтэссенция из цитат — предполагающая нелегкую обработку словесного материала»²³. Задавая далее вопросом: «Каково отличие солнца Пушкина от солнца Тютчева?», А. Белый отвечает: «Лишь цитатные суммы решат нам вопрос»²⁴ — и проводит на основе выбранных им цитат (как бы из несуществующих словарей) опыт сравнения слов, передающих образы неба, месяца, солнца, воздуха и воды в поэзии Баратынского, Пушкина, Тютчева. Заметим, что словари «цитатных сумм» — конкордансы к творчеству выбранных А. Белым поэтов были созданы значительно позже²⁵.

Обращение к словарям раннего периода показывает, что это были, как правило, словари языка отдельного писателя-классика. К ним относятся кроме гrotовского словаря словоуказатель В. Н. Куницкого к комедии Грибоедова «Горе от ума»²⁶, вокруг которого позднее стало создаваться семейство грибоедовских словарей; «Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина» К. Петрова²⁷ — первый опыт полного по составу авторского справочника; «Материалы для словаря пушкинского прозаического языка» В. А. Водарского²⁸, ставшие первой попыткой воплотить идею словаря языка Пушкина. Указанные словари уже квалифицировались как представляющие две разновидности писательского справочника: с одной стороны, конкорданс (словари Державина, Фонвизина, Пушкина), с другой — алфавитно-частотный словоуказатель (словарь-индекс к комедии Грибоедова). Параметрический характер словарей этих жанров не предполагает стилистической оценки описываемого материала, специального выделения и интерпретации черт, свойственных стилю того или иного автора. Справочники первого периода создавались в то время, когда не были разработаны семасиология, стилистика художественной речи, фразеология, поэтому не случайно то, что они носили по преимуществу регистрирующий характер, отра-

жали в разной степени состав языка автора, его лексикон (на материале всего творчества, отдельного произведения, произведений определенного жанра).

Имея в виду, что названные словари уже разбирались в указанной работе О. И. Фояковой и в других исследованиях, прокомментируем лишь некоторые моменты.

В своих рассуждениях о принципах составления писательских словарей акад. Я. Грот связывал цель такого словаря прежде всего с изучением истории общеупотребительного языка. Вместе с тем акцент на особенном у автора (касающемся семантики, грамматических форм, видов синтаксической связи и т. д.) расширял целевое назначение словаря писателя. Ср.: «Цель словаря <...> должна, кажется, состоять в том, чтобы такой частный труд мог служить материалом для истории общеупотребительного языка, для общего словаря его и грамматики. Для этой цели бесполезно было бы выписывать и располагать в азбучном порядке все употребленные писателем слова. Зачем нам знать все те случаи, в которых он ставит слово совершенно согласно с общим употреблением? <...> Изучение языка какого-нибудь писателя должно, конечно, иметь предметом знание особенностей, с которыми является у него язык, возможности видеть, каким образом он решает затруднения, представляющиеся пишущему в применении законов этого языка»²⁹. Выступая, несомненно, сторонником дифференциального подхода к словарному описанию языка отдельного автора, Грот не исключал вовсе вариант полного представления лексики в таком словаре, имея в виду произведения небольшого объема, например басни Крылова³⁰.

Как справедливо отмечает В. В. Колесов, «Словарь к стихотворениям Державина», «неполный и не совсем точный, <...> остался только первым опытом такого рода, тем не менее эта работа важна как подготовительная к его [Грота. — Л. III.] нормативному словарю русского языка»³¹. Выше мы подчеркивали роль общей лексикографии в создании ранних словарей языка писателей. Здесь же можно говорить, по-видимому, о том влиянии, которое могла оказать работа ученого над писательским словарем на характер его дальнейшей общелексикографической деятельности.

«Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина», по оценке Г. О. Винокура, представлял собой «труд законченный и цельный, единственный законченный труд этого рода вплоть до нашего времени» (т. е. до конца 1940-х гг.)³².

Анализ словаря Петрова был проведен и представлен в развернутой рецензии известным филологом и лексикографом В. И. Чернышевым (рецензия была опубликована в 1906 г. в Известиях Отделения русского языка и словесности АН)³³. Это был, по сути, первый полноценный научный отклик на словарь писателя.

В. И. Чернышев проанализировал, по его словам, количественные и качественные недостатки словаря, и это обычно отмечают современные исследователи. Важно, однако, что рецензия Чернышева содержала и положения методического характера, касающиеся словника в писательском справочнике, объяснения значений и др. вопросов. Ученый считал, что, составляя словарь к тому или иному писателю, «необходимо собрать не только полный перечень употребляемых слов, во всех разнообразных их значениях, но нужно обращать внимание и на грамматические формы слов. Если в склонении, в спряжении, в управлении слов есть у данного автора какие-нибудь особенности, их очень желательно видеть в

словаре. Для примеров лучше всего брать слова именно с такими особенностями»³⁴. Называя далее отсутствие значений слов главным недостатком словаря Петрова, Чернышев счел необходимым сделать одно замечание о возможности дифференциального подхода к объяснению слов: «Конечно, нет нужды в словаре к какому-либо писателю давать объяснения всех слов, какие у него встречаются. Многие слова отличаются устойчивостью своих значений. Необходимо, однако, объяснить все те слова, которые отличают его сочинения. Отличия эти могут быть трех родов: 1) сравнительно с языком предшествующих писателей, 2) сравнительно с языком современников, 3) сравнительно с языком последующих эпох»³⁵. Как видно, позиция В. И. Чернышева в отношении устройства словаря писателя сближалась с точкой зрения акад. Я. Грота.

Прежде чем перейти к вопросу о ранней пушкинской лексикографии, коснемся еще двух работ.

Упоминания заслуживает одно из сочинений словарного типа этих лет. Имеем в виду составленный поэтом Яковом Полонским «Алфавитный список слов, сочиненных В. Г. Бенедиктовым, видоизмененных или никем почти не употребляемых, — встречающихся в его стихотворениях» (опубликован в 1902 г. в первом томе редактировавшегося Я. Полонским двухтомного собрания сочинений Бенедиктова)³⁶. Опыт Полонского — это одна из первых попыток представить в словарной форме новые, созданные или преобразованные автором лексические единицы, а также слова редкого употребления в языке поэта.

Словник включает единицы разных частей речи, иногда в скобках даются пояснения, приводятся слова, с которыми сочетаются выбранные единицы. См., например:

Безсвадебный (ая судьба). <...>
Безпоклонный.
Безпокровный (ая вместо голая). <...>
Вальсовое кружение (вм. вальс). <...>
Венчательный (день). <...>
Видозвездный (дворец). <...>
Волноборец-водорез (т. е. корабль). <...>
Волнотечность. <...>
Всегрызущий (ее время) (ий зуб времени). <...>
Всекосящий (ая коса смерти).
В перерост. <...>
Головосек (меч).
Громоглагольный. <...>
Кадильно.
Круто-гнутой.

Словник Я. Полонского положил начало одной из разновидностей стилистических писательских словарей, описывающих определенный класс языковых единиц как черту идиостиля писателя.

К первому периоду относится и «Словарь литературных типов» под ред. Н. Д. Носкова³⁷, изданный в 1908–1914 гг. в Петрограде в семи томах (I — Тургенев, II — Лермонтов, III — Гоголь, IV — Аксаков, V — Грибоедов, VI — Пушкин, VII — Гончаров). Здесь описываются реалии литературного текста, эпоха, в которую творил писатель, приводятся сведения из его биографии и т. д. В томах основные рубрики повторяются, однако в составе рубрик наблюдаются и различия.

Например, в т. I (вып. 1–2, 1908), посвященном И. С. Тургеневу, содержатся: «Словарь литературных типов» (с. 9–182), «Указатель типов, образов и лиц» (с. 183–294), «Перечень произведений И. С. Тургенева и входящих в них типов, образов, лиц и имен» (с. 296–305), «Источники для изучения Тургенева» (с. 304–305), «Группировка тургеневских типов и образов (по классовым признакам)» (с. 310–311), «Образы животного мира» (с. 312–314).

В т. 7 (вып. 9–10, 1914), посвященный И. А. Гончарову, входят: «Словарь литературных типов» (с. 7–292), «Список лиц, имен и предметов» (с. 293–324), «Перечень произведений И. А. Гончарова и входящих в них типов, образов, лиц и имен» (с. 325–334), «Главнейшие источники для изучения Гончарова» (с. 336–338), «Группировка (классовая) гончаровских типов и образов» (с. 357), «Прототипы» (с. 358–360), а также «Дополнения и поправки» (с. 361–366).

Сводный словарь под ред. Н. Д. Носкова предстает как литературно-энциклопедическая разновидность писательского справочника.

На начальном этапе ПЛ начинает реализовываться идея словаря языка Пушкина, которая, как считается, впервые была высказана еще И. И. Срезневским. К данному периоду относится несколько проектов и разных по жанру публикаций, связанных с лексикографированием пушкинского языка. Это проект князя А. И. Урусова (1898–1899), уже упоминавшиеся незавершенные «Материалы для словаря пушкинского прозаического языка» В. А. Водарского (1901–1905) и статья В. Ф. Саводника «К вопросу о Пушкинском словаре» (1904), публикация акад. А. И. Соболевского «План словаря языка А. С. Пушкина» (1905), статья акад. Ф. Е. Корша «План исследования о стихосложении Пушкина и словаря пушкинских рифм» (1905), «Программа составления словаря поэтического языка Пушкина» проф. С. А. Венгерова (1914) — руководителя Пушкинского семинария при Санкт-Петербургском университете в 1908–1913 гг. Рассмотрим названные проекты и публикации в хронологическом порядке.

Об идее словаря Пушкина, возникшей у А. И. Урусова в преддверии столетнего юбилея поэта, упоминал Г. О. Винокур в Проекте «Словаря языка Пушкина» 1949 г. Говорится о нем и в Предисловии ко второму изданию четырехтомного словаря Пушкина³⁸. «В чем заключалась работа урусовского кружка — неизвестно», — писал Винокур и повторял слова С. А. Венгерова о том, что из этой затеи «ничего не вышло»³⁹. Словаря действительно не получилось, однако некоторые опубликованные и архивные материалы помогают понять, каким Урусов мыслил себе пушкинский словарь и в какой степени это реализовалось на практике.

В сборник статей, писем А. И. Урусова и воспоминаний о нем вошли заметки «Четыре мысли по поводу чествования Пушкина» (первоначально письмо, опубликованное в газете «Биржевые ведомости» 20 декабря 1898 г.), «О пушкинском словаре» и «Пушкинский словарь»⁴⁰. В первой заметке автор размышлял о цели

создания специальных словарей отдельных поэтов: «Для изучения поэта, его психологии, его темперамента, его гения нужно, между прочим, основательное знание его языка, нужно знать запас его слов как материал его мыслей. Вот почему для Шекспира, Шелли и др. давно уже составлены специальные словари. Словарь Шекспира включает в себе все слова его сочинений и стихи, где эти слова встречаются. Словарь Шелли одному слову, например, «воздух», отводит целую страницу систематически расположенных цитат. Такие словари дают материал для интереснейших работ о богатстве языка того или другого поэта, о его неологизмах, о любимых выражениях и помыслах... Следовало бы предпринять ту же работу для Пушкина»⁴¹.

Далее Урусов предлагал конкретный план работы. Она состояла в том, что каждым сотрудником «на осьмушках обыкновенной писчей бумаги пишется: 1) первое слово данной страницы [определенной для сотрудника. — Л. Ш.], 2) стих или фраза, где это слово употреблено поэтом, 3) произведение, в котором находится этот стих или фраза, с *датой* произведения, если она известна. Та же работа для второго, третьего, четвертого слова страницы — до конца ее. Таким образом для каждого слова составляется т. н. фиша»⁴².

Предложение Урусова вызвало в обществе, как он сам писал, сочувствие, и работа началась — по семи правилам, которые сформулировал Урусов для составителей словаря. Приведем основные правила, касающиеся собственно технологии создания словаря. По ним видно, что словарь предполагалось делать полным по составу единиц и репрезентативным в жанровом отношении.

«1. Каждое без исключения слово пишется на отдельной осьмушке (фише), в правом верхнем углу узкой стороны.

2. Глаголы пишутся в неопределенном наклонении. Существительные, прилагательные и местоимения — именительном падеже единственного числа.

Примечание. Частицы: а, <...> же и проч., сколько бы раз они ни повторялись, пишутся на отдельных осьмушках.

3. Под словом выписывается целиком стих или прозаическая строка, из которых это слово взято, а потому, если в стихе, напр., 4 слова, то стих переписывается 4 раза на отдельных осьмушках.

4. Осьмушки должны содержать еще сокращенное указание произведения, из которого выписаны стих или строка, напр., Р. и Л. (Руслан и Людмила), а также том и стр. сочинения известного издания, напр. I, 13, Сув., означает I том, 13 стр. Изд. Суворина, или Л. Ф. (Литературного фонда)»⁴³.

К январю 1899 г. в работе над словарем участвовало более 30 человек. В марте планировалось передать в типографию Академии наук часть материалов, чтобы издать их к юбилею Пушкина. «Окончание всего словаря, — оптимистично писал А. И. Урусов, — может потребовать работы около года, если не встретится неожиданных препятствий, и затем тотчас же примемся за словарь Лермонтова»⁴⁴. Нельзя не увидеть здесь недооценки сложности работы над словарем писателя, ее объема, характерной для ранней ПЛ в целом.

Готовившаяся к изданию часть словаря хранится в ПФА РАН в фонде А. А. Шахматова (Ф. 134. Оп. 2. Ед. хр. 13). Здесь содержатся «Материалы к словарю Пушкина с предисловием к I тому издания». Они завершаются подписью в виде инициалов А. У. (А. Урусов) и указанием на место и дату написания текста:

Москва. 9 мая 1899. В Предисловии Урусов суммировал предварительные публикации, кое-что в них изменив (теперь речь шла только о букве «А») и затронув некоторые важные моменты. В частности, автор объяснил окончательный выбор в качестве источника словаря издания Суворина (1884 г.) «как самого распространённого» и уточнил, что задача словаря «заключается не в критике текста, а в систематизации материала для изучения и оценки как языка и слога Пушкина, так и его идей». Урусовым были перечислены все бескорыстно работавшие участники проекта, а в конце Предисловия он признавался, что в процессе создания словаря руководствовался одной мыслью — «в сущности мы мало знаем Пушкина... гораздо меньше мы знаем о Пушкине. А ведь слава, прелесть и сила поэта — в его тексте, в нем самом, в слове, которое не умирает».

Материалы к словарю состоят из страниц с наклеенными карточками, на которых разными составителями расписаны слова на букву «А», сопровождающиеся примерами употребления, иногда и пояснениями. Среди слов отмечаются как знаменательные, так и служебные (например, А. междом.), среди имен существительных — как нарицательные, так и собственные (например, Абрамович — Петр Абрамович Ганнибал, Евгений Абрамович Баратынский, ср. также: А. Г. — Андрей Гринев). Иллюстрации взяты из прозы, поэзии, статей, писем Пушкина.

Идея словаря языка Пушкина возникла в конце 1890-х гг. и в поэтических кругах — по-видимому, даже раньше урусовской. Обсуждая тему юбилея Пушкина, К. Бальмонт и В. Брюсов решили, как пишут П. В. Куприяновский и Н. А. Молчанова, что «его надо ознаменовать чем-то значительным. У них возникла идея о необходимости создать словарь языка Пушкина и обратиться по этому поводу в Академию наук. О пушкинском словаре чуть позднее писал и Урусов в статье “Четыре мысли по поводу чествования А. С. Пушкина” <...> Поэты были несколько раздосадованы тем, что их инициативу перехватили, публично ее обнародовав, но они предпринимали и реальные шаги в осуществлении выдвинутой ими идеи: Бальмонт обратился с письмом к академику А. Н. Веселовскому и связался с академиком А. А. Шахматовым, <...> занимался пробной росписью пушкинского текста; Брюсов, в свою очередь, тоже был настроен работать, занимался организационными делами, о чем говорит его запись в январском дневнике. Однако все эти начинания вскоре заглохли»⁴⁵.

В фонде А. А. Шахматова ПФА РАН (Ф. 134. Оп. 2. Ед. хр. 73) имеется тетрадь с надписью «Словарь пушкинского языка» с указанием: (К. Бальмонт?). Здесь на отдельных листах представлен фрагмент словаря «А, союз — Ах, междометие» в виде готовых словарных статей. Принадлежность этих статей, написанных четким, понятным почерком, Бальмонту весьма вероятно (известно, что почерк у поэта был четким, красивым, по выражению издателя Сабашникова, «выдержанным»).

Обращает на себя внимание структура словарных статей — она напоминает скорее толковый словарь, чем конкорданс. Например, в статье «А, союз» отмечается целый ряд значений (без специального их оформления цифрами или буквами), каждое из которых сопровождается цитатами и адресами преимущественно из поэтических текстов — стихотворений, поэм, маленьких трагедий, романа «Евгений Онегин» и др. Например:

А, союз. Противуполагает отдельный член предложения только при отрицании: А ночью слышать буду я не голос яркий соловья, Не шум глухой лесов, А крик товарищей моих, ... Лир. ст. 1833. Явились мы рано оба На ипподром, а не на торг. Черн. наброски 1830. <...>

Противуположение целых предложений: лети хоть до ночной звезды, А быть тебе без бороды! Русл. и Людм. Песнь 5. Вводит общее суждение, как основание предшествующей мысли: Он же гений, Как ты да я. А гений и злодейство Две вещи несовместные... Моц. и Сал. сц. 2.

См. толкования и в других статьях:

А, междометие. Выражает ужас.

Авось, наречие. Означает «может быть», но всегда с оттенком ожидания чего-либо желательного с будущим временем.

Агу, междометие, с которым обращаются к грудному ребенку.

«Материалы для словаря пушкинского прозаического языка» В. А. Водарского печатались на страницах «Филологических записок» в течение 1901–1905 гг. Они были основаны на художественной, исторической, критической и эпистолярной прозе Пушкина. Первый частично опубликованный словарь пушкинского языка — это, таким образом, словарь языка прозы. Типологический статус «Материалов...» определил и дал ему краткую оценку еще в процессе публикации В. Ф. Саводник. Он писал, что «словарь г. Водарского составляется по системе “конкорданций”, так что при каждом отдельном слове приводится ряд цитат из произведений Пушкина, в которых данное слово употребляется. К сожалению, автор не дает в своем предисловии никаких объяснений ни относительно общего плана своей работы, ни относительно некоторых важных частностей: напр., остается неизвестным, приводятся ли в словаре все отдельные места, в которых встречается какое-либо слово, или же только некоторые, и при том, чем руководствуется составитель при выборе цитат. Г. Водарский не ограничивается одною лишь художественною прозою Пушкина, но привлекает к анализу также и его черновые наброски и письма; мы находим этот прием вполне правильным, нужно только заметить, что за последние 10–15 лет опубликовано много пушкинских писем, не вошедших, таким образом, в издание Литературного Фонда, которым исключительно пользуется составитель: поэтому весьма значительный материал остается им неиспользованным. Тем не менее труд г. Водарского является вполне почтенным и заслуживающим полного внимания»⁴⁶.

Как видно из статьи Саводника и выпусков словаря Водарского, словник в «Материалах...» не полон, заголовочные слова даются с ударением, омонимы разводятся, в словарные статьи вводится минимальная грамматическая характеристика слов:

1. Ага — междом.

2. Ага, и, м. (тур.).

Адмиралтейский, ая, ое.

Адмиралтейство, а, ср.

Значения в словаре Водарского иногда разграничиваются. Дефиниции носят при этом обычный для толковых словарей характер, в некоторых случаях включают указание на прямое/переносное значение слова. Например, в статье к слову *адресовать* первое и второе значения формулируются так: 1. В основном значении, с указанием места, куда что-либо адресуется; 2. В знач. переносном: направлять кого к кому.

В словаре нет полноты цитации, но при наличии сходных примеров автор использует пометы: *См. еще; См. еще там же*, например:

Адвокат, а, м.

Не знаю, прибегнул ли он (Падуров) во время суда к защите сего закона; может быть он его не знал... Вот один из тысячи примеров, доказывающих необходимость **адвокатов**. *Ист. пуг. б., прим. 125.*
См. еще. Пис. Вяз. 31 г.

По принципам описания авторского слова справочник Водарского, сближаясь с рассмотренным выше словарем К. Петрова, отличается от него большим объемом лингвистической информации.

У В. Ф. Саводника, давшего характеристику словарю Водарского, было свое представление о принципах, которые должны лечь в основу «научного пушкинского словаря». Названные принципы в разной степени были учтены при составлении четырехтомного «Словаря языка Пушкина». Это, во-первых, подготовка двух отдельных словарей — посвященных поэтическому языку и языку прозы Пушкина («Соединение их нежелательно, так как при разделении легче наблюдать особенности того и другого языка»⁴⁷). Данный принцип, к сожалению, не был принят в академическом словаре Пушкина. Во-вторых, включение в словарь всего лексического материала из произведений Пушкина. В-третьих, использование разъяснений по отношению к тем словам, значения которых отличаются от общепринятых. В-четвертых, использование хронологического принципа при группировании примеров, чтобы словарь давал ясную картину развития пушкинского языка. В-пятых, включение в словарь грамматического введения, посвященного, в частности, синтаксическим особенностям пушкинского языка. Словарь, составленный с учетом этих принципов, заключает Саводник, «имеет главной целью облегчить работу над Пушкиным и рассчитан преимущественно для потребностей специалиста-ученого»⁴⁸.

Вопросам словарного описания языка Пушкина были посвящены публикации в сборнике «Пушкин и его современники» (первоначально доклады) акад. А. И. Соболевского и акад. Ф. Е. Кюрша. «План словаря А. С. Пушкина» акад. А. И. Соболевского⁴⁹ предполагал создание полного словаря, т. е. включение в него всех слов (за исключением служебных) во всех случаях их употребления с

охватом всех сочинений Пушкина, включая письма, но исключая деловые бумаги. Статья акад. Ф. Е. Корша⁵⁰ содержала план исследования стихосложения Пушкина и составления словаря рифм поэта. Осуществлению планов создания полного и рифменного пушкинских словарей мешало медленное издание сочинений поэта, которое должно было послужить источником этих словарей.

«Программа составления словаря поэтического языка Пушкина», разработанная на пушкинском семинарии проф. С. А. Венгерова, была напечатана отдельной брошюрой в 1911 г., а затем вошла в первый выпуск историко-литературного сборника «Пушкинист» (1914)⁵¹. В Предисловии к сборнику Венгеров обосновывал необходимость и важность, для объективности самой филологической науки, создания словаря поэтического языка Пушкина. Рассуждения Венгерова, составителя биографических и библиографических словарей по русской литературе, чрезвычайно интересны — особенно в отношении того, каким видел ученый-пушкинист словарь языка великого поэта. Приведем эти рассуждения с некоторыми сокращениями: «В настоящее время все наши суждения о поэтических достоинствах Пушкина, как и всякого, вообще, поэта, — писал он, — более или менее висят в воздухе, не имея под собою никакой почвы, кроме интуиции. Мы постигаем красоты Пушкина, как и всякую иную красоту, врожденным эстетическим чувством. <...> Но вместе с тем сколько места для самой крайней субъективности, для суждений не только совершенно произвольных, но, самое важное, случайных, подверженных разным колебаниям вне всякой связи с остающимся неизменным объектом суждения.

Словарь языка поэта в значительной степени устраняет этот элемент случайности в суждениях если не о достоинствах, то во всяком случае о *свойствах*. Мы сейчас говорим об образности Пушкина, о ясности его, гармоничности и т. д. Говорим верно, конечно, но бездоказательно, говорим, потому что все это “чувствуется”. Имея в своем распоряжении все слова, с помощью которых поэт достигает очарования, мы, конечно, тоже самой тайны очарования не постигнем, потому что дело не в словах, а в их сочетании. Но, все же, мы получаем тогда совершенно объективный материал в помощь нашему эстетическому субъективизму. <...>

С помощью словаря наглядно, статистически могут быть решаемы вопросы даже о самых интимных переживаниях поэта. Что у него первенствует в творческих думках и волнениях? Религия, любовь к женщине, природа, наслаждение жизнью, отечество, политика? Обо всем этом надо говорить словами только определенного разряда, и по анализу и подсчету того, часто или редко те или другие слова, выражающие определенный круг понятий, употреблены, мы получим совершенно ясный и точный ответ.

То, что сейчас указано, не исчерпывает, конечно, и сотой доли выводов, которые могут быть сделаны на основании лексического материала для изучения и техники творчества поэта, и его содержания. Миросозерцание, идеалы, вкусы, <...> чисто физические свойства восприятия внешнего мира и т. д., и т. д., и т. д. — все можно доподлинно установить с помощью словаря. А что уже говорить о справочном значении такого словаря. Сколько бьешься, сколько времени затрачивается, и обыкновенно бесплодно, чтобы отыскать нужный стих Пушкина. При существовании словаря достаточно, чтобы хотя одно слово осталось в памяти»⁵².

Детально разработанная, по словам Венгерова, Программа пушкинского словаря включала в себя разделы, в которых излагались принципы его составления: «Внешний вид карточек», «Регистрация пушкинских слов», «Контрольная нумерация карточек», «Составление карточки» (наибольший по объему раздел), а также образцы карточек для слов заглавия, слов стихотворения и образцы составления карточек (на примере стихотворений «К портрету Жуковского» и «Когда б писать ты начал сдуру...»).

Отметим сразу, что отдельные приемы описания авторского словоупотребления, зафиксированные в Программе, были восприняты ПЛ и стали в дальнейшем применяться в разных авторских словарях. Это касается, например, помет загл. (заглавие), *подз.* (подзаголовок), фиксирующих использование слова в сильной текстовой позиции, и указания на рифменную пару слова. В разделе «Регистрация пушкинских слов» содержалось важное указание: «Слова заглавия регистрируются только в том случае, если заглавие установлено самим Пушкиным, т. е. не стоит в скобках в изд. Венгерова, и притом если оно не повторяет первого стиха стихотворения»⁵³.

Подаче рифм был посвящен отдельный пункт раздела «Составление карточки»: «15. Слово, составляющее рифму, подчеркивается два раза и рядом с ним (в скобках) ставятся в последовательном порядке все рифмующие с ним слова»⁵⁴. Образцы составления карточек для отдельных слов, подготовленные на материале стихотворения Пушкина «К портрету Жуковского», содержали и примеры с указанием рифм⁵⁵:

сладость (младость, радость), *сущ.* 1681

Его стихов пленительная *сладость*

даль (печаль), *сущ.* (даль) вин. ед. 1682

Пройдет веков завистливую *даль*⁵⁶.

В названном разделе мы выделили бы еще несколько пунктов, касающихся формы фиксации описываемого слова (в том числе имени собственного) на карточке, постановки ударения, частеречной информации, этимологических сведений, случаев введения кратких пояснений⁵⁷.

Задуманный Венгеровым словарь не был создан (ученый скончался в 1920 г.). Однако по содержанию Программы хорошо видно, что в случае реализации проекта, был бы составлен многопараметровый словарь пушкинского поэтического языка. Словарь не толковый (в привычном понимании слова), а регистрирующий, однако содержащий большой объем разнообразной информации, в том числе касающейся положения слова в стихотворении, его интертекстуальных и др. проявлений.

Рассмотрение начального этапа в истории ПЛ было бы неполным без обращения к словарным материалам по творчеству разных авторов, которые хранятся в Институте лингвистических исследований РАН, в том числе в Большой словарной картотеке, начало которой было связано с подготовкой «Словаря русского языка» Грота—Шахматова⁵⁸. В этой картотеке хранятся материалы к словарям поэтов и писателей XIX в. — П. А. Вяземского, Ф. М. Достоевского и др. На

карточках выписаны словоформа или слово, иллюстративный пример (примеры), название произведения или его шифр. В некоторых случаях, однако, эти сведения дополняются другими. Так, в материалах к словарю Вяземского, хранящихся в 12 ящиках, последовательно даются цитаты к формам отдельного слова (например, на слово *чужбина* в разных формах мы насчитали 24 карточки, больше всего на форму *чужбине*). Здесь же встречаются карточки с указаниями на рифму, например: слободы (*беды*) и эпитет: (слобода) *рыбацкая*. Варианты слов соотнесены с помощью пометы *ср.*: крилатоногий *ср.* крылатоногий; крылатоногий *ср.* крилатоногий.

В материалах к словарю Достоевского при большом количестве примеров используется нумерация арабскими цифрами, переходящая с карточки на карточку (заголовок здесь — слово в исходной форме). Содержание карточек свидетельствует о том, в процессе их составления велась систематизация и квалификация примеров. Это выражается в наличии комментариев разного характера: о принадлежности слова публицистике, бытовой сфере, об образном употреблении, использовании его в составе устойчивого выражения, ироническом или ином звучании, особом приеме употребления и т. д. Например, на карточке к слову *вливаться* дан пример из «Братьев Карамазовых»: *...ответил Алеша, чувствуя всем сердцем своим, как надежда вливается в его сердце*. После указания адреса цитаты дается пометка: *метафора*. В материалах к слову *русский* содержится примерно 80 иллюстраций из произведений Достоевского. На карточках специально выделяются встречающиеся у писателя сочетания: *русские люди, русский человек, русский вопрос, русская воля, русский барин, русская история* и др.

По этим и другим материалам можно судить о том, как в процессе подготовки нового «Словаря русского языка» оформлялась сама идея словаря писателя, сведения какого рода считались необходимыми для показа в таком словаре, что в этом смысле было особенно важным в применении к конкретному автору и т. д.

Таким образом, период становления в истории русской писательской лексикографии характеризуется рядом черт. Осознание научно-филологической и культурной значимости словарей писателей подвело к рассмотрению некоторых теоретических проблем создания таких словарей (их назначения, задач, состава, форм описания), к многообразным, хотя и не всегда удачным, попыткам их практического решения. Составленные на материале произведений выдающихся авторов конца XVIII — начала XIX в. лингвистические писательские словари предстали в виде нескольких жанровых форм — конкорданса в разных его модификациях, алфавитно-частотного словоуказателя, в той или иной степени отразивших состав авторских лексиконов. Ранний период ПЛ отмечен словарями, созданными на материале произведений разных литературных родов и жанров. Примечательно, что общая идея словаря языка Пушкина была впервые реализована на прозаическом материале. В эти годы было положено начало такой разновидности лингвистического словаря писателя, которая ориентирована на представление конкретного пласта языковых единиц как черты идиостиля автора, а также энциклопедической форме описания творчества автора. Начало научной критики словарей русских писателей тоже относится к раннему этапу писательской лексикографии.

Примечания

¹ *Фонякова О. И.* Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Из истории науки о языке: Межвуз. сб. памяти проф. Ю. С. Маслова. СПб., 1993. С. 113–134.

² *Грот Я.* Язык Державина. Словарь к стихотворениям Державина // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. IX. СПб., 1883. С. 333–355; 356–444.

³ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1847. С. X.

⁴ *Биллярский П. С.* Образчик филологического разбора языка новейших писателей // Зап. Имп. АН. СПб., 1863. Т. 3, кн. 1. С. 644.

⁵ *Биллярский П. С.* Предложение о приглашении преподавателей русской словесности к составлению словарей русских писателей // Журнал М-ва нар. просвещ. СПб., 1863. Т. 120. Дек. С. 651–652.

⁶ *Саводник В. Ф.* К вопросу о Пушкинском словаре // Известия ОРЯС. Т. IX, кн. 1. СПб., 1904. С. 143–182; *Винокур Г. О.* Словарь языка Пушкина // Проект Словаря языка Пушкина. М.; Л., 1949. С. 5–27; *Гельгардт Р. Р.* Словарь языка писателя. К истории становления жанра // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983. С. 18–35; *Карпова О. М.* Словари языка писателей. М., 1989; *Карпова О. М.* Шекспировская лексикография: Типология. Становление. Проблемы // Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1990.

⁷ История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1998. С. 127.

⁸ *Шиманская И. А.* «Академический словарь русского языка» под ред. А. А. Шахматова. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1964. С. 6–7.

⁹ *Рогожникова Р. П.* Сокровищница русского слова. История большой словарной картотеки ИЛИ РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2003. С. 21.

¹⁰ История русской лексикографии. С. 239.

¹¹ *Поцелня Д. М.* Образ мира в слове писателя. СПб., 1997. С. 6.

¹² *Будде Е. Ф.* Опыт грамматики языка Пушкина. СПб., 1901. Вып. 1.

¹³ Там же. С. XI.

¹⁴ *Саводник В. Ф.* Указ. соч.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ Там же. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 29.

¹⁸ Там же. С. 30–31.

¹⁹ Там же. С. 31.

²⁰ Там же. С. 31–32.

²¹ *Белый А.* Символизм. М., 1910. С. 284.

²² Там же. С. 596.

²³ *Белый А.* Поэзия слова. Пушкин. Тютчев. Баратынский. Вяч. Иванов. А. Блок. Пг., 1922. С. 7.

²⁴ Там же. С. 9.

²⁵ *Shaw J. Th.* Baratyanski: A Dictionary of the Rhymes and a Concordance to the Poetry. Ann Arbor: Univ. of Wisconsin Press, Madison, Wisc., 1975; *Shaw J. Th.* Pushkin: A Concordance to the Poetry, v. 1–2. Columbus (Ohio): Slavica publ., 1985 (*Шоу Дж. Т.* Конкорданс к стихам А. С. Пушкина: В 2 т. М., 2000); *Bilokur Borys.* A Concordance to the Russian poetry of Fedor I. Tiutchev. Providence: Brown Univ. Press, 1975, XIV; *Белов А. А.* Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. И. Тютчева (2006) // <http://ruthenia.ru/>

tiutcheviana/stihi/freq/freq.html; Голованевский А. Л., Атаманова Н. В. Конкордансы к «Полному собранию стихотворений Ф. И. Тютчева». А–В. Брянск, 2008; Г–З. Брянск, 2009.

²⁶ Куницкий В. Н. Язык и слог комедии «Горе от ума»: к столетию дня рождения А. С. Грибоедова. 4 января 1795 г. — 4 января 1895 г. (С прилож. словаря комедии). Киев, 1894.

²⁷ Петров К. Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина. СПб., 1904.

²⁸ Водарский В. А. Материалы для словаря пушкинского прозаического языка // Филологические записки. Воронеж, 1901–1905.

²⁹ Грот Я. Указ. соч. С. 336.

³⁰ Там же.

³¹ Колесов В. В. Яков Карлович Грот // Русская речь. 1975. № 1. С. 93.

³² Винокур Г. О. Указ. соч. С. 7.

³³ Чернышев В. И. К. Петров, Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина // Чернышев В. И. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 1970. С. 313–322.

³⁴ Там же. С. 314–315.

³⁵ Там же. С. 315.

³⁶ Алфавитный список слов, сочиненных В. Г. Бенедиктовым, видоизмененных или никем почти неупотребляемых, — встречающихся в его стихотворениях, составленный Я. П. Полонским // Бенедиктов В. Г. Сочинения: В 2 т. Т. 1. СПб.; М., 1902. С. I–III.

³⁷ Словарь литературных типов / Ред. Н. Д. Носков. Т. 1–7. Пг., 1908–1914.

³⁸ Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000. С. V.

³⁹ Винокур Г. О. Указ. соч. С. 7.

⁴⁰ Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. Т. I–III. М., 1907. С. 29–33.

⁴¹ Там же. С. 28.

⁴² Там же. С. 29.

⁴³ Там же. С. 32.

⁴⁴ Там же. С. 33.

⁴⁵ Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С. 96.

⁴⁶ Саводник В. Ф. Указ. соч. С. 16–17.

⁴⁷ Там же. С. 32.

⁴⁸ Там же. С. 35.

⁴⁹ Соболевский А. И. План словаря языка А. С. Пушкина // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. III. СПб., 1905. С. 109–110.

⁵⁰ Корш Ф. План исследования о стихосложении Пушкина и словаря Пушкинских рифм // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. III. СПб., 1905. С. 111–134.

⁵¹ Венгеров С. А. Предисловие. Программа составления словаря поэтического языка Пушкина // Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под ред. проф. С. А. Венгерова. СПб., 1914. С. V–XXIV; 223–232.

⁵² Венгеров С. А. Указ. соч. С. XV–XVII.

⁵³ Там же. С. 223.

⁵⁴ Там же. С. 225.

⁵⁵ Там же. С. 230.

⁵⁶ Цифры обозначают номер стихотворения А. С. Пушкина в издании С. А. Венгерова и номер строки.

⁵⁷ Там же. С. 224–227.

⁵⁸ Выражаем признательность коллегам из ИЛИ РАН за большую помощь в работе с архивными словарными материалами: заведующему Большой словарной картотекой ИЛИ РАН В. М. Круглову, сотрудникам института д. ф. н. Р. П. Рогожниковой, д. ф. н. М. Н. Приёмышевой, к. ф. н. С. Св. Волкову, к. ф. н. Е. Н. Геккиной.

М. Б. Борисова, Д. М. Поцення

СЛОВАРЬ М. ГОРЬКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ⁵

Объективная оценка писательского словаря — его концепции и последовательной реализации выдвинутых принципов лексикографического описания авторского стиля невозможна без внимания ко времени создания словарного труда, к состоянию лингвистической и шире — филологической науки в этот период.

Планомерная работа над Словарем М. Горького началась на стыке 50–60-х гг. XX в.¹ Это было время становления в русистике лексикологии как самостоятельной научной дисциплины, выделения стилистики, в том числе стилистики художественной речи, в особое направление изучения языка, выхода в свет четырехтомного «Словаря языка Пушкина» и приступа к значительным лексикографическим проектам, время горячих дискуссий о традиционных и функциональных стилях, об эстетической функции языка, о сущности лексического значения, о соотношении слова и понятия, слова и образа.

Словарь М. Горького был задуман Б. А. Лариным как научное разыскание по многим теоретическим вопросам: проблемам семасиологии (типы преобразования словесных значений в художественном тексте), стилистике (принципы изучения стиля писателя и методика анализа его словоупотребления), взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы (влияние творчества писателя на процессы в общелитературном языке), общей теории лексикографии (типы писательских словарей). В 1962 г. была опубликована ларинская концепция писательской лексикографии², в которой обосновывалось два типа авторского словаря: полного алфавитного объяснительного и идеологического, дифференциального. Тип полного словаря (полного по словнику, по семантическому и функционально-стилистическому описанию словоупотребления, грамматической характеристике и охвату всех применений слова) был непосредственно обращен к тем актуальным, проблемным вопросам, о которых только что шла речь: тщательная лексикографическая обработка многотысячного массива словоупотреблений обеспечивала объективную базу для развернутых ответов на поставленные

⁵ Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

вопросы³. Ответов не только в словарной форме, но и в специальных монографиях и статьях авторов-составителей Словаря. Тип идеологического словаря, контуры которого намечал Б. А. Ларин, предстояло разрабатывать в будущем, хотя в процессе составления полного алфавитного Словаря М. Горького формировался корпус идеологически значимых для писателя слов, выявлялись особенности отражения в языке авторского мировосприятия, что находило отражение в соответствующих публикациях⁴.

Важнейшие итоги работы над полным словарем отдельного произведения М. Горького (повесть «Фома Гордеев») или цикла произведений писателя (автобиографическая трилогия «Детство», «В людях», «Мои университеты», поздние пьесы «Сомов и другие», «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие») можно свести к следующим положениям:

1) обоснована типология особого функционального словесного значения — художественного;

2) доказана системность словоупотребления писателя и разработано понятие «семантико-стилистическая система писателя», в соотношении с которой и определяется индивидуальность словоупотребления автора;

3) сделан вывод о семантической основе стиля писателя;

4) выдвинут тезис о преломлении в идиостиле писателя его мировоззрения и миропонимания, авторской системы ценностей;

5) признана целесообразность создания авторского словаря полного типа в виде серии словарей — отдельного произведения или цикла произведений, что позволяет показать жанровое преломление стиля и его динамику во времени;

6) предложен новый — лексикографический метод исследования стиля писателя и художественной речи⁵.

Каков отклик современной писательской лексикографии на эти, как представляется, значимые итоги?

Тип полного объяснительного словаря писателя не получил развития в современной писательской лексикографии — слишком сложен, многотруден и долговит путь создания такого словаря. Однако сформировавшиеся принципы контекстного семантико-стилистического анализа и описания словоупотребления писателя оказались весьма плодотворны при изучении авторского стиля, обогащали теорию художественной речи.

Оценен разными составителями временной срез при изучении художественного словоупотребления и хронологический принцип подачи иллюстративного материала в авторских словарях; получило признание представление авторского стиля или языка в серии словарей. Целесообразным оказалось и издание сборников, сопровождающих работу над словарем⁶.

Редкое исключение — Словарь басен И. А. Крылова⁷, в основе которого многоаспектная характеристика всего лексико-фразеологического богатства текстов баснописца. На ларинскую полноту лексикографического описания словарного состава значимого литературного произведения ориентирован развернутый проект «Словаря повести И. С. Шмелева “Лето господне”». Автор проекта А. Г. Балакай вслед за Б. А. Лариным горячо отстаивает многогранную научную ценность полного словаря избранного произведения:

— для семантизации и истолкования всего лексико-фразеологического богат-

ства повести «Лето господне», включая и словотворчество писателя;

— для изучения идиостиля, поэтики, языковой личности выдающегося русского писателя И. С. Шмелёва;

— для изучения лексики и фразеологии русского литературного языка на рубеже XIX–XX вв.;

— для изучения московского городского просторечия этого же периода;

— для изучения эстетики русской художественной речи;

— для изучения произведения в школе и вузе;

— для этнографов, историков, биографов писателя;

— для современных и будущих читателей⁸.

Писательская лексикография на переломе XX–XXI вв. шла по пути создания разного типа дифференциальных словарей, а вторжение компьютерной технологии способствовало росту конкордансов, словарей-индексов, частотных словарей⁹. Развитие в отечественном языкознании на исходе XX в. новых научных направлений — лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, антропоцентрический подход к языку и как следствие — выдвижение и разработка в исследованиях таких кардинальных понятий, как «языковая личность», «языковая картина мира», «концепт», «концептосфера», нашли отклик и в современной авторской лексикографии. Ларинская идея идеологического словаря писателя оказалась востребованной на новом витке развития лингвистической и шире — филологической мысли.

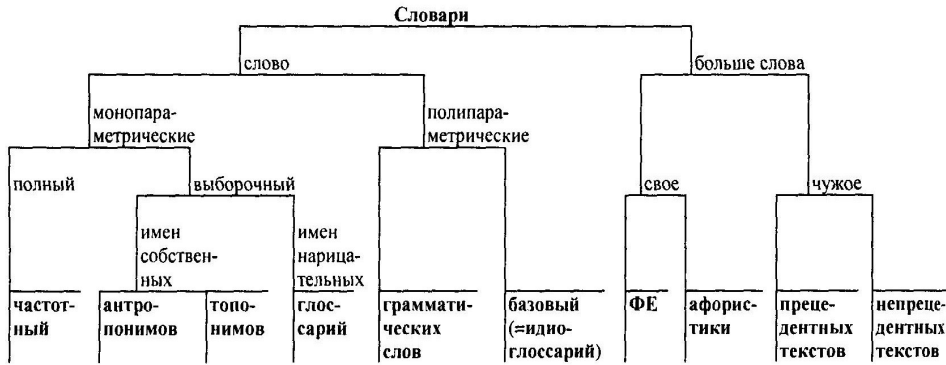
Остановимся на некоторых новых типах словарей писателя, значимых для теории писательской лексикографии и затрагивающих ряд дискуссионных вопросов.

Начало XXI в. ознаменовалось выходом первого пробного выпуска «Словаря языка Достоевского: Лексический строй идиолекта». Теоретические положения этого новаторского лексикографического предприятия, грандиозного по замыслу, многоаспектного по методам анализа эстетики слова, изложены авторами концепции Словаря Ю. Н. Карауловым и Е. Л. Гинзбургом в развернутом Введении-очерке «Язык и мысль Достоевского в словарном отражении», предваряющем словарные статьи¹⁰.

В основу Словаря положена идея языковой личности писателя, которая проявляется в богатстве словесных средств, формирующих функционально-жанровое многообразие всего написанного Достоевским: художественные произведения, публицистика, деловая (документальная) проза, письма. Признание многоплановости языковой личности мастера слова, каким был Достоевский, органического сплава языка писателя и его мысли о мире служит обоснованием другой, не менее важной идеи лексикографического представления лексического строя языка писателя в виде серии словарей, которую отражает следующая схема (с. XXXII), представленная на следующей странице.

Этот новый тип авторского словаря определяется как дифференциально-распределительный: разные единицы, структурирующие языковую личность, распределяются по разным сериям и описываются лексикографически по-разному в разных словарях, а в пределах одной серии — с разной степенью подробности (в зависимости от значимости единицы в том мире, который создается писателем). Во всех словарях серии учитывается распределение описываемых единиц по

функционально-жанровым разновидностям (для этого используются графические символы, маркирующие словоупотребление: 📖 — художественная проза, 📰 — публицистика, ✉ — личные письма, 📄 — деловые письма и документы), по отдельным произведениям и периодам творчества Достоевского.

Базовым в задуманной серии словарей выступает идиогlossарий — словарь идиогloss, т. е. слов, которые являются важными для творчества Достоевского, «несут ключевые идеи его миропонимания, характеризуют неповторимый идиостиль автора» (с. XIV).

Концепция Словаря идиогloss и ее реализация в пробных выпусках содержат ряд положений и конкретных словарных приемов описания авторского словоупотребления, значимых для теории и практики писательской лексикографии.

Прежде всего описана процедура выделения идиогloss, определяющих лексический строй языка писателя, и охарактеризованы их важнейшие свойства (с. XXXVI–XXXIX). В результате был подготовлен словник будущего Словаря идиогloss, включающий около двух тысяч единиц; в опубликованных пробных выпусках (II вышел в 2002 г., III — в 2003 г.) содержится 373 единицы¹¹. Среди них: *бедный, безумный, болезненный, болезнь, горячий, добро, душа, жёлтый, зло, кроткий, кротость, мечта, мечтать, преступить, покаяться, раскayтcя, революция, сострадание, страдание, стыд, фантазия, фантастический, эгоизм* и многие другие. Таким образом, главное отличие словника базового словаря — при сопоставлении со словником «Словаря языка Пушкина» или «Словаря автобиографической трилогии М. Горького» — его принципиальная неполнота. Словник базового словаря формируют лексемы, значимые «для характеристики индивидуального стиля при воссоздании мировидения автора, его общечеловеческих и национальных идеалов во всей их сложности и противоречивости» (с. XXXVI).

Представление идиогlossы в словарной форме потребовало от составителей выработки особых лексикографических приемов описания и обдумывания структуры словарной статьи. Строение словарной статьи определяется положением о двойственной природе идиогlossы: с одной стороны, она выступает как слово русского литературного языка определенного времени, с другой — как знак

языка Достоевского, его языковой личности. Составители Словаря пытаются развести эти две ипостаси идиоглоссы в структуре Словаря, хотя и осознают их органическую связь.

Общеязыковая природа идиоглоссы, указывается во Введении, раскрывается в таких зонах словарной статьи, как толкование значений лексикографируемой единицы; грамматическая информация; иллюстрации употребления; сочетаемость, учитывающая также паратаксические конструкции и цепочки однородных членов; словоуказатель, включающий все текстовые формы с адресами. Однако и в этих классических зонах словарной статьи, отмечают авторы Введения, проявляется своеобразие стиля Достоевского (в толковании значений в зависимости от применения слова, в количестве значений и порядке их расположения — на первое место выдвигаются производные в лексической системе языка значения, если они актуальны для художественного мира Достоевского, его мировосприятия и оценок).

Особенностям идиоглоссы как стилеформирующей единицы текстов писателя посвящены нетрадиционные разделы словарной статьи: Комментарий и Примечания (с. XLII–XLIII). Комментарий предусматривает 14 рубрик-помет для фиксации характерных для писателя употреблений той или иной идиоглоссы. Каждая из рубрик образует свою подзону в Комментарии. Например, помета АФРЗ выделяет подзону, в которой приводятся фразы с описываемым словом — а ф о р и з м ы или претендующие на статус афоризма; АССЦ — подзону, в которой фиксируются ближайшие а с с о ц и а т и в н ы е с в я з и слова, «подсказывающие» семантические приращения, эмоционально-оценочные коннотации; в подзоне СЧТ1 указывается с о ч е т а е м о с т ь с определенными словами при подчинительных связях, а в подзоне СЧТ2 — тоже с о ч е т а е м о с т ь, но связи идиоглоссы, отличные от подчинительных; подзона НСТ предусмотрена для фиксации н е с т а н д а р т н о й лексической и синтаксической сочетаемости; в подзоне ТРП собраны различные т р о п е и ч е с к и е, образные применения слова — в составе сравнений, метафор, метонимий и др.; сокращение СМВЛ отмечает с и м в о л и ч е с к о е употребление описываемой лексемы. К Комментарию примыкают указание на использование слова в чужой речи (в цитате, в том числе и в прецедентных текстах) и справка о единицах словообразовательного гнезда, представленных в разных функционально-жанровых типах текстов.

Указанное разграничение стандартной части словарной статьи, отражающей общеязыковое (в этой части представлено и употребление писателем описываемого слова-идиоглоссы в составе фразеологизмов, пословиц, поговорок, а также в составе имен собственных), и Комментария, в котором собраны употребления, отмеченные знаком личного своеобразия, выделяется и графически — размером используемых шрифтов. Основной корпус словарной статьи, стандартный для толкового словаря, набран обычным шрифтом, Комментарий — петитом, что невольно подчеркивает его вспомогательный характер, меньшую значимость на фоне предыдущего. Подобное противопоставление в словоупотреблении писателя общеязыкового (как правило) и специфического, характеризующего автора, не кажется целесообразным и верным по существу.

Во-первых, сам выбор слова, частота его употребления в текстах разных типов (она показана при заголовочном слове), ориентация на определенные лексические

значения и не востребованность иных, разнообразие лексической и синтаксической сочетаемости (в пределах нормы), широкое включение фразеологического материала, в том числе в визуальной, нетрансформированной форме, превращает «общезыковое» в «личностное», не менее важное в авторской картине мира, чем многие выдвинутые, актуализированные употребления лексикографируемой единицы, помещенные в Комментарии.

Во-вторых, принятое распределение языкового материала между корпусом словарной статьи и Комментарием существенно обедняет основной корпус словарной статьи, где главенствуют цитаты, соотношенные с семантической структурой слова и четырьмя функциональными разновидностями текстов, фиксирующие первое употребление идиоглоссы и ее использование в разные периоды творчества писателя. Вливание в корпус словарной статьи во многом совершенно новых контекстов функционирования лексемы, маркированных разработанной в Комментарии системой помет, как и выделение в корпусе соответствующих субзон, принятых в Комментарии, а также прикрепление материала Комментария к соответствующим значениям и типам текстов (художественные произведения, критические и публицистические статьи, личные письма, деловые бумаги и письма) создадут более целостное и емкое впечатление об идиоглоссе как значимой единице идиостиля Достоевского.

И, в-третьих, самое главное, попытка разведения общезыкового и личностного, отмеченного авторским своеобразием, вступает в противоречие с пониманием идиоглоссы как особой лексемы: «это обязательная единица индивидуального авторского лексикона» (с. XXXV), элемент «субъективного авторского образа мира, авторского мировидения», она выступает «концентрированным выражением языка и стиля писателя» (с. XXXVI). Слияние корпуса словарной статьи с Комментарием позволит развернуть многоплановое функционирование идиоглоссы в словесном наследии Достоевского как единое целое, а разработанный метаязык (ряд из предложенных помет или аналогичных им (по содержанию) уже освоен писательской лексикографией) раскроет меру преобразования общезыкового или реализацию потенций языка в индивидуальной авторской системе.

Что же касается раздела Примечания, то он представляется весьма полезным нововведением. Примечания даются составителем при разных фрагментах словарной статьи и позволяют уточнить семантику слова, отметить ту или иную особенность его употребления, привлечь внимание к своеобразному использованию внешне нейтральной лексики, обобщить аналогичные языковые факты и т. п.

Таков ряд принципиальных положений новаторского «Словаря языка Достоевского», который получил отражение в проблемном Введении к первому пробному выпуску и реализуется теперь в новом, упорядоченном по алфавиту и, как обещано, в многотомном лексикографическом представлении идиоглоссы¹².

Отстаивая свою позицию, авторы Введения Ю. Н. Караулов и Е. Л. Гинзбург вступают в полемику с рядом положений Словаря М. Горького. Однако задача обсуждения теоретических положений разных концепций в писательской лексикографии видится не только в плане их расхождений, но и в плане схождений, которые позволяют говорить о новом этапе развития этой отрасли лексикографии и стилистики.

При всей новизне структуры «Словаря языка Достоевского» и представленности в нем особенностей идиостиля писателя, в Словаре идиоглосс и Словаре языка М. Горького много принципиально сходного — оно лишь получает особые формы словарной фиксации, но служит единой цели — раскрытию всех особенностей словоупотребления, словосочетаний, синтаксических возможностей контекстов. Стремясь к раскрытию соотношения слова и идеи, составители Словаря идиоглосс заменяют пословный анализ семантики слова распределением контекстов по разным подзонам Комментария. Впечатление о семантическом своеобразии словоупотребления Достоевского и степени индивидуализации слова рождается при восприятии совокупности подзон. При этом разграничения значения и оттенков не проводится, хотя в разных разделах словарной статьи оттенки учитываются: они подключаются к дефиниции значения, отделяясь от него точкой с запятой, отмечаются в Примечаниях, имплицитно прорисовываются в подзонах Комментария, представляющих сочетаемостные возможности слова, нестандартную сочетаемость или фиксирующих ироническое употребление. Ряды слов, сочетающиеся с отдельным словом и собранные в зонах СЧТ1 и СЧТ2 Комментария, как это показано, например, при слове *мечтать* (с. 231–234), поражают тематическим многообразием лексических рядов, подчеркивая смысловую концентрацию слова. Но разве меньшее впечатление о богатстве и многообразии смысловых возможностей слова, его контекстных связей производит сочетаемость слов (часто из разных смысловых сфер), распределенных по значениям и оттенкам значения, отражающих те тонкие семантические «приращения», то «чуть-чуть», которое, по известному определению К. Брюллова, и составляет суть искусства?

Между тем авторы теоретического Введения ведут с данным принципом семантического анализа по значениям и оттенкам слова в Словаре М. Горького скрытую полемику: «Для проникновения в словесные движители творчества писателя, создания им нового мира содержащаяся в таком словаре информация о языковом новаторстве, отступлении от языковых стереотипов может восприниматься как второстепенная, а сам словарь — только как выражение желательности — хотя бы и в отдаленном будущем — литературоведческой интерпретации того или иного произведения» (с. XXVI).

Здесь напрашиваются два контраргумента:

Во-первых, непонятно почему отмеченные специальными лексикографическими знаками особо активные в художественном тексте новации будут восприниматься как второстепенные (эти новации имеют пометы «эстетическое значение», «второй план», «игра слов», «каламбур», знак окказиональности («только в речи персонажа») и др. Во-вторых, Словарь пословно развертывает выразительную картину своеобразия словоупотребления писателя не только для литературоведов; в Словаре разрабатываются принципы многоаспектного анализа в пределах эстетики слова как особой методологии лингвостилистического анализа, который, следуя ларинским принципам, подчинен конечной цели — раскрытию содержательного плана произведения.

Поэтому и основной пафос «Словаря языка Достоевского» — дать глубокий анализ словесной формы как выражения концептуального плана произведения, в соотнесенности с целостностью художественного текста, — абсолютно созвучен постулатам Горьковского словаря.

Связь словоупотребления с целостным текстом проявляется в Словаре М. Горького и в квалификации образного смысла слова, и в соотношении семантики слова с динамикой целостного текста; она лежит в основе ларинского замысла идеологического словаря писателя, построенного по дифференциальному принципу, где будут представлены циклы слов, определяющие социальные характеры, социальные оценки, социальные идеалы; слова, применяемые для создания зрительного образа людей, образов природы, лексические средства иронии и юмора, религиозная и философская лексика¹³ и т. д. Этот словарь по своим конечным целям очень близок Словарю идиоглосс как базовой основы Словаря Достоевского.

Представляются созвучными идея создания не одного, а серии словарей языка Достоевского для полного, глубокого и всестороннего анализа наследия писателя и теория двух типов словарей Б. А. Ларина.

Принцип создания серии словарей не чужд Словарю М. Горького, в пределах которого составлены Частотный словарь и Словарь собственных имен, соответствующий таким единицами серии словарей Достоевского, как «Словарь антропонимов» и «Словарь топонимов».

Созвучно принципам Словаря М. Горького и стремление дифференцировать в Словаре Достоевского материал по функциональным типам языка и жанрам и отразить связь текстов писателя с текстами современников, предшественников и потомков, проецируя словоупотребление писателя на современный ему узус литературного фона или соотнося его с литературными направлениями.

Созвучно и стремление авторов обоих словарей отразить динамику словесного мастерства писателей, следуя хронологическому принципу расположения словесного материала.

Попытка вычленив общее в принципах Словаря М. Горького и Словаря Достоевского отнюдь не исключает ни признания своеобразия их концепций, ни полемичности в понимании ряда положений, ни критической оценки ряда терминов.

Остановимся на двух моментах.

1. Трудно согласиться с мнением Ю. Н. Караулова и Л. Е. Гинзбурга о целесообразности вычленив в семантической структуре слов оттенки значения. Этот подход принципиален для Словаря М. Горького.

Представляется неоправданной интерпретация составителями Словаря Достоевского постулата Горьковского словаря об отличии общих словарей от писательских: «Если составители общих словарей добиваются формулировки неизменных, «независимых» элементов значения слова, то в писательском словаре прямым объектом исследования является образная реализация слов, определяются именно зависимые контекстуальные оттенки их значений, которые лишь изредка оставляют прочные следы в общем языке и не всегда улавливаются читателем и не всяким читателем»¹⁴.

Авторы Введения к «Словарю языка Достоевского» возражают: «...вызывают сомнение сами “зависимые контекстуальные оттенки”, которые никем, кроме составителей, не воспринимаются — ни общим языком, ни читателем».

Возражение это основано на неточном цитировании и истолковании фрагмента: во-первых, о контекстуальных оттенках, рождающихся в художественной речи, говорится, что они «лишь изредка оставляют прочные следы в общем языке», а это значит, что они все-таки связаны с общим языком, но связаны как редкий процесс нормализации контекстных отклонений; во-вторых, тезис, что оттенки «не всегда улавливаются читателем и не всяким читателем» вовсе не означает, что вообще не улавливаются, кроме составителей словаря, никем, никаким читателем и никогда.

«Не всегда улавливаются читателем» превращается при таком восприятии в «никогда не улавливаются», а формула «улавливаются не всяким читателем» — в «не улавливаются никаким читателем вообще». Отметим попутно, что суждение «в писательском словаре прямым объектом исследования является образная реализация слов» превращается в абсурдное утверждение, что «образному переосмыслению подвергаются все слова» (с. XI), приписываемое Б. А. Ларину. Между тем приведенный фрагмент отражает принятое в художественной стилистике положение, во-первых, о развитии в тексте смысловых оттенков, «приращений смысла» (В. В. Виноградов, Б. А. Ларин), во-вторых, о разной степени подготовленности читателей, не всегда осознающих, чувствующих смысловую динамику художественного слова, что обусловлено недостаточным развитием у этих читателей эстетического вкуса к художественному слову.

2. Творческая концепция Словаря Достоевского — несомненно, новое слово в писательской лексикографии: в Словаре решается проблема представленности языковой личности писателя в синтезе ее вербально-грамматического, тезаурусного и прагматического уровней.

Новизна концепции предопределила расширение терминологического аппарата, в частности введение двух терминов, номинирующих два типа ключевых слов: идиоглосса и идеоглосса (с. XXXIV–XXXVI).

Представляется спорной необходимость введения этих двух терминов прежде всего из-за нечеткости и неизбежной субъективности критериев из разграничения и распределения лексического материала между этими двумя типами.

Ссылки на словообразовательные связи этих терминов: идеоглема — в ее родстве идея, идеология, идеограмма, идеография — и идиоглосса в ряду терминов идиолект, идиостиль, идиома, идиосинкрязия — как будто разводят их семантически, акцентируя в первом из них (идеоглосса) — сему причастности к социологическим, философским, эстетически значимым проблемам, во втором (идиоглосса) — сему индивидуальности и неповторимости и рассматривая первый как единицу когнитивного уровня в структуре языковой личности, второй же — как единицу прагматического уровня в структуре языковой личности.

Однако последующий многоаспектный анализ идиоглосс сближает введенные два понятия настолько, что затемняются их дифференциальные признаки. Отмечается, что идиоглоссы важны «для характеристики индивидуального стиля при воссоздании мировидения автора, его общечеловеческих и национальных идеалов во всей их сложности и противоречивости» (с. XXXVI). Но это суждение отражает и одно из главных свойств и идеоглоссы — служить выражением «того,

что является актуальным в создаваемой в тексте картине мира». Или высказывается предположение, что «эти понятия соотнесены так, что среди лексически близких идеоглосс всегда найдется такая, которая является идиоглоссой, обратного, однако, не наблюдалось» (с. XXXV). Но через несколько страниц утверждается, что и д и о г л о с с а «является конституирующим элементом писательского тезауруса, и д е о г л о с с о й в его картине мира, конструктивным центром в его концептосфере». Вслед за этим перечисляется восемь возможных для идиоглоссы когнитивных функций (с. XLV).

Вызывает сожаление, что в большом объеме теоретического введения к «Словарю языка Достоевского», которое отличается многоаспектностью подходов к новым лексикографическим принципам и богатой иллюстративностью рассуждений, не нашлось места, чтобы привести столь же выразительный перечень идеоглосс, как это сделано по отношению к идиоглоссам.

Более убедительным было бы выделение в составе идиоглосс двух типов: одного — воплощающего все возможные параметры статуса идиоглосс (функция выражения авторского мировидения, роль ключевого слова, сквозной характер, повторяемость, образование в тексте точек концентрации смысла и др., (с. XXXVI), и другого типа, которому присущ главный признак — активная роль в отражении языковой картины мира писателя, его понимания глобальных идей человеческого бытия, — но такие признаки, как частотность, сквозной характер и др., проявляются не обязательно.

Трудно согласиться с введением двух данных терминов и по формальным соображениям: термины различаются лишь одной буквой, в произношении же они требуют искусственной акцентуации, не совпадающей с произносительной нормой, что подчеркивает скорее смысловую близость, чем своеобразие.

И еще одно соображение. Соотношение термина «идеоглосса» с миропониманием автора — в силу однокоренных и д е я, и д е о л о г и я — рождает скорее ассоциации с политическим аспектом семантики этих слов, что вряд ли соответствует позиции составителей Словаря.

Напрашивается вопрос: не рациональнее ли вместо и д е о г л о с с а воспользоваться уже давно функционирующим термином и д е о л о г е м а, который снимет и неудобство различения слов при устном применении, и напрашивающуюся излишнюю семантическую схожесть терминов?

В лексикографическое описание концептосферы словесного художественного творчества как отражения авторского мировидения и миропонимания помимо двучлена «идиоглосса / идеоглосса» вводится еще один термин — «текстема». Этот термин предложен Е. И. Дибровой, автором проекта и главным редактором «Словаря языка Михаила Шолохова»¹⁵, который охватывает все художественные произведения писателя. Новый словарь в сущности объединяет два типа писательского словаря: 1) словарь текстом — прообраз идеологического словаря писателя и 2) словарь стилистически маркированных лексем и фразеологизмов, т. е. сложившийся в авторской лексикографии тип — дифференциальный толковый словарь, включающий определенный разряд слов в творчестве писателя. В этой части «Словаря языка Михаила Шолохова» представлена (в общем алфавите) лексика (более 5000 слов) и фразеология (свыше 2000 единиц) четырех разрядов: авторские новообразования; разговорная лексика и фразеология; раз-

личные единицы народной речи; хронологически разные пласты слов и фразеологизмов.

Остановимся на идеях первой части Словаря.

Текстема, судя по внутренней форме термина, является *текстовой* единицей: ее богатое разноплановое содержание формируется в текстах писателя и соотносится с концептуальным понятием, в котором отражается идея автора, система его взглядов (с. 11). В теоретической вводной части «Содержание и структура Словаря» подчеркивается, что шолоховские текстемы создаются на базе важнейших представлений казачества, его миропонимания, в них отражается его, казачества, жизнь, уклад, обряды, легенды и т. п. (с. 11, 27). Языковой формой выражения текстемы является разнообразная лексика и фразеология.

В «Словарь языка Михаила Шолохова» включено 14 текстом: *Донской край, Дон, Земля, Степь, Курган, Шлях, Казак, Конь, Песня, Месяц, Вышний, Воронёный, Чёрный, Чернозём*. Из этого перечисления видно, что текстемы представлены прежде всего именной лексикой, признаков слов всего три: прилагательные *Вышний, Воронёный, Чёрный*; среди имен не только нарицательные, но и собственные — топонимы *Донской край, Дон*.

Привлекают и заслуживают заинтересованного обсуждения принципы лексикографического описания текстемы, изложенные в концепции Словаря и реализуемые в словарных статьях. Заголовком словарной статьи выступает имя текстемы. Структуру словарной статьи определяет полевая структура текстемы, для характеристики которой вводятся новые понятия: «*смысловое текстовое поле*» и «*тематический фрагмент*». Из суждения «Текстема представляет собой смысловое текстовое поле», описанное лексикографами (с. 28), следует, что словарная статья разворачивается как смысловое текстовое поле текстемы. Важнейшими составляющими поля являются «*ядро поля*» и «*тематические фрагменты*». Ядро поля — прямое, общепринятое в русском языке, исходное значение текстемы, которое затем обрастает побегами иных значений и смыслов (с. 28). Каждый фрагмент имеет 1) *заголовочное именование*, которое обобщает содержание фрагмента, 2) *включает толкование значений, смыслов, оттенков значения и употребления слов*, 3) *содержит подтверждающие иллюстрации*, которые располагаются в хронологической последовательности, что позволяет проследить динамику текстемы, ее становления. Тематические фрагменты имеют свою иерархию: выделяются фрагменты, а) *отражающие родовые признаки текстемы* — обыденные понятия (знак *) и б) *отражающие видовые признаки текстемы* (знак ♠) и разновидности видовых (знак ♠), *видовые признаки, их разновидности фиксируют сложившиеся веками знания: правила сословного поведения, устоявшийся уклад, суеверные приметы, предания о событиях исторических и легендарных и т. п.* В качестве примера приведем структуру текстемы *Донской край* (с. 47–65).

*** ДОНСКОЙ КРАЙ.** Территория заселения донского казачества (бассейн реки Дон и его притоков, а также прилегающие земли Ростовского, Сальского и Таганрогского округов). [цит.]

* **Область Войска Донского.** С 1875 г. — название земель Донского Войска. [цит.]

— [справочный отдел]

❖ **Донская область.** То же, что **Область Войска Донского.** [цит.]

❖ **Область.** То же, что **Область Войска Донского.** [цит.]

* **Обдóнье, -ья, ср., ед., собир.** Земли, прилегающие к Дону; Придонье. [цит.]

— [справочный отдел]

* **Придóнье.** То же, что **Обдóнье.** [цит.]

* **Донщина, ы, ж. Казач.** 1. Именование Донского края (в речи казаков). [цит.]

2. Население Донщины. [цит.]

* **Донщина, и, ж. Ласк. к Донщина.** [цит.]

* **Краткие сведения из истории Донского края.**

❖ **Древние казачьи поселения.**

[от составителя]

❖ **Казачьи городки и станицы.**

◇ **Казачий городок Чигонаки.** [цит.]

— [справочный отдел]

◇ **Станица Вёшенская.** [цит.]

* **Мир природы Донского края.**

❖ **Донская природа в циклах года.**

◇ **Зима на Дону.** [цит.]

◇ **Весна на Дону.** [цит.]

◇ **Лето на Дону.** [цит.]

◇ **Осень на Дону.** [цит.]

* **Животный мир Донского края.**

[от составителя]

❖ **Дикие животные: волк, бирюк, дикая коза, лиса (лисовин), сурок, суслик.** [цит.]

— [справочный отдел]

❖ **Птицы: ворон, дятел, журавль, кукушка, соловей и др.** [цит.]

— [справочный отдел]

◇ **Степные птицы: степной орел, беркут, дрофа (дудак), стрепет, степной лунь, жаворонок, куропатка и др.** [цит.]

— [справочный отдел]

❖ Птицы, живущие в непосредственной близости от человеческого жилья: воробей, ворона, галка, горlinka, иволга, грач, сорока. [цит.]

— [справочный отдел]

❖ УЖ, -á, м. и УЖА́КА, -и, -í, ж. Уж, небольшая змея сем. ужеобразных (обычно тёмного цвета и неядовитая). [цит.] <...> <> Ужачи́ный шёпот. Зооморф. Неодобр. Похожий на шипение ужа шёпот. <...> ♦ НА УЖАЧИ́НОМ ПОЛОЖЕНИИ. В тяжёлом, безвыходном положении. [цит.]

— [справочный отдел]

Наличие в словарной статье справочного отдела, в котором содержатся сведения из различных энциклопедий и словарей о семантике слов и фразеологизмов, участвующих в реализации текстемы, позволяет авторам Словаря высветить специфику шолоховского словоупотребления.

Важно отметить стремление авторов отразить системные связи между текстами, что проявляется в порядке следования текстом — он отражает соотношение целого и части, общего и частного. Доминантой ряда выступает текстема *Донской край* — географическое пространство, заселяемое донским казачеством. Содержание доминанты развертывают и обогащают последующие текстемы, которые истолковывают природные и социальные, духовные, рукотворные явления (*Земля, Степь, Чернозём, Месяц, Казак, Песня, Курган, Шлях*). Существенно и то, что Словарь текстом предваряет «Словарь стилистически дифференциальных разрядов лексики и фразеологии», освещая эти разряды мировидением и миропониманием писателя (ср. *чернозёмный язык* ‘исконный, исполненный силы и созидательной энергии язык’ и пласт диалектных слов и фразеологизмов).

Представленное в Словаре М. Шолохова описание текстом — начало в разработке теоретических положений и конкретных языковых форм их выражения. И этот опыт необходимо учитывать при создании словаря нового типа — словаря концептосферы художника слова. Ряд положений требует усовершенствования.

Прежде всего необходимо более строго провести разграничение между основными понятиями, идеями, отражающими авторское восприятие и оценку донского казачества, и языковыми формами выражения этого содержания. Сбой наблюдается уже в самом определении текстемы. С одной стороны, текстемы — это «значимые понятия в произведениях Шолохова» (аннотация), «основные концептуальные понятия, выражающие авторские замыслы, идеи, систему взглядов» (с. 11), с другой — *текстема* — «это слово или сочетание слов, встречающихся в произведениях писателя в совокупности своих значений: в общепотребительном прямом и переносном значениях и в собственно авторском, текстовом смыслах» (с. 27). В Предисловии выделенные текстемы (*Дон, Казак, Шлях, Чернозём* и др.) охарактеризованы как «ключевые слова шолоховского текста» (с. 9).

При всей органической связи слова и понятия научный аппарат описания семантики слова, именующего концептуальное понятие, и описания содержания понятия должны различаться.

Однако при характеристике смыслового текстового поля тексты ядро поля описывается в лингвистической терминологии, а выделенные тематические фрагменты соотносятся с понятийными категориями (родовые признаки отражают обыденные понятия, видовые — исконные, веками сложившиеся знания, — уклад жизни, нормы поведения, устные предания, легенды, верования и т. п.).

Эти колебания между словом, его семантикой и понятием проявляются и в характере иллюстративного материала. Нередко в цитатах, раскрывающих содержание тексты (концептуального понятия? ключевого слова?), отсутствует и м я тексты (или оно находится на периферии контекста) и цитаты в сущности воссоздают образное представление о Донском крае как тексты (см. иллюстрации к видовому признаку этой тексты «Донская природа в циклах года»).

Ряд положений нуждается в дальнейшей разработке. Требуют обстоятельного истолкования центральные понятия «смысловое текстовое поле», «текстовый фрагмент», в том числе необходимо определить границы фрагмента.

Не ясен принцип выделения лексических и фразеологических единиц, формирующих «текстовое смысловое поле», «текстовый фрагмент». Необходима информация и о том, является ли приведенный ряд тексты закрытым или в будущем появится описание и таких ключевых для казачьего миропонимания понятий, как «воля», «вера», «любовь». Желательна система отсылок, соотносящих друг с другом разработку тексты, а также материал I и II частей (так, во II части есть лексема Задонье и ее производные, но они отсутствуют в I части при описании тексты *Донской край*).

Другую лексикографическую форму описания индивидуального стиля писателя и представления основных единиц его концептосферы разрабатывает И. А. Тарасова, автор «Словаря ключевых слов поэзии Георгия Иванова» (Саратов, 2008). Из ряда сходных наименований спецификаторов стиля: м а р к е р ы, идеологемы, константы, идиограммы / идеоглобсы — составителем избран термин «*ключевые слова*» как наиболее привычный и нейтральный. Традиционно отмечают ряд существенных черт слов этой категории:

- концептуальная, композиционная и образная значимость;
- наличие идиостилевого значения, которое опирается на целый текст;
- семантическая многозначность, формирующаяся в контексте;
- связь с важнейшими категориями авторского сознания;
- высокая частота употребления (с. 4).

Таким образом, словарное описание ключевых слов позволяет автору решить одновременно две задачи: представить ядро идиостиля Г. Иванова и выйти на индивидуально-авторские концепты.

Продуманность концепции Словаря и успешная ее реализация во многом определяется предшествующим монографическим исследованием И. А. Тарасовой «Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект» (Саратов, 2003).

Выделение ключевых слов, во-первых, опирается на статистические данные частотного словаря поэзии Г. Иванова, составленного И. А. Тарасовой, и сопо-

ставления этих данных с частотными словарями поэтов — современников Г. Иванова (в число ключевых слов не включены высокочастотные лексемы *глаз* и *день, глядеть и любить, сердце и луна*), во-вторых, важен семантический критерий (для претендентов на статус ключевых слов характерны яркое индивидуально-авторское семантическое преобразование, способность быть центром семантико-ассоциативных полей).

Будучи дифференциальным по словнику, Словарь является полным по разработке значений, оттенков, особенностей употребления отобранных слов и опирается при семантико-стилистической характеристике слова на принципы «Словаря автобиографической трилогии М. Горького».

Новым в создаваемом типе словаря писателя является введение тезаурусного параметра описания, который представляет смысловые отношения между ключевым словом и его партнерами. Этот аспект описания опирается на лексические функции, выделенные в работах И. А. Мельчука, А. К. Жолковского, Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караулова и успешно использованные для характеристики слов-концептов в работах С. Е. Никитиной (выполненных на фольклорном материале).

В тезаурусной зоне, завершающей характеристику значения слова, сначала следуют синтагматические функции, которые выражают семантические отношения типа: *субъект — предикат, предикат — объект, эпитет — носитель признака* и др. Затем, опираясь на макроконтекст, раскрываются парадигматические функции: синонимы и антонимы, контекстуальные оппозиции, перифразы и члены образной парадигмы, символы, субъекты и образы сравнений, ассоциаты и др. (полный список тезаурусных функций приведен в словаре). В качестве примера можно представить тезаурусную зону при 4-ом значении ключевого слова **закат** ‘окраска, освещение неба над горизонтом при заходе солнца’ (при воспроизведении фрагментов Словаря сохранены страницы цитируемого источника).

Эпитеты: янтарен (104), мечтательный (142), медно-красный (150), золотой (162), блеклый (173), багровый, тревожный (207), холодный (479), пурпурный (503)

Предикаты (закат — субъект): роняет пепел (65), распустил веер (243), бросает пламя (260), поникает крылом (485)

Предикат (закат — объект): гляжу на *закат* (207), смотрит на *закат* (229)

Члены образной парадигмы: *закатная* порфира (72), янтарь (162), ленты (165), *закатное* польмя (166), огонь (207), пламя, отблеск золотой всех человеческих надежд (219), зарево банально-красное (503), *закатные* розы (514)

Ассоциаты: рай (61); поэзия (107), Муза (173, 218); мечта (173), мечтательный (229); вспомнил (229), воспоминанье (230); Эрот (107), страсть (218), желанные губы (490); старый (104), старина (104, 207), встарь (162), старинный (224), бывшее (485, 503); Клод Лоррен (142), Антуан Ватто (230); волшебство, тайна (479)

Симиляр: заря (46, 183, 479)

Структуру Словаря определяет наличие среди ключевых слов особого типа лексем, которые в силу своих семантических свойств и словообразовательной активности способны организовать вокруг себя однокоренные производные, а кроме того — выступать прямым наименованием концепта (*жизнь, смерть, вечность, поэзия, Россия, судьба*). Подобные ключевые слова становятся заголовками словарных статей базового типа. Такая статья представляет собой семантико-ассоциативное поле однокоренных производных; и это поле можно рассматривать как репрезентацию индивидуально-авторского концепта. В словообразовательную зону заголовочного слова (эта зона выделена специальным знаком) помещаются словарные статьи вложенного уровня, заголовками которых являются производные базовой ключевой лексемы.

Так, в словообразовательную зону ключевой лексемы *закат* (52 употребления) включены статьи, озаглавленные однокоренными *закатный* (12 употреблений) и *закатиться* (одно употребление). Словарь включает 25 статей базового типа (*Ад, Бог, Весна, Вечность, Дом, Душа, Жизнь, Закат, Заря, Звезда, Лететь, Музыка, Нежный, Поэзия, Рай, Роза, Россия, Синий, Сиянье, Смерть, Снег, Судьба, Счастье, Торжество, Чёрный*) и 169 микростатей вложенного типа.

При знакомстве с тезаурусной зоной возникает ряд вопросов: как эта зона соотносится с традиционным описанием словоупотребления писателя? С одной стороны, в ней маркируются связи, уже отмеченные при семантико-стилистическом описании значения и подтвержденные цитатами (т. е. в «традиционной зоне толкования»). Ср. фрагменты из словарной статьи *звезда*: в т р а д и ц и о н н о й з о н е т о л к о в а н и я: — *в сравн.* Являлось утром иногда Воспоминание, как тьму Вдруг пронизавшая *звезда*. Не знал когда, не помнил где, Но видел взгляд — *звезду* в воде; — *в сравн. в образном контексте*: Поймите, я смертельно болен, Отравлен, скован навсегда. В темнице, где лежу безволен, Лишь Ваше имя, как *звезда*. <...> Будьте, если можете, как *звезда* вечерняя, Так же упоительны, так же холодны и др.; в т е з а у р у с н о й з о н е: Субъекты сравнения: *Ваше имя, лампы, воспоминание, взгляд, вы, ты*.

Кроме того, приводимый в традиционной зоне иллюстративный материал содержит сведения, на основе которых формулируется ряд функций в тезаурусной зоне. Например, при слове *закат* (в 4-ом значении): э п и т е т ы *янтарен, мечтательный, медно-красный, золотой, блеклый, багровый, тревожный, холодный, пурпурный*; п р е д и к а т ы (*закат* — субъект): *роняет пепел, распустил павлиний веер, бросает пламя, поникает багровым крылом*; п р е д и к а т (*закат* — объект): *гляжу на закат, смотрит на закат*. Отмечается в тезаурусной зоне и содержательная значимость звуковых переключек слов: при слове *синий* ‘символ смерти’ — **пароним**(ические) аттрактанты: *сон, снежные*; при слове *рай* ‘место, где души умерших праведников ведут блаженное существование’ — *семантические рифмы*: *раю — умираю, рая — воскресая*.

Размышления над соотношением двух весьма отличных частей (зон) Словаря приводят к неоднозначному ответу на поставленный выше вопрос. Во-первых, они отражают два принципиально разных подхода к анализу слова как единицы в поэтической речи, но позволяют сделать общий итоговый вывод — об эстетической значимости языковой единицы в лексиконе поэта (ср. разную степень

развернутости и одной и другой части таких слов, как *весна* и *весенний*, *предвесенный*; *музыка* и *музыкальный*; *нежный* и *нежно*).

Во-вторых, в первой зоне раскрываются прежде всего стилистические особенности слова, его роль в формировании идиостиля писателя (с этой точки зрения важны послеслитатные пометы типа в *аллитер(ации)*, *контраст*, *совмещ(ение значений)*, используемые в словаре), вторая, тезаурусная зона в лаконичной форме содержит сведения для суждений о месте и характере единицы в авторской концептосфере, о специфике авторского мировосприятия и его картины мира.

При всей четкости и содержательной емкости Предисловия к Словарю термин «тезаурусная функция» охарактеризован недостаточно (нет его дефиниции, неясны критерии ее выделения, например, сочетания типа *луч (лучи) заката*, *дым заката*, *гармония заката*, *пена закатов* (с объектно-определятельными смысловыми отношениями) или генитивные метафоры *костёр заката*, *роза заката* не отражены в тезаурусной зоне словарной статьи *закат* — 4 знач.).

Сопоставление двух типов представления словоупотребления поэта подсказывает и возможности усовершенствования традиционной части словарной статьи, раскрывающей эстетические качества слова: введение, например, рубрик с *эпитетом* (или с *определением*), *рфм* (употребление слова в рифме) или *звк* (включение слова в звуковую организацию контекста). Заметим, что рубрики, отмечающие разные типы сочетаемости, ассоциативные связи слова, его повторы и др., занимают важное место в *К о м м е н т а р и* и словарной статьи «Словаря языка Достоевского» (Словаре идиоглоссы), цель которого — охарактеризовать своеобразие идиостиля писателя.

Особого, обстоятельного разговора заслуживают новаторские лексикографические идеи В. П. Григорьева. Они начали оформляться в 60-е годы XX в. в группе сотрудников Института русского языка АН СССР, руководимой В. П. Григорьевым, и реализовываться в словарях поэтического языка минувшего столетия, отражая динамику теоретической мысли ученого. Экспрессема как единица поэтического языка, представленная совокупностью контекстов в виде актуализированного, преобразованного слова общего языка, была описана в экспериментальном словаре при помощи специальных помет¹⁶, фиксирующих разнообразные приемы словопреобразования в поэтическом употреблении.

Начало нового века ознаменовалось выходом первого тома «Словаря языка русской поэзии XX века»¹⁷. В основе этого титанического труда небольшого коллектива лежит принцип конкорданса с элементами семантической и стилистической характеристики. Словарь охватывает словоупотребление 10 поэтов XX века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Предполагается, что в 8 томах Словаря будет представлено около 50 тысяч словарных статей.

Несомненным достоинством Словаря является:

— полнота словника, представляющего имена нарицательные и собственные в общем алфавите;

— полнота иллюстративного материала, охватывающего все контексты употребления названными поэтами описываемой единицы;

— содержательная полноценность приводимой цитаты, позволяющая судить об эстетических качествах иллюстрируемого слова;

— строгая хронологическая последовательность в размещении цитат.

Соблюдение этих параметров обеспечивает научную ценность словаря как объективной базы для наблюдений и суждений о специфике языка поэзии, его стилистических категориях и развитии, об индивидуальных стилях поэтов. Пока этот потенциал словаря раскрывается непосредственно в разнообразных по тематике исследованиях самих авторов-составителей¹⁸.

В процессе создания «Словаря языка русской поэзии XX века» В. П. Григорьев выдвигает новый термин «эвристема» и обдумывает создание на базе выходящего Словаря нового — Словаря эвриستم. Опираясь на гносеологическую функцию языка и будучи убежденным, что «поэзия доступными ей способами и высказываниями стремится познать неизвестное, *новое*, достичь общезначимого *нового знания*», талантливый исследователь и лексикограф разрабатывает идею четвертого измерения языка — «э в р и с т и к и» и единицы этого измерения «э в р и с т е м ы». Таким образом, традиционное трехмерное пространство языка — с е м а н т и к а, с и н т а к т и к а, п р а г м а т и к а с соответствующими единицами с е м а н т е м а, с и н т а к с е м а, п р а г м е м а дополняется четвертым и соответственно четвертой единицей. При этом подчеркивается, что эвристика пронизывает каждую из трех привычных ипостасей языкового пространства и все их вместе, позволяя вычленивать новое, творческое, идейно-эстетическое в языке, подвести к «динамике отношений языка и мышления в когнитивной деятельности человека», противопоставить динамику языка уже закрепленному в нем «готовому знанию», т. е. статике языка.

Новая идея потребовала перестройки терминологического аппарата. Экспресема как обновленная в поэтическом употреблении единица языка получила новое имя «креатема», предложенное Л. А. Новиковым (тем самым снималась двусмысленность старого термина); новое же понятие «эвристема» распространялось не на всю совокупность контекстов, представляющих креатему, а лишь на «сильные», отмеченные «идейно-художественной значимостью». В. П. Григорьев пытается наметить критерии выделения сильных контекстов (цитируемость, афористичность, создание особо яркого образа, вхождение в состав заглавия, посвящения, наличие свежей и глубокой паронимии или рифмы, присутствие этической оценки и др.), противопоставленных слабым¹⁹. Используя материалы словарной статьи «день» из «Словаря русской поэзии XX века», можно проиллюстрировать это противопоставление словоупотреблением А. Блока:

Слабый контекст:

Весенний день прошел без дела У неумытого окна (1909, III, 74).

Сильный контекст:

Нежить сгнула, — и вдруг День жестокий, день железный Вкруг меня неумолимо Очертил замкнутый круг (1912, III, 83).

Таким образом, эвристема выступает как самая высокая степень индивидуально-художественного своеобразия, воплощенная в контекстах «высшего (*идейно-эстетического*) класса», отражающих и новизну мысли, и новизну языка.

Выдвинутая концепция касается сущностных, созидательных свойств слова в поэзии и приглашает к обдумыванию новых идей на материале не только поэтического, но и прозаического словоупотребления: выделение сильных контекстов в художественной прозе будет представлять большую трудность. Встает вопрос и о том, как, в какой мере идейно-эстетическая значимость эвристики, в совокупности ее контекстов, может быть открыта читателю в Словаре эвристики. Очень жаль, что Виктор Петрович уже не примет участия в этом диалоге.

В заключение обратим внимание на одну важную особенность последних статей В. П. Григорьева²⁰: поднимая глобальные вопросы теории, ученый высказывает обеспокоенность состоянием современной научной жизни филологического сообщества — отсутствием широких дискуссий, равнодушием к чужим идеям, сосредоточенностью только на своих интересах. В прошлом осталась многолетняя творческая полемика между группой Словаря М. Горького и концепцией Словаря языка поэзии, выдвинутой В. П. Григорьевым, жаркие обсуждения в печати и на симпозиумах составителей Словаря М. Горького в Киеве, Риге и других городах принципов авторской лексикографии. О дружественной атмосфере этих споров В. П. Григорьев вспоминает с большой теплотой. И с сожалением отмечает, что ушла в прошлое озабоченность будущим филологии, свойственная великим ученым, прежде всего В. В. Виноградову и Б. А. Ларину, которые всегда рассматривали свое исследовательское творчество сквозь призму его влияния на будущее науки.

Эти вопросы затрагиваются ученым в связи с состоянием писательской лексикографии и ее перспективами, необходимостью научного резонанса на новые идеи, понятия и термины как этапы развития стилистики, обусловленные общей динамикой лингвистической мысли. Как ответ В. П. Григорьеву мы рассматриваем настоящую статью, приглашая филологов продолжить дискуссию о теоретических положениях писательской лексикографии и приложить усилия к тому, чтобы собраться на симпозиум составителей авторских словарей для обсуждения новых идей и проектов.

Примечания

¹ Вышли из печати: Словарь автобиографической трилогии М. Горького в шести выпусках с приложением Словаря имён собственных. Л., 1974–1990; Словарь драматургии М. Горького: «Сомов и другие», «Егор Булычѳев и другие», «Достигаев и другие». Вып. 1–2. Саратов, 1984–1994; Словарь повести М. Горького «Фома Гордеев». Владивосток. Вып. 1: Имена собственные; Вып. 2: А–Бытие.

² *Ларин Б. А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962. С. 3–11.

³ В 1968 г. была опубликована инструкция Словаря: *Ларин Б. А., Ковтун Л. С. и др.* Принципы составления Словаря М. Горького (инструкция Объяснительного словаря автобиографической трилогии М. Горького) // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1968. С. 144–193. Позднее Инструкция с некоторыми уточнениями и дополнениями была включена в первый выпуск Словаря автобиографической трилогии М. Горького. В Предисловии к Инструкции отмечается коллективный характер работы по составлению Словаря М. Горького, в которой участвовали преподаватели ряда вузов страны, сотрудники Словарного сектора Института русского языка АН СССР.

⁴ Сопутствующие работе над Словарем исследования горьковского стиля печатались в сборнике «Словоупотребление и стиль М. Горького» (Л., 1962; Л., 1968; Саратов, 1982).

⁵ Эти итоги — обобщение не только непосредственной лексикографической работы, но и сопровождающих ее исследований Л. С. Ковтун, М. Б. Борисовой, М. А. Карпенко, Г. А. Лилич, В. А. Сиротининой, С. В. Трифионовой (Бековой), О. И. Фоянковой, Ю. С. Языковой и др.; подробнее см.: *Поценья Д. М.* Образ мира в слове писателя. СПб., 1997.

⁶ Например, сборники, связанные с работой над словарями языка Достоевского, Клюева или Словарем языка русской поэзии XX века: серия «Очерки истории языка русской поэзии XX в. М., 1990, 1993, 1994, 1995; Слово Достоевского. Сб. статей / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1996; Слово Достоевского. 2000. Сб. статей / Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга. М., 2001; Клюевский сборник. Вып. 2. Вологда, 2000; Вып. 3. Вологда, 2002.

⁷ *Крылов И. А.* Басни. Словарь языка басен Крылова / Сост. и автор словаря Р. С. Кимягарова. М., 1996; *Кимягарова Р. С.* Словарь языка басен Крылова // Крылов И. А. Избранные басни. М., 2006.

⁸ *Балакай А. Г.* Словарь повести И. С. Шмелёва «Лето господне»: Проект. Новокузнецк, 2007. С. 7.

⁹ Об интенсивном развитии писательской лексикографии в нашей стране можно судить по публикациям: Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2003; *Шестакова Л. Л.* Авторская лексикография на рубеже веков // *Вопр. языкознания.* 2007. № 6.

¹⁰ Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Гл. ред. член-корр. РАН Ю. Н. Караулов. Вып. I. М., 2001. С. IX–LXIV; в дальнейшем ссылки на Введение (указание страниц) приводятся непосредственно в тексте.

¹¹ По данным «Статистического словаря языка Достоевского» (М., 2003), лексический состав основных жанров писателя — более 43 тысяч разных слов.

¹² Вышел из печати: Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2008.

¹³ *Ларин Б. А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 7.

¹⁵ Словарь языка Михаила Шолохова / Автор и руководитель проекта, гл. ред. Е. И. Диброва. М., 2005. Словарь составлен преподавателями кафедры русского языка Моск. гос. открытого пед. ун-та им. М. А. Шолохова; ссылки на Словарь даются непосредственно в тексте статьи.

¹⁶ Словарь опубликован в книге: Поэт и слово. Опыт словаря / Под ред. В. П. Григорьева. М., 1973.

¹⁷ Словарь языка русской поэзии XX века / Автор идеи Словаря В. П. Григорьев; отв. ред. В. П. Григорьев и Л. Л. Шестакова. Т. I: А–В. М., 2001; т. II: Г–Ж. М., 2003; т. III: З — КРУГ. М., 2008; т. IV: КРУГЛ — М. М., 2010.

¹⁸ См. список публикаций в Предисловии ко второму тому Словаря.

¹⁹ *Григорьев В. П.* Эвристика и 4-мерное пространство языка // *Вопр. языкознания.* 2004, № 5. См. также другие публикации автора, указанные в списке литературы, использованной в статье.

²⁰ См., например, статьи: *Григорьев В. П.* Не подводя итогов (от экспрессемы к четвертому измерению языка и эвристеме) // *Словоупотребление и стиль писателя.* СПб., 2006; *Григорьев В. П.* Саратовские и/или московские страдания // *Язык писателя. Литературный язык.* Саратов, 2006.

КОНЦЕПТ «КРАСОТА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М. ГОРЬКОГО

Идея красоты является одной из центральных в творчестве художников слова. При этом она отражает специфику эстетических взглядов автора, что позволяет нам приблизиться к рассмотрению соответствующего фрагмента картины мира конкретного писателя.

С этой целью мы обращаемся к творчеству М. Горького. Объектом рассмотрения стала авторская речь в художественной прозе писателя, поскольку в ней напрямую отразилось авторское восприятие и оценка красоты — предмета нашего внимания.

Термин «концепт» достаточно прочно укоренился в современной науке, хотя его оправданность, как и смысловое наполнение, могут быть разными. В связи с этим представляется оправданной идея С. Г. Воркачева рассматривать его статус в качестве «зонтикового термина», термина, который «покрывает» предметные области нескольких научных направлений»¹.

Несмотря на различия в понимании и квалифицировании термина «концепт», среди принимаемых и признаваемых его аспектов преимущество дают аспекту ценностному: «Уточним важнейшие измерения концепта — образное, понятийное и ценностное. [...] Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было бы выделить. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира»².

Именно этому аспекту мы и посвятим свое внимание при рассмотрении концепта «красота».

Вторым ограничением станет следующее: из всех проявлений красоты предметом рассмотрения станет красота человека.

Если обратиться к материалам горьковского словоупотребления в автобиографической трилогии (а она наиболее точно отражает личностное начало в его художественном творчестве), то мы видим, что оценочное проявляется даже в лексикографических дефинициях. Приведем в качестве доказательства разработку первого значения слова *красивый* в Словаре автобиографической трилогии М. Горького³: «1. Чарующий гармоничностью внешнего облика, лица. // С привлекательной внешностью. // Привлекающий изяществом линий, правильностью черт (о лице, глазах)». Подобным образом оценочность представлена и в слове *красота*: «1. Привлекательность, очарование лица, внешнего облика». Еще ярче эту сторону слова показывают факты авторского словоупотребления. Приведем некоторые из них в сокращенном виде: «красива она была той редкой красотой, которая [...] всегда наполняет сердце опьяняющей радостью», «счастлива красива», «я представлял себе богородицу молодой, красивой, доброй», «красивый парень, мечтатель и книголюб», «она стала еще красивее, [...] — она напомнила мне Василису Прекрасную». В подавляющем большинстве случаев

таковы контексты, показывающие красоту человека. Важную роль в реализации оценочности играют определяющие элементы текста, прилагательные и наречия *праздничный, радостный, счастливо* и др. или дополнительно характеризующие внешность («с ярким румянцем на щеках», «молодые и красивые, подобно ангелам», «лицо стало строже, красивей — и святей», «красива она был той редкой красотой, которая всегда кажется новой, невиданной и всегда наполняет сердце опьяняющей радостью», «заикаясь от восторга, хвалит красоту женщины, словно акафист читает» и т. п.).

Особого внимания заслуживает употребление слова *красивый* при описании бабушки: «Бабушка не плясала, а словно рассказывала что-то [...], лицо ее дрогнуло, нахмурилось и тотчас засияло доброй, приветливой улыбкой, [...] — и вдруг ее сорвало с места, закружило вихрем, вся она стала стройней, выше ростом, и уж нельзя было глаз отвести от нее — так буйно красива и мила становилась она в эти минуты чудесного возвращения к юности!»⁴ Внешность бабушки, как она описана в повести, далека от эталонов красоты и вступает в противоречие с устоявшимися представлениями о женской красоте. Об этом свидетельствует уже описание на первой странице «Детства»: «круглая, большеголовая, с огромными глазами и смешным рыхлым носом». Но несовпадение со стандартными критериями красоты снимается постоянным подчеркиванием других достоинств бабушки: богатство и щедрость души делают ее прекрасной.

Однако положительная оценка красоты человека, хотя она наиболее часто дается в тексте, не абсолютна. В особых случаях красота выступает диссонирующим признаком по отношению к характеру персонажа, и этот диссонанс воспринимается как некое отклонение от нормы: «красивые, но злые глаза». Наконец, в ряде случаев, хотя и редких, оценочный аспект в употреблении слова *красивый* ослаблен. Такие факты выделены в Словаре в качестве особого оттенка употребления 'с привлекательной внешностью' и количественно уступают рассмотренным выше.

Таким способом ярко и наглядно проявляется тесная связь в художественном мире М. Горького эстетического и этического начала. Их тесная связь становится обязательной как неперемutable условие красоты человека.

При условии отсутствия такой связи автор использует слово *красивенький*. Следует особо отметить, что в языке Горького оно никак не может рассматриваться в качестве деривационного варианта, и поэтому составители Словаря совершенно оправданно рассматривают его в особой словарной статье, а в качестве специально выделяют оттенок значения 'смазливый (с неприязнью)', отмечая при этом его эмоциональную окраску: «Красивенький, сытый и самолюбивый, он ненавидел мужиков», «[хозяйка мастерской] отдала меня во власть маленького быстрого приказчика, молодого парня с красивеньким, приторным лицом».

Оправданность позиции составителей подтверждают словесное окружение и синоним *приторный*. Подобные факты достаточно часты в произведениях писателя.

Но даже и там, где, казалось бы, мы встречаем нейтральное употребление слова *красивенький*, оно может выполнять художественно значимую функцию дополнительной характеристики персонажа. Приведем пример описания одной из героинь: «простенькая, приятная, новая, чистая, в перчатках на маленьких руках. Лицо у нее птичье, с быстрыми глазками, вся она красивенькая, как фарфоровая фигурка на подзеркальнике» (XIII, 322). На первый взгляд, в при-

веденном тексте слово *красивенькая* как бы лишено семантического и стилистического своеобразия. Однако в действительности оно выступает в качестве известного сигнала, «показателя неблагополучия», чему в значительной степени способствует большое число слов с уменьшительными суффиксами. Под влиянием этих и других элементов контекста, придающих тексту дополнительные свойства, у слова появляется пейоративный признак.

В такой же «снижающей» функции *красивенький* использовано при изображении Николая Второго в «Жизни Клима Самгина»: «Глаза Клима, жадно поглотив царя, все еще видели его голубовато-серую фигуру и на красивеньком лице — виноватую улыбку. [...] Невозможно было помириться с тем, что царь похож на Диомидова, недопустима была виноватая улыбка на лице владыки стомиллионного народа. И непонятно было, чем мог этот молодой, красивенький и мягкий человек вызвать столь потрясающий рев?» (XIX, 530). Подчеркнутое сходство царя с полубезумным театральным бутафором, как и внешняя его незначительность из-за маленького роста (по сравнению с окружающими) — дополнительное средство, усиливающее экспрессивную окраску слова. В сценах на Нижегородской ярмарке и выставке царь предстает не как личность, а скорее как декоративная фигура. Его красота лишена духовной составляющей, чем и обусловлено употребление слова *красивенький*.

Связь красоты и высокой нравственности устойчива в горьковском миропонимании, как она обязательна и для национального сознания, что проявляется в русском фольклоре, в частности в словосочетании *красна девица*, в обобщенном виде представляющем идеал молодой женщины, в котором обязательна связь эстетического и этического начал. Отражение этого народного взгляда на женскую красоту мы находим в пушкинской «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях». В этой сказке представлены два типа красавиц. Одна озабочена только одним: «Я ль на свете всех милее, Всех румяней и белее?» И цель «сохранения статуса» настолько важна для нее, что ее ничто не сдерживает и она готова на все, чтобы остаться самой красивой, для нее не существует никаких нравственных запретов, и поэтому она идет на убийство. В «Сказке» показано, что без этической составляющей красота оказывается преступной. Другой тип красавицы — царевна. В ее образе представлено воплощение народного идеала красавицы, и она не просто превосходит мачеху красотой (зеркальце, которое и устанавливает, кто же всех краше на свете, сообщает царице: «Но царевна всех милее, Всех румяней и белее»), но и поступает, как должно: наводит порядок в доме богатырей, вежливо обращается к вернувшимся хозяевам, а затем так же достойно отвергает их сватовство. Так в образе царевны Пушкин представляет народный идеал девушки, гармоничное совмещение эстетической и этической стороны личности.

Ссылка на пушкинскую «Сказку», отражающую народный взгляд на женскую красоту, ее восприятие как особой ценности, позволяет подчеркнуть общенациональный аспект в русском понимании и оценке красоты.

Таким образом, в заключение можно отметить, что семантика слов, эксплицирующих концепт «красота», благодаря совмещению эстетической и этической составляющих, приобретает бесспорную оценочность, и эта черта в очередной раз свидетельствует как об индивидуальном своеобразии, так и о несомненной этнокультурной национальной характерности художественного мира М. Горького.

Примечания

¹ *Воркачев С. Г.* Концепт как зонтичный термин // *Язык, сознание, коммуникация.* Вып. 24. М., 2003. С. 5.

² *Карасик В.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 129.

³ *Словарь автобиографической трилогии М. Горького.* Вып. IV. Л., 1984.

⁴ *Горький М.* Собр. соч: В 30 т. Т. 13. М., 1951. С. 38. Далее цитируется настоящее издание, в скобках римские цифры обозначают том, арабские — страницу. При цитатах из Словаря библиографические данные не приводятся.

Н. С. Уткина

СЛОВАРИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Не удивительно, что писательская лексикография актуальна и популярна у исследователей и в XXI в., так как словари языка писателей воплощают в себе характерные черты определенного периода развития национальных лексикографий, а также отражают тенденции в формировании и становлении национальных языков. Являясь словарями речи, писательские словари представляют значительную информацию и об общелитературном языке, так как речевая система писателя отражает литературный язык определенной эпохи и в то же время реализует семантико-стилистические и словообразовательные способности языка. Б. А. Ларин писал о словаре М. Горького: «Индивидуально-авторское в этом словаре выступает всегда на фоне общего в той мере, в какой языковое мастерство писателя поднималось над уровнем общего литературного языка своей эпохи или, в некоторых случаях, как бы уходило в глубины, под „среднюю линию“ литературных норм»¹.

Казалось бы, за долгую историю становления мировой литературы и изучения творчества выдающихся писателей, в том числе и в лексикографическом плане, современным лексикографам совсем не осталось простора для творчества, но это отнюдь не так. Так, например, в XX в. стали появляться ономастические словари, словари речи героев произведений, иностранных слов и даже терминологические справочники: *Shakespearean Plant Names. Identifications, Interpretations*², *A Comprehensive Guide to Shakespeare's Plays, Characters, and Contemporaries*³, *Who's Who in Dickens*⁴, *Shakespeare's Theatre Dictionary*⁵, *Women in Shakespeare*⁶. Такие специальные писательские словари, по мнению О. М. Карповой⁷, нацелены на описание отдельных слоев лексики, обычно остающихся за пределами обычных писательских словарей, и направлены на решение художественных задач писателя, ставящихся им в художественном произведении.

Несомненно, современные профессиональные лексикографы в первую очередь составляют словари к творчеству общепризнанных классиков, таких как У. Шекспир, Ч. Диккенс, Дж. Мильтон, Дж. Чосер и т. д.

Однако у читателей существует потребность в справочниках к работам современных писателей. В конце XX в. нельзя не отметить возросший интерес к современной литературе. Особой популярностью стали пользоваться произведения нового литературного жанра — фэнтези, достаточно трудного для восприятия непросвещенных в этой области читателей. Авторы, работающие в этом жанре, создают миры, расположенные параллельно реальности или вообще никак с ней не связанные. Эти миры отличаются гармонией человека с природой, разнообразием разумных существ, в них повсеместно присутствует волшебство⁸. При этом произведения в жанре фэнтези направлены на раскрытие философских и гуманистических идей. Вероятно, эти особенности привлекают читателей разных возрастов со всего мира.

Пожалуй, самым удивительным является то, что не лексикографы, а обычные читатели поспешили удовлетворить потребность в таких справочниках. Тем не менее нельзя не отметить, что волонтерская лексикографическая практика существовала и ранее. Достаточно назвать Reader's Programme, когда к составлению Big Oxford Dictionaries приглашались желающие волонтеры.

Благодаря современным технологиям и широкой доступности сети Интернет практически каждый может внести вклад в создание словаря к произведению или творчеству своего любимого писателя. Как правило, такие словари создаются на базе интернет-сообществ фанатов писателей. Их отличительной чертой является открытая структура, то есть любой зарегистрированный на сайте пользователь получает право добавлять свои собственные словарные статьи, которые впоследствии редактируются модератором и приводятся к единой форме представления микроструктуры.

Интересно отметить, что намечается тенденция к созданию сначала электронной версии словаря, выложенной в свободном доступе в Интернет, а потом, при успешности проекта, публикации справочника. Именно такая судьба была у самого известного интернет-словаря к произведениям о Гарри Поттере⁹.

В данных справочниках энциклопедического типа толкования входных единиц, конечно, несут глубоко субъективный, авторский характер. Современная теория лексикографии выделяет область писательской лексикографии — Lexicography for Fun¹⁰, представленную не только пользовательскими словарями, но и различными календарями с цитатами из любимых произведений на каждый день, словарями кроссвордов и т. д.

Интересно заметить, что в истории английской лексикографии первые словари были дифференциальными по словнику, только в XVIII в. появились словари регистрирующего типа. В русской традиции идея создания полного объяснительного словаря принадлежит Б. А. Ларину, который считал, что: «в словаре писателя, поэта ничего нельзя обходить», так как «авторский стиль проявляется не только в выборе слов и словоупотреблений, но еще более в компоновке слов, порядке и композиции словесных цепей»¹¹. Составленные современными читателями справочники, пожалуй, нельзя отнести ни к одному из этих типов. Но и не замечать их наличие уже невозможно: для них даже появился широкоупотреб-

тельный в Интернете термин — user-generated. Возможно, это новый, только начинающий зарождаться тип справочников, ориентированных на пользователя.

О. М. Карпова отмечает, что в связи с изменением профиля пользователя прикладная лексикография расширила поле своей деятельности и превратилась в науку о составлении различного рода справочников (reference science), основная цель которых снабдить современного пользователя информативной справкой в любой отрасли знания за небольшой отрезок времени¹².

На наш взгляд, справочники, составленные читателями, могут стать незаменимым инструментом в руках профессиональных лексикографов для создания словаря, удовлетворяющего всем потребностям пользователей.

Примечания

¹ *Ларин Б. А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Б. А. Ларин Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. С. 226–227.

² *Ryden M.* Shakespearean Plant Names. Identifications, Interpretations. Stocholm, 1978.

³ *Clark S.* A Comprehensive Guide to Shakespeare's Plays, Characters, and Contemporaries. Lincolnwood, 1997.

⁴ *Hawes D.* Who's Who in Dickens. L.; N. Y., 2002.

⁵ *Richmond H.* Shakespeare's Theatre. A Dictionary of His Stage Context. L., 2003.

⁶ *Findlay A.* Women in Shakespeare. L., 2009.

⁷ *Карпова О. М., Коробейникова О. В.* Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии. М., 2007. С. 43.

⁸ *Ковтун Е.* Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М., 1999. С. 9.

⁹ The Harry Potter Lexicon, <http://www.hp-lexicon.org>

¹⁰ *Карпова О. М.* Английская лексикография. М., 2010. С. 81.

¹¹ *Ларин Б. А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Сб. статей. Л., 1962. С. 7.

¹² *Карпова О. М.* Английская лексикография. М., 2010. С. 111.

А. С. Герд

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ КАК ПРЕДМЕТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ?⁶

Как известно, филология — одна из основных гуманитарных наук, которая в свою очередь делится на языкознание (лингвистику) и литературоведение. Внутри языкознания мы знаем, например, общую фонетику, общую морфологию, теорию синтаксиса. Многие из таких дисциплин читаются в университетах.

⁶ Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

Каждая из них имеет набор своих основных базовых единиц. Основными единицами общей фонетики являются звук речи, фонема; общей морфологии — морфема, парадигматика. В пределах общей морфологии мы можем спорить о понятиях «морфема», «падеж», «парадигма» и т. д.

Какова же основная единица общей лексикографии? Казалось бы, ответ очевиден — словарь.

Наиболее полное определение понятия «словарь» на сегодняшний день, по-видимому, следующее: словарь — справочная книга, содержащая собрание слов (или морфем, словосочетаний, идиом и т. д.), расположенных по определенному принципу, и дающая сведения об их значениях, употреблении, происхождении, переводе на другой язык и т. п. (лингвистические словари) или информацию о понятиях и предметах, ими обозначаемых, о деятелях в каких-либо областях науки, культуры и др. (энциклопедические словари)¹.

В свое время мы уже касались понятия «словарь» и пришли к выводу, что словарь — это собрание единиц естественного или искусственного языка, обычно снабженных той или иной семантической информацией и расположенных в определенном порядке (чаще в алфавитном или идеографическом)².

В 2007 г. под руководством проф. И. Вехмас-Лехто и автора этих строк в университете в Хельсинки была защищена фундаментальная диссертация И. С. Кудашева. В этой диссертации автор целую главу посвятил понятию «словарь». Повторим кратко его выводы. В качестве родового понятия для понятия «словарь» можно принять понятие «произведение». Поскольку словари обычно состоят не из одного только корпуса, но включают также, например, информацию о самом словаре, правилах пользования им и т. п., необходимо следующее уточнение: словарь — это произведение, центральным элементом которого является система языковых знаков с относящимися к ним сведениями. Кроме того, нужно учитывать, что словарь может быть не только самостоятельным произведением, но и входить в состав другого произведения (например, притекстовые словари) или совокупности произведений (например, словарной серии).

Словарь, по мнению автора, это самостоятельное произведение, часть другого произведения или системы произведений, центральным элементом которого является расположенная на внешнем носителе и упорядоченная в интересах упрощения поиска система знаков, предназначенная для несплошного чтения и снабженная относительно лаконичным набором сведений, имеющих основной целью помочь предполагаемым пользователям в интерпретации, употреблении или замене описываемых знаков³.

Итак, объектом описания в разных типах словарей могут быть слова, словосочетания, части сложных слов, морфемы, аббревиатуры, условные символы, собственные имена и целые предложения. Так, мы можем спросить, какие есть в этом языке морфемы, падежи, предложения, но нельзя спросить — «Какие есть в этом языке словари?»; спросить можно только — «Какие есть словари для этого языка?»

Словарь — не единица системы языка, он не в языке, он вне языка. Для какого-то языка словарь может быть, а для другого может не быть ни одного словаря. Словарь — форма представления данных о языке, которая привносится извне. И в этом плане нет разницы между такими формами представления данных

о языке, как традиционный бумажный алфавитный словарь, классификатор, телефонная книга или разные виды электронных (компьютерных, машинных) словарей.

Что выделяет словарь из других форм представления данных о языке (статья, монография, разные типы морфологических, синтаксических и семантических моделей)? Это:

1. Компрессивность, лаконичность, строгость и прозрачность всей архитектуры словаря.
2. Последовательное проведение заранее заданных принципов.
3. Исчерпывающая всеохватность материала в пределах этих принципов.
4. На входе преимущественно алфавитный или идеографический (логико-понятийный) способ расположения объектов описания.

Именно эти черты и послужили причиной того, что лексикография из всех лингвистических направлений оказалась наиболее привлекательной для компьютеризации в лингвистике.

Сегодня многие типы электронных ресурсов международной компьютерной сети по форме представления и структуре во многом напоминают словари. Однако если словарь не является одной из основных единиц языка, то и лексикография не представляет собой собственно лингвистическую дисциплину.

Абсолютное большинство монографий и учебников по теоретической лексикографии называются «Теория и практика лексикографии» или конкретно прямо — по направлению той или иной отраслевой лексикографии, по типам словарей⁴.

В целом теория общей лексикографии обычно сводится к типологии словарей, к реестру потенциальных признаков, параметров описания слов в словаре и к удобным рабочим, но весьма дискуссионным понятиям «макроструктура» и «микроструктура» словаря. Однако, как известно, например, те же параметры описания слов для каждого словаря «свои» и разрабатываются каждый раз отдельно.

В конечном счете в теории общей лексикографии оказывается столько разных «лексикографий», сколько типов и видов словарей, а видов словарей может быть столько, сколько вокруг нас существует областей знания и классов объектов материального и духовного мира. Более того, в каждом из таких направлений, как, например, лексикография толковых словарей современного языка, историческая, диалектная, писательская, научно-техническая (терминологическая) лексикография, немало своих внутренних проблем, что наглядно отражается в проектах и в принципах словаря, обычно в первом его томе и в самих обобщающих монографиях.

Тогда лексикография — это теория и практика представления данных о мире, выраженных в языке в форме, удобной для человека. В свете сказанного остается вопрос, в сферу каких дисциплин относится и сама лексикография. По названию — традиционно, к основному объекту описания — слову — к языкознанию. Однако, по-видимому, не только к языкознанию, но в определенной степени также к документоведению, книговедению, издательскому делу, к информатике.

И все же среди разных типов знаков, которые встречаются в текстах, лексикография чаще всего имеет дело с определением и описанием слов и словосочетаний. Именно это и делает ее одним из основных социально востребованных обществом направлений языкознания.

Примечания

¹ Новый энциклопедический словарь. М., 2000; 2007 // Dictionaries. ru

² Герд А. С. К определению понятия «словарь» // Проблемы лексикографии / Под ред. А. С. Герда и В. Н. Сергеева. СПб., 1997.

³ Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki University. Translation Studies. Monographs 3, Helsinki, 2007.

⁴ Апажеев А. П. Лексикография: теория и практика. Нальчик, 2005; Берков В. П. Двухязычная лексикография. СПб., 1996; Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Русская ассоциативная лексикография. Саратов, 2008; Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. Wien-Charkov, 1998; Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987; Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958; Переводная и учебная лексикография. М., 1979; Zgusta L., Donna M. T. *Cr Farina Lexicography Today. An annotated Bibliography of the theory of Lexicography.* Tübingen, 1988. Большой перечень подобных изданий см. в: *Practical Lexicography* под ред. Т. Fontenelly. Oxford-New York, 2008, а также в: Atkins S. and Rundell M. *the Oxford guide to Practical Lexicography.* Oxford, 2008.

Надгробие проф. Б. А. Ларина на Большеохтинском Георгиевском кладбище в Санкт-Петербурге. Тобольская дорожка. Памятник из итальянского черного гранита с односторонней шлифовкой. Поставлен в 1967 г. на средства учеников Б. А. Ларина, работавших не только в Ленинграде, но и во многих городах Советского Союза. Установкой памятника руководил В. М. Мокиенко. Барельеф выполнен ленинградским скульптором Г. А. Захаровым

Научное издание

Межкафедральный словарный кабинет
им. проф. Б. А. Ларина

L

Сборник статей

Выпускающий редактор *Е. П. Чебучева*
Корректор *Л. А. Макеева*
Оператор компьютерного набора *А. С. Лагутина*
Компьютерная верстка *Л. В. Васильевой*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 25.12.2010.
Формат 70 × 100^{1/16}. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 100 экз.

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.